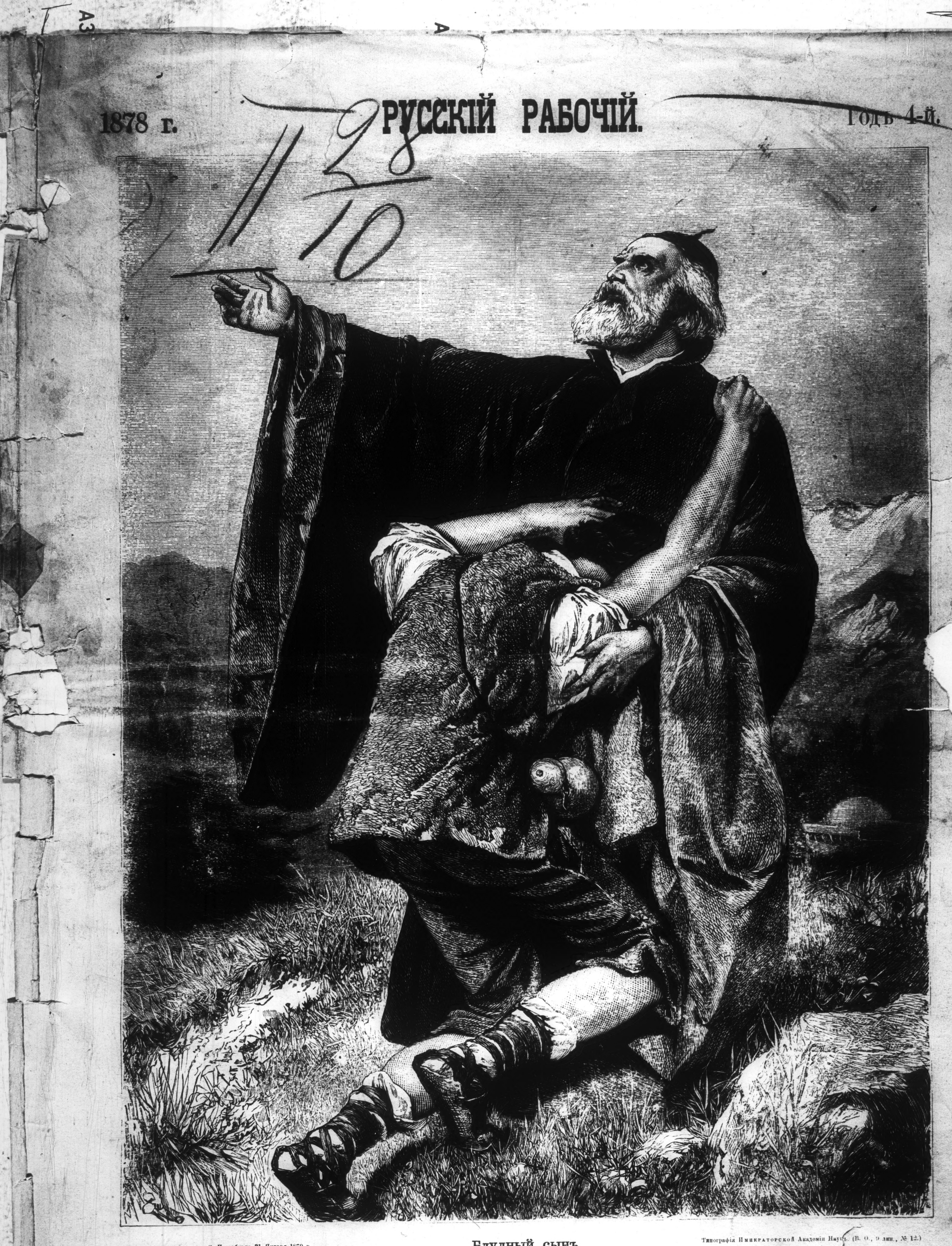
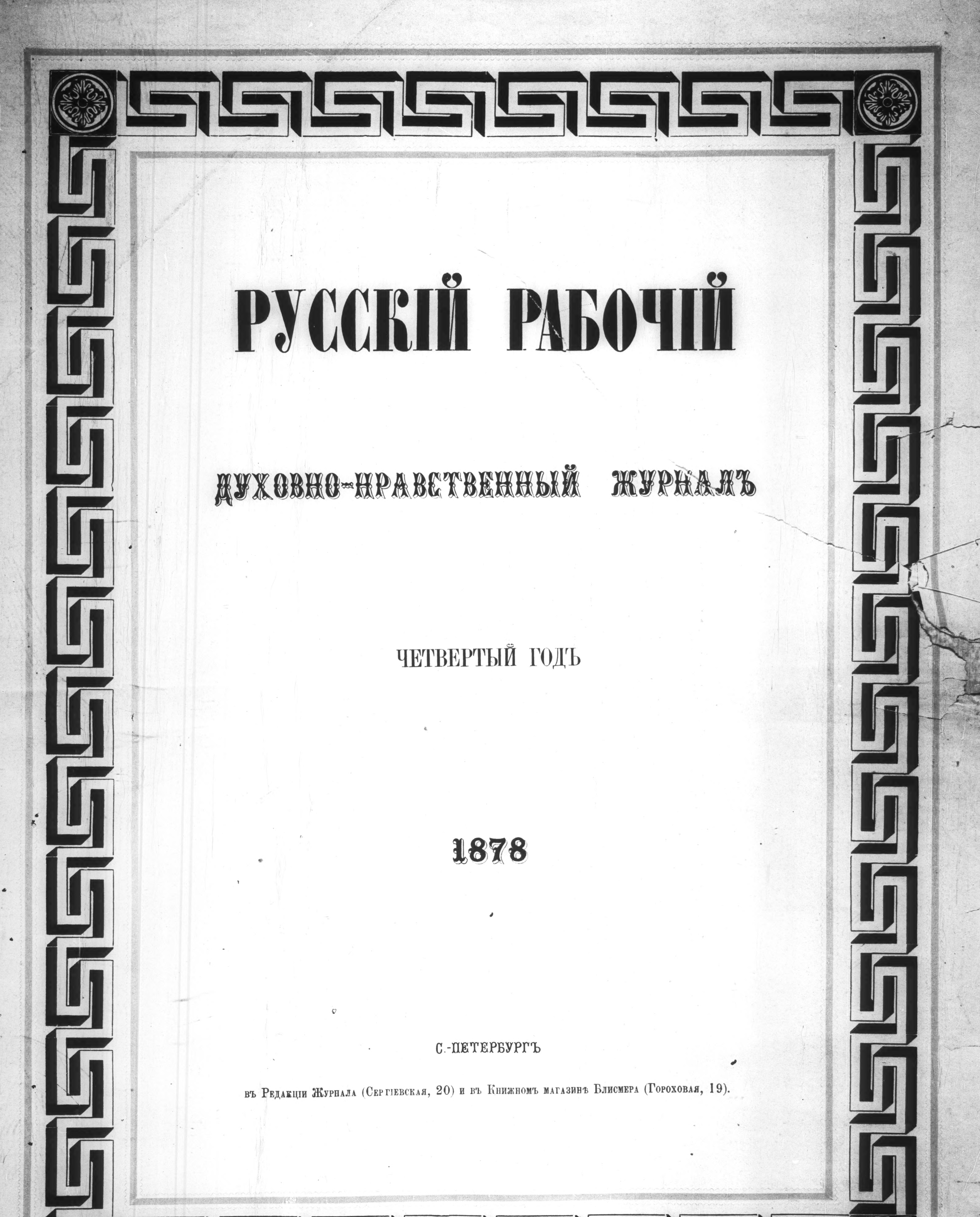
1878 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 4-й.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 31 Января 1879 г.

Блудный сынъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

1878

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

въ Редакціи Журнала (Сергіевская, 20) и въ Книжномъ магазинѣ Блисмера (Гороховая, 19).

№ 1. 1878 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 4-й.

Заведены-ли ваши часы?

Заведены ли ваши часы?

Кажется пустой вопросъ; а на самомъ дѣлѣ очень важный. Когда часы незаведены, весь порядокъ домашней жизни обращается въ хаосъ и суэту; кто опоздалъ, кто поторопился, кто недоспалъ, кто переспалъ, кто пропустилъ время, кто потерялъ его и т. д. Безъ порядка нѣтъ ни успѣшнаго труда ни настоящаго отдыха. Не трудно было бы пойти дальше и доказать, что одна изъ причинъ, почему одинъ богатъ, а другой бѣденъ, одинъ живетъ съ удобствомъ, другой въ лишеніи, заключается въ томъ, что одинъ заводитъ, а другой незаводитъ часы.

Какъ всякая вещь въ мірѣ имѣетъ свое мѣсто, такъ и всякое дѣло имѣетъ свое время, и успѣхъ дѣла зависитъ отъ того чтобы оно было сдѣлано въ свое время. Если крестьянинъ пропуститъ время посѣва, онъ ничего не пожнетъ; если морякъ простоитъ у пристани когда дуетъ попутный вѣтеръ, онъ никуда не доѣдетъ. Кромѣ того, есть такія дѣла, которыя, если начаты во время, продолжаются сами собой. Поставьте котелъ на огонь и онъ будетъ кипѣть безъ вашей помощи; посадите ростокъ въ землю и онъ будетъ рости и цвѣсти самъ собою. Поднимите парусъ и вѣтеръ понесетъ вашу лодку.

Есть еще дѣла, другаго рода, которыя разрастаются сами собою и приносятъ еще большую пользу чѣмъ тѣ, о которыхъ мы сейчасъ говорили: возбуждать и согрѣвать въ людяхъ любовь другъ къ другу полезнѣе чѣмъ кипятить воду. Посѣять благую мысль или доброе намѣреніе въ сердцѣ ближняго несравненно важнѣе чѣмъ посадить ростокъ. Направить юношей къ добру, возбудить въ нихъ рвеніе и дѣятельность лучше, чѣмъ распустить парусъ и пользоваться попутнымъ вѣтромъ.

Когда проповѣдникъ Евангелія возвѣщаетъ слово спасенія, сотни людей могутъ воспользоваться этимъ благомъ. Когда писатель трудится надъ полезной книгой,— онъ дѣлаетъ добро тысячамъ людей. И добро это не умираетъ а приноситъ плодъ въ вѣчности.

Но для того, чтобы приносить людямъ то благо о которомъ мы говоримъ, надо также чтобы часы были заведены и въ порядкѣ. Не тѣ часы конечно, которые ничто иное какъ машинка, съ колесами и стрѣлками, прибитая къ стѣнѣ; а тѣ часы, та мудреная машинка, которая бьется въ груди у каждаго человѣка, въ немъ живетъ и дѣйствуетъ. По собственному опыту намъ кое-что извѣстно объ этихъ внутреннихъ часахъ. Какъ часто они неисправны и засорены; какъ спѣшатъ или отстаютъ колеса, какъ невѣрно показываютъ стрѣлки, какъ весь ходъ ихъ неровенъ и сбиваетъ съ толку какъ самаго хозяина такъ и всѣхъ кто руководствуется его часами! Доходитъ и до того, что часы признаютъ совсѣмъ испорченными и негодными. Тогда что?— Бросить ихъ, говорятъ люди. Нѣтъ, нельзя. Часы эти, т. е. сердце человѣческое, устроилъ великій художникъ,— самъ Богъ. Онъ одинъ знаетъ всѣ пружины, весь сложный ходъ этихъ часовъ. Онъ одинъ и можетъ очистить, исправить ихъ и заставить ихъ итти ровнымъ и вѣрнымъ ходомъ.

Глядя на наше сердце, уклонившееся отъ пути правды, на нашу испорченную жизнь, наши невѣрные шаги и на сбивающій насъ грѣхъ, мы склонны унывать и думать, что никто не можетъ помочь намъ. Да, на землѣ никто. Но милосердый Творецъ, устроившій сердце человѣка, знаетъ всѣ пути его. И вотъ слова Его: „онъ, отвратившись пошелъ по пути своего сердца. Я видѣлъ пути его, и исцѣлю его“.

„Обратимъ же сердца наши на пути наши“, и въ началѣ года прибѣгнемъ къ Богу съ молитвою, чтобы Онъ исправилъ путь нашъ. Господь услышитъ насъ и скажетъ словами своего пророка: „отъ сего дня Я благословлю ихъ“.

Новый годъ.

Всѣмъ, всѣмъ, безъ исключенія, дай Богъ счастья на новый годъ. Но какого счастья? Въ чемъ состоитъ счастье? Не въ безпечномъ наслажденіи благами міра сего; не въ томъ, что уносится временемъ, не въ томъ, что уничтожается страданіемъ и смертью. Нѣтъ, дай Богъ всѣмъ и каждому того счастья, которое прочно какъ Слово Божіе, „пребывающее во вѣки“. Это счастіе, на языкѣ Св. Писанія называется *блаженствомъ*. Счастливымъ мы называемъ человѣка, который пользуется земнымъ благополучіемъ; блаженнымъ мы назовемъ того, кому „помощникъ Богъ Іаковлевъ, у кого надежда на Господа Бога его“. (Пс. 145, 5). Такой человѣкъ счастливъ даже и тогда, когда у него есть заботы, испытанія и скорби, онъ счастливъ не смотря на обстоятельства, какъ былъ счастливъ Іаковъ, одинокій странникъ въ пустынѣ, когда уснувъ на камнѣ онъ увидалъ, что Господь присутствуетъ на мѣстѣ томъ и взявъ камень, служившій ему изголовьемъ, поставилъ его памятникомъ, и назвалъ это мѣсто Вефиль, т. е. домъ Божій.

Но еще несравненно счастливѣе Іакова христіанинъ, познавшій „Бога Господа нашего Іисуса Христа, Царя славы“; потому что вѣрою во Христа мы становимся дѣтьми Божіими и приближаемся съ дѣтскою любовью и дерзновеніемъ къ тому самому Богу, передъ которымъ со страхомъ благоговѣлъ Іаковъ.

Разсмотримъ же по Св. Писанію, кого самъ Богъ называетъ счастливымъ или блаженнымъ, чтобы намъ начать годъ желаніемъ достигать вѣрнаго, непреложнаго счастья, указаннаго самимъ Богомъ въ Св. Словѣ Его.

Вотъ что говоритъ Св. Писаніе:

Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное.

Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся.

Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю.

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ.

Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.

Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божіими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное.

Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. (Матѳ. 5. 3—11. Луки 6. 20—22).

Блаженъ кто не соблазнится о Мнѣ. (Матѳ. 11. 6. Луки 7. 23).

Ваши же *блаженны* очи, что видятъ и уши ваши, что слышатъ. (Матѳ. 13.16).

Блаженъ ты, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. (Матѳ. 16. 17).

Блаженны очи, видящія то, что вы видите. (Луки 10. 23).

Блаженны слышащіе Слово Божіе и соблюдающіе его. (Луки 11. 28).

Блаженны рабы тѣ, которыхъ господинъ, пришедши, найдетъ бодрствующими; истинно говорю вамъ, онъ препояшется, и посадитъ ихъ, и подходя, станетъ служить имъ. И если прійдетъ во вторую стражу, и въ третью стражу прійдетъ, и найдетъ ихъ такъ; то *блаженны* рабы тѣ. (Луки 12. 37, 38).

Когда дѣлаешь пиръ; зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ: и *блаженъ* будешь, что они не могутъ воздать тебѣ. (Луки 14. 13, 14). Если это знаете, *блаженны* вы, когда исполняете. (Іоан. 13. 17).

Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе. (Іоан. 20. 29).

Блаженнѣе давать, нежели принимать. (Дѣян. 20. 35).

Блаженъ человѣкъ, который переноситъ искушеніе.

Кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы, и пребудетъ въ немъ..., тотъ *блаженъ* будетъ въ своемъ дѣйствованіи. (Іак. 1. 12, 25).

Если и страдаете за правду, то вы *блаженны*. (Петр. 3. 14).

Если злословятъ васъ за Имя Христово, то вы *блаженны*; ибо Духъ Славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ. (1 Петр. 4. 14).

Блаженны, чьи беззаконія прощены, и чьи грѣхи покрыты.

Блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣнитъ грѣха. (Римл. 4. 7, 8).

Блаженъ читающій и слушающіе слова пророчества сего и соблюдающіе написанное въ немъ: ибо время близко. (Откр. 1. 3).

Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ. (Откр. 14. 13).

Блаженъ бодрствующій. (Откр. 16. 15).

Блаженны званные на брачную вечерю Агнца. (Откр. 19. 9).

Блаженъ и святъ имѣющій участіе въ воскресеніи первомъ. (Откр. 20. 6).

Блаженъ соблюдающій слова пророчества книги сей.

Блаженны тѣ, которые соблюдаютъ заповѣди Его, чтобы имѣть имъ право на древо жизни, и войти въ городъ вратами. (Откр. 22. 14).

Свадебный бокалъ.

Въ нарядной залѣ, за ужиномъ, сидѣли свадебные гости, весело разговаривая другъ съ другомъ. На одномъ концѣ стола сидѣла красивая новобрачная рядомъ съ своимъ молодымъ мужемъ. Старикъ отецъ молодой женщины, счастливый и улыбающійся, распоряжался пиромъ, обходя и подчуя гостей.

„За здоровье молодыхъ!“ закричалъ чей то голосъ; и пѣнистое вино полилось въ бокалы. При этихъ словахъ лицо прекрасной, молодой женщины покрылось блѣдностью. Она стала также бѣла какъ подвѣнечные цвѣты на головѣ ея. Руки ея сжались; и глаза пристально смотрѣли на вино.

— „Пей же, Маша“; прошепталъ ей на ухо встревоженный отецъ, стоя за ея стуломъ; „всѣ ждутъ тебя; брось хоть на сегодня твои причуды и веди себя какъ слѣдуетъ. У себя въ домѣ, дѣлай какъ хочешь; но, въ моемъ домѣ, прошу тебя, не порти праздника“.

Всѣ глаза были обращены на молодыхъ. Многіе изъ гостей знали, что молодой мужъ, ставъ женихомъ, бросилъ пить вино, изъ угожденія невѣстѣ; и теперь, они смотрѣли на него съ улыбкой ожиданія, ясно говорившей: увидимъ насколько онъ уже подъ башмакомъ жены. Наливъ до верху бокалъ, поднесли его новобрачной. Рука ея не дрогнула, когда она протянула ее къ бокалу и хотѣла поднести его къ губамъ. Но въ эту минуту, она вдругъ поблѣднѣла еще больше и дрожащимъ голосомъ вскрикнула: „Ахъ! какъ ужасно!“

„Что случилось?“ раздалось отовсюду; и всѣ глаза испуганно обратились на нее; она же продолжала смотрѣть на вино, какъ будто что то страшное представлялось глазамъ ея.

— „Что случилось;“ повторила она въ сильномъ волненіи, „я разскажу вамъ; хотя трудно найти слова, чтобы передать то что я вижу?“ Темные глаза заблистали; рука указывала на вино; слова ея раздавались какъ то странно въ ушахъ веселаго общества.

— „Я вижу“, продолжала она, „дальнюю страну и высокія горы; палящее солнце озаряетъ большія деревья; и трава усѣяна яркими цвѣтами. Вотъ, идутъ носильщики, съ печальнымъ видомъ; слезы льются по ихъ смуглымъ лицамъ; на носилкахъ лежитъ молодой человѣкъ, покрытый плащемъ; смертная блѣдность на лицѣ его; глаза горятъ лихорадочнымъ огнемъ. — Его опустили на траву; на колѣняхъ, подлѣ него, стоитъ товарищъ и старается на груди своей поддержать его слабую голову. Полное разрушеніе положило печать свою на юномъ лицѣ умирающаго. Посмотрите, какъ онъ отбрасываетъ исхудалыми пальцами влажныя пряди волосъ; какъ цѣпляется слабѣющими руками за товарища; какъ онъ умоляетъ о жизни; какъ онъ проситъ, чтобы спасли его! Слышите, какъ онъ, со слезами, призываетъ отца, какъ онъ произноситъ имя любимой, единственной сестры! Сестра и братъ,— близнецы, нѣжно связанные любовью, разлучены въ эту страшную минуту! Она рыдаетъ о немъ въ отцовскомъ домѣ, а онъ умираетъ на чужой сторонѣ! Смотрите, вотъ руки

его поднялись къ небу: онъ молитъ Бога о помилованіи; онъ неистово проситъ жизни; но огонь бѣжитъ по жиламъ, и болѣзнь съѣдаетъ его. Слезы товарища падаютъ на его голову; смущенные носильщики удаляются; живой и умирающій остаются вдвоемъ!"

Мертвая тишина царствовала въ нарядной залѣ; на глазахъ у многихъ блеснули слезы; бокалы стояли нетронутыми; старикъ хозяинъ, въ изнеможеніи, упалъ на кресло.

„Наступилъ вечеръ", продолжаетъ она, „мѣсяцъ вышелъ изъ-за горъ; и тихіе лучи его покоятся на блѣдномъ челѣ умирающаго; онъ лежитъ безъ движенія, глаза его впали и взоръ померкъ. Товарищъ произноситъ его имя, имя отца, сестры; нѣтъ отвѣта! Смерть овладѣваетъ имъ и никого родныхъ нѣтъ подлѣ него, чтобы благословить его и дать ему послѣдній поцѣлуй любви. Вотъ, голова упала; глаза закрылись; послѣдній тяжелый вздохъ и—онъ умеръ!"

Всѣ вздрогнули при этихъ словахъ. Описаніе было такъ живо; лицо говорившей выражало столько страданія! Подлѣ нея, закрывъ лицо руками, неподвижно сидѣлъ молодой мужъ.

— „Да, умеръ!" повторила она потрясающимъ голосомъ, „и опять подходятъ носильщики, копаютъ ему могилу и опускаютъ его безъ гроба въ сырую землю; его,—единственнаго сына богатаго, знатнаго отца; нѣжно-любимаго брата несчастной сестры; и тамъ, въ дальней странѣ лежитъ онъ, безъ памятника, и ничей глазъ не узнаетъ его могилы. Этотъ погибшій юноша, — это сынъ отца моего, мой братъ дорогой; онъ сталъ жертвою этого смертельнаго яда, этого страшнаго напитка! Отецъ", продолжала она, обернувшись внезапно, „выпитъ ли, теперь, это вино"?

Отецъ рыдалъ и едва внятнымъ голосомъ отвѣтилъ: „нѣтъ, Бога ради, не пей"!

Она подняла блестящій бокалъ и бросила его на полъ, такъ что онъ разбился въ дребезги. Всѣ присутствующіе, въ ту же минуту, оттолкнули свои бокалы. Она обернулась къ нимъ съ грустной улыбкой и сказала:

„Друзья, пусть никто изъ васъ никогда не соблазняетъ меня прикоснуться губами къ этому ненавистному напитку. Какъ тверды гранитныя скалы той страны, гдѣ погибъ братъ мой, такъ твердо мое рѣшеніе не отравлять душу мою этимъ ядомъ. И тотъ, съ которымъ я соединила жизнь мою сегодня; онъ, который былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ брата и похоронилъ его въ далекой странѣ,—онъ, я увѣрена, поддержитъ меня въ этомъ рѣшеніи. Не такъ ли, другъ мой?" сказала она, обращаясь къ мужу.

Онъ отвѣтилъ ей взглядомъ и грустной улыбкой. Старикъ отецъ вышелъ изъ залы и заперся въ своемъ кабинетѣ,—на единѣ съ Богомъ. Когда онъ вернулся къ гостямъ, серьезное и мягкое выраженіе лица его ясно показывало что и онъ также рѣшился изгнать изъ своего роскошнаго дома того врага, который погубилъ сына его.

Всѣ присутствовавшіе на этой свадьбѣ не могутъ забыть сильнаго впечатлѣнія, вынесеннаго ими оттуда; а многіе на всегда отказались отъ обманчивой рюмки, такъ незамѣтно отравляющей душу и тѣло.

Прокаженный.

I.

Сидѣлъ прокаженный одиноко. — Голова его была выбрита и обнажена, одежда въ лохмотьяхъ; исхудалыя плечи покрыты толстымъ плащемъ; онъ сидѣлъ и испускалъ жалобные возгласы. Если случалось, что сострадательный человѣкъ хотѣлъ подойти къ нему, онъ спѣшилъ махнуть ему рукою — говоря хриплымъ голосомъ: „оскверненный, оскверненный!!"

Этотъ человѣкъ не всегда былъ одинокъ: онъ прежде жилъ среди общества, и пользовался радостями семейной и общественной жизни. — Но вдругъ появились на немъ признаки страшной болѣзни. Онъ старался сначала самъ не вѣрить этому, надѣясь, что страдаетъ другою излечимою болѣзнью.

Но увы! болѣе положительные признаки подтвердили его опасенія; и въ добавокъ, онъ зналъ, что, оставаясь дома, заразитъ все семейство.

Тогда онъ пошелъ къ начальнику племени, который одинъ имѣлъ право, осмотрѣвъ его, произнести приговоръ.

Начальникъ объявилъ, что есть сомнѣнье!

Надежда, значитъ, не потеряна. Изъ предосторожности, больной долженъ былъ удалиться на нѣсколько дней въ одиночество, чтобы не перенести заразы на окружающихъ его. Какіе ужасные дни! Кто въ состояніи описать волненія этой души, находящейся между надеждой и страхомъ!

По прошествіи нѣсколькихъ дней не было уже никакого сомнѣнія — болѣзнь выяснилась — проказа. Съ этой минуты несчастный исключенъ изъ общества, отдѣленъ отъ людей, осужденъ разстаться со всѣмъ, что ему дорого, и имѣетъ въ виду только жизнь, наполненную ужасными страданіями, одиночество и наконецъ — страшную смерть; вотъ удѣлъ этаго человѣка!

II.

Въ Галилеѣ былъ человѣкъ, страдавшій той-же болѣзнью, и подвергнутый тому-же несчастью, какъ и тотъ, о которомъ мы говорили выше: онъ такъ-же былъ одѣтъ, такъ-же жилъ въ одиночествѣ; — вдругъ до него дошелъ слухъ, что появился, въ его странѣ, необыкновенный мужъ, по слову котораго исцѣляются всѣ болѣзни: слѣпые получаютъ зрѣніе, хромые ходятъ.

Не можетъ-ли Онъ исцѣлить и меня, думаетъ несчастный! Если Онъ властенъ надъ всѣми болѣзнями, то безъ сомнѣнія и надъ моею. Пойду къ Нему; пойду встрѣчу Его, прежде чѣмъ Онъ войдетъ въ городъ. Его зовутъ Учитель, Спаситель; обращусь къ Нему; ни кто иной не можетъ меня исцѣлить.

Вотъ, онъ всталъ, смотритъ вдаль и видитъ, какъ народъ стекается къ одному мѣсту; Учитель долженъ быть тамъ, думаетъ онъ. Собравъ послѣднія силы, прокаженный двинулся впередъ; надежда даетъ ему необычайную силу — онъ проталкиваетъ народъ, крича своимъ хриплымъ голосомъ: оскверненный, оскверненный! Всѣ сторонятся, чтобы дать ему мѣсто, всякій боится прикосновенія; ему открыть свободный путь къ Учителю. *„И вотъ подошелъ прокаженный, и, кланяясь Ему, сказалъ: Господи! если хочешь, можешь меня очистить.— Іисусъ, простерши руку, коснулся его, и сказалъ: хочу, очистись. И онъ тотчас очистился отъ проказы".* (Еванг. Матѳ. VIII 2, 3).

Очистился! Онъ сбросилъ плащъ прокаженнаго, въ его жилахъ течетъ новая кровь, новая жизнь проникаетъ во всё его существо, онъ исполненъ великой радостью, онъ дышетъ счастьемъ! Онъ снова увидитъ свой домъ, онъ вернется въ общество; очистился, онъ очистился! А Учитель говоритъ ему: „смотри, ни кому не сказывай; но пойди, покажи себя священнику, и принеси даръ, какой повелѣлъ Моисей, во свидѣтельство имъ". (Еванг. Матѳ. VIII 4).

„А онъ, вышедши, началъ провозглашать и разсказывать о произшедшемъ". (Еванг. Марк. I. 45).

Могъ ли онъ молчать о своей радости, получивъ лучшій изо всѣхъ подарковъ? Какъ молчать ему о томъ, что Спаситель дотронулся до него, исцѣлилъ и благословилъ его? Нѣтъ, онъ не замолчитъ! Онъ передастъ всякому, кто только хочетъ слушать, о томъ что Іисусъ для него сдѣлалъ.

И сотни больныхъ, услышавъ объ этомъ чудѣ, стали приходить къ Іисусу; и Онъ исцѣлялъ ихъ.

За симъ исцѣленный бѣжитъ въ радости къ священнику, и говоритъ, что онъ очистился: ибо Учитель ему такъ сказалъ. Принеся жертву, онъ воздалъ хвалу любви и силѣ своего Спасителя и громкимъ голосомъ кричалъ: "Онъ меня очистилъ"!

Священникъ, убѣдившись въ очищеніи прокаженнаго, взялъ, по обычаю, двѣ живыя птицы, влилъ кровь одной изъ нихъ въ сосудъ съ водой, а другую окунулъ въ кровь первой; потомъ, семь разъ, окропивъ очищеннаго прокаженнаго этою кровью, объявляетъ его очищеннымъ отъ оскверненія по закону и исцѣленнымъ отъ проказы. Живую-же птицу отпускаетъ на волю. (Левитъ XIV. Законъ о прокаженномъ). Чудный образъ смерти и воскресенія Іисуса Христа, котораго часъ тогда еще не насталъ.

III.

Есть въ мірѣ и другіе прокаженные, которыхъ тѣло не поражено заразительной болѣзнью, но которыхъ душа страдаетъ проказой и всѣ источники жизни нравственной заражены смертельнымъ ядомъ.

Этою проказою заражены всѣ: ты, читающій эти строки, и я, пишущій. Много издано книгъ, объясняющихъ признаки тѣлесныхъ болѣзней. Но книга о признакахъ нашихъ духовныхъ болѣзней— была бы не объятна.

Нравственная проказа проявляется чрезвычайно различно; у иныхъ гнѣвомъ, у другихъ гордостью, у третьихъ самолюбіемъ, жадностью, ложью, пьянствомъ, враждою; тогда какъ у нѣкоторыхъ она такъ мало замѣтна, что даже трудно и подозрѣвать.

Нѣтъ ни врача, ни лекарствъ, которые могли бы исцѣлить отъ этой проказы. Но Христосъ, умершій „праведникъ за неправедныхъ", омывшій грѣхи наши Своею кровію и воскресшій для нашего оправданія,—Онъ одинъ можетъ исцѣлить отъ этой язвы.

Что надо сдѣлать чтобы получить отъ Него исцѣленіе? То же, что сдѣлалъ прокаженный: — просить Его исцѣлить насъ. Прокаженный зналъ, что болѣзнь его смертельна, и что Христосъ Одинъ можетъ исцѣлить его. Онъ просилъ съ вѣрою; — и получилъ просимое. Намъ остается сдѣлать тоже.

Читатель!—Пишущій эти строки такъ и сдѣлалъ, и вѣруетъ, что очистился. Какъ прокаженный, о которомъ говоритъ Евангеліе, онъ не можетъ молчать; онъ говоритъ вамъ: Іисусъ мой Спаситель живъ, Онъ взялъ мои грѣхи на себя и понесъ мое наказаніе; „Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши, и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились." (Исаіи LIII. 5).

„Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ, и послалъ Сына Своего въ умилостивленіе за грѣхи наши". (1 Посланіе Іоанна IV. 9. 10).

„Милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются". (Псал. LXXXIV, 11).

„Получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Іисусѣ". (Посл. Римл. III. 2 4).

Прійдите-же къ Спасителю, приблизьтесь къ Нему со всѣми вашими нравственными болѣзнями, сокрытыми и явными язвами, и получите исцѣленіе вѣрою въ Него.

Онъ сказалъ: „приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ". (Еванг. Іоанна VI 37).

Однажды будете очищены вы, и дѣла ваши будутъ очищены, ибо Духъ истины будетъ пребывать въ васъ.

Забытое письмо.

Это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время войны. Молодой солдатъ лежалъ въ лазаретѣ, страдая отъ жестокой раны. Дни тянулись для бѣднаго больнаго, который не зналъ еще, что эти дни сочтены для него.

Въ комнату, гдѣ онъ лежалъ вошла сестра милосердія; и, сѣвъ подлѣ него, стала говорить съ нимъ ласково о его здоровьи, его родинѣ и семьѣ.

— „Да вотъ", сказалъ солдатъ, „у меня въ ранцѣ есть письмо отъ отца; оно уже давненько пришло, да я его не распечатывалъ, и не читалъ. Прочтите вы, если милость будетъ".

Сестра достала письмо и прочла: „любезный сынъ нашъ, мы съ матерью твоей достали деньги и выслали за тебя куда

Бѣдное но мирное жилище.

слѣдуетъ, чтобы ты могъ домой пріѣхать. Не мѣшкай же. Капитанъ парохода обѣщалъ тебя свезти даромъ. Наше съ тобой благословеніе".

Раненый солдатъ привсталъ на постелѣ отъ удивленія и смотрѣлъ какъ ошеломленный. „Еслибъ не вы читали, не повѣрилъ бы", сказалъ онъ, „теперь уже поздно: не уѣхать мнѣ; прочитай я это письмо раньше, ужъ я давно бы былъ, дома цѣлъ и невредимъ; а теперь,— поздно!" И онъ упалъ на подушку въ слезахъ. Видя его волненіе и думая о его скорой смерти, добрая сестра взяла изъ кармана Евангеліе и сказала: „вотъ, мой милый, тутъ другое письмо, тоже съ радостной вѣстью, которую еще не поздно послушать и принять".

— „Поздно и для этой", сказалъ солдатъ, „мнѣ дали Евангеліе на дорогу, и товарищи есть грамотные; никогда не хотѣлъ слушать; не любилъ я божественнаго никогда".

— „Послушай же теперь", настаивала сестра.

— „Нѣтъ уже поздно", пробормоталъ солдатъ, и глаза его закрылись на вѣки.

Вы, которымъ еще не поздно, читайте Божіе письмо. Изъ него вы узнаете, что вы искуплены дорогою цѣною, цѣною крови Сына Божія. Въ этомъ письмѣ заключается радостная вѣсть для грѣшниковъ,—вѣсть прощенія и жизни вѣчной. Читайте и сердце ваше будетъ полно радости и любви ко Христу, Спасителю вашему.

ТРИ ВѢНЦА.

Блаженъ человѣкъ, который переноситъ искушеніе; потому что онъ, усовершась искушеніемъ, получитъ

ВѢНЕЦЪ ЖИЗНИ,

который обѣщалъ Господь любящимъ Его.
(Іакова 1, 12 Откр. 2, 10.)

Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ, а теперь готовится мнѣ

ВѢНЕЦЪ ПРАВДЫ,

который дастъ мнѣ Господь, праведный Судья въ день оный, и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его.
(2 Тим. 4, 7—8.)

И когда явится Пастыреначальникъ, вы получите неувядающій

ВѢНЕЦЪ СЛАВЫ.

(1 Петр. 5, 4.)

Св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: „и мнѣ не вѣрь, когда говорю тебѣ просто, когда не будешь имѣть доказательствъ на слова мои изъ Писанія; ибо твердость нашей вѣры зависитъ не отъ словъ отборныхъ, а отъ доказательствъ изъ Писаній". (Кир. Огл. 4 стр. 37.)

„Еслибы и мертвый возсталъ, еслибы и ангелъ сшелъ съ неба; болѣе всего надобно вѣрить Писанію".
(Златоустъ 4 бѣс. о Лазарѣ.)

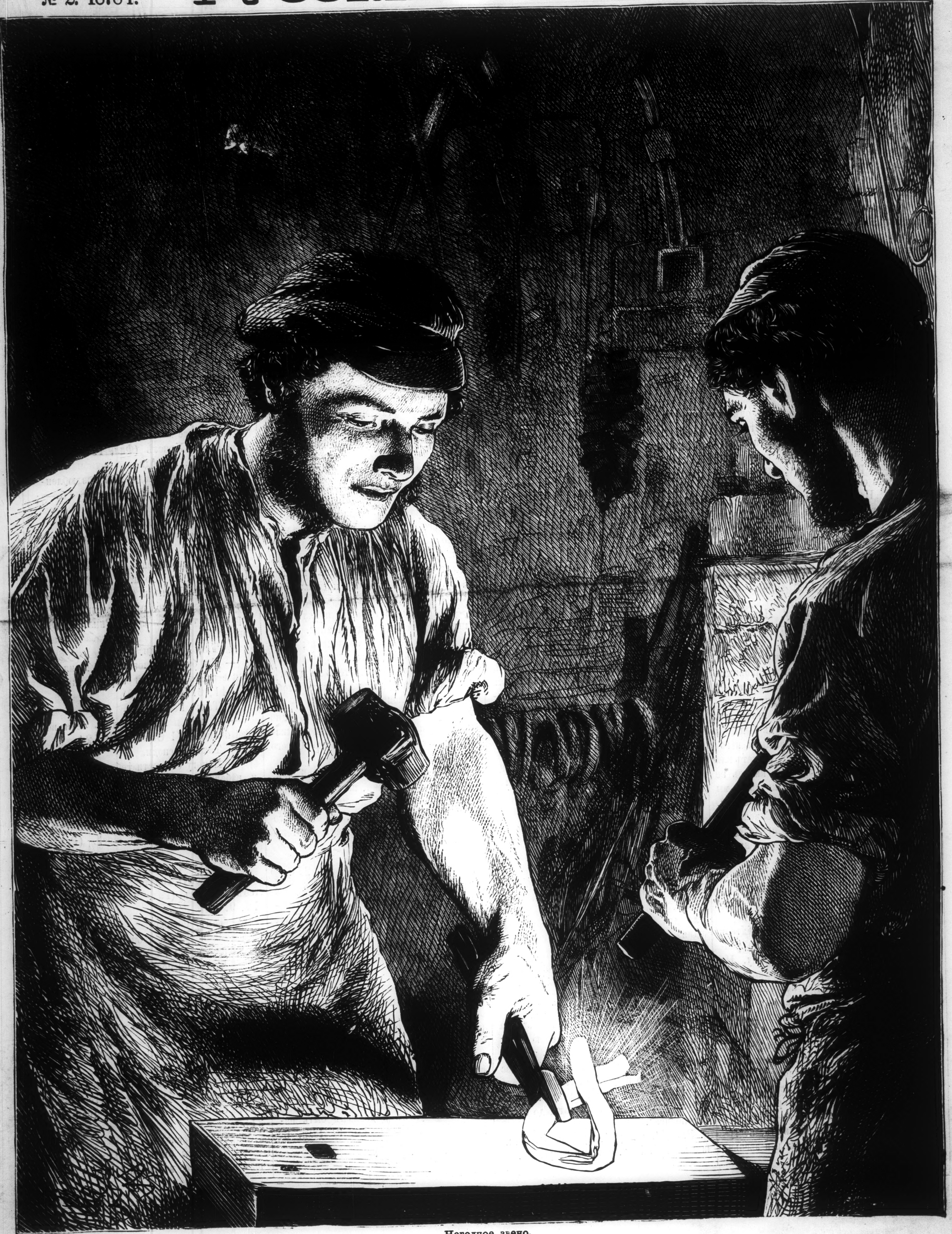
Условія подписки: „Русскій Рабочій" выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.
Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ....... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ......... 1 р.
Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 Января 1878 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

Негодное звено.

Негодное звено.

Однажды, въ субботу вечеромъ, въ просторной кузницѣ своей стоялъ кузнецъ. Засучивъ рукава, съ молотомъ въ рукѣ, онъ оканчивалъ какую то неважную работу. Вокругъ него собралось человѣка три сосѣдей, которымъ по случаю вечерняго времени захотѣлось поболтать. Кузнецъ Филиппъ былъ впрочемъ не изъ болтуновъ, но какъ человѣкъ разсудительный, онъ не прочь былъ потолковать на досугѣ о вещахъ серьозныхъ, и выводить свои болѣе или менѣе вѣрныя заключенія. Сосѣди уважали Филппа за его честную жизнь, и охотно повѣряли ему свои мнѣнія обо всемъ что случалось на свѣтѣ, чувствуя себя какъ-то тверже и спокойнѣе, когда умный Филиппъ рѣшитъ вопросъ.

Въ этотъ вечеръ однако, дѣло не ладилось; въ кузницѣ царствовало разногласіе полное, и что всего хуже, самъ Филиппъ сбился съ толку:

— „Какъ хотите“, говорилъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ, опустивъ молотъ, „какъ хотите, я этого не понимаю“.

— „И я не понимаю“, сказалъ добродушно рыжій печникъ, „да въ Писаніи такъ сказано; такъ значитъ и есть“.

— „Позвольте“, вмѣшался худенькій портной, который всегда поддакивалъ кузнецу, „иное Писаніе не легко понять; мы вѣдь люди не ученые“.

— „Чтожъ что неученые, каждому Богъ открываетъ Свою истину; прочтите-ка еще разъ, это самое лучшее. Авось поймемъ“.

Филиппъ взялъ книгу, Новый Завѣтъ, со стола; она была открыта па посланіи Іакова и онъ прочелъ: „кто соблюдетъ весь законъ, и согрѣшитъ въ одномъ чемъ нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ“. (Іак. 2. 10.) „Какъ хотите“, сказалъ онъ, не понимаю, „чтобы человѣкъ, которому случилось солгать или въ досадѣ ругнуть кого нибудь былъ бы за это на одной доскѣ съ каждымъ негодяемъ, который пьянствуетъ, воруетъ или богохульствуетъ, — это что нибудь не такъ. Тутъ есть крючекъ, котораго мы не видимъ; а такъ оно быть не можетъ“.

— „Спросимъ завтра у Семеныча“, сказалъ печникъ, разумѣя приходскаго дьячка, котораго всѣ считали очень мудрымъ.

— „Нѣтъ“, сказалъ Филиппъ, „этотъ смышленъ да только на житейское; я ужъ пойду къ самому старику отцу Ивану; что онъ скажетъ“.

Порѣшивъ такимъ образомъ, пріятели разошлись и Филиппъ сталъ было убирать свои инструменты и кузницу. На полу лежала длинная цѣпь, присланная сосѣднимъ бариномъ для починки. Цѣпь нужна была къ спѣху для новаго колодца, который слѣдовало выложить внутри.

Филиппу поручено было пересмотрѣть всѣ звенья, чтобы увѣсистый землекопъ Степанъ могъ благополучно спуститься на самое дно колодца. Усѣвшись на полу, кузнецъ сталъ перебирать цѣпь, чтобы удостовѣриться много-ли за ней работы. Долго сидѣлъ Филиппъ, постукивая и переворачивая тяжелыя звенья, и все время однако ворочая въ головѣ непонятныя для него слова Писанія. Наконецъ онъ всталъ.

— „Что“, сказалъ входя въ кузницу Василій, молодой подмастерье Филиппа, „много ли неисправнаго, дядя Филиппъ“?

— „Ничего не бывало, цѣпь хоть куда, я бы самъ не прочь на ней спуститься; одно звено плохое, выкинуть надо его; это мы еще сегодня успѣемъ справить, пока есть огонь“.

— „То то“, сказалъ улыбаясь Вася, „не совѣтую спускаться пока не починемъ; давай справимъ скорѣй, а то шею сломишь если вздумаешь въ колодезь слѣзать.

— „Да“, сказалъ Филиппъ, подходя къ наковальнѣ „вотъ, подумаешь, длиннѣйшая цѣпь, толстая какъ канатъ, — одно кольцо негодится и вся цѣпь ни къ чему. Кто на нее понадѣется, на вѣрную смерть пойдетъ“.

Филиппъ замолчалъ и случайно взглянувъ въ ту сторону гдѣ лежало Евангеліе, онъ невольно задумался. Точно ему кто подсказалъ: такъ-то и съ закономъ Филиппъ, — виновенъ въ одномъ и оборвешься. Филиппъ продолжать спаивать и распаивать усердно, а въ мозгу его тоже шла работа какъ и на наковальнѣ. Василій молча помогалъ. Прошло минутъ десять; Филиппъ остановился.

— „Вотъ что я тебѣ скажу, Вася“, началъ онъ снова, „дѣло-то ясно какъ день“.

— „Какъ не ясно“, отвѣчалъ Василій, „исправили цѣпь, всѣ, сколько ихъ тамъ семь сотъ или восемьсотъ звеньевъ, въ порядкѣ, такъ и спускайся кто хочетъ; дѣло вѣрное.

— „Я не о томъ братъ; а вотъ что мы сейчасъ читали въ книгѣ Божіей, ясно какъ день. Видишь ты: въ цѣпяхъ конечно есть разница если одна вся переломана и никуда негодна а въ другой только пара звеньевъ не исправлены; всё же, пока есть изъянъ, ни на той ни на другой спуститься въ колодезь нельзя. Все равно шею сломишь, одно ли кольцо лопнетъ или всѣ. Тамъ, какъ на дно попадешь, не станешь разсуждать о томъ, что вся цѣпь хороша, только въ одномъ мѣстѣ порвалась. Такъ ли?“

— „Такъ, такъ“, сказалъ Василій одобрительно.

— „Замѣчай дальше“, продолжалъ Филиппъ, увлеченный своимъ разсужденіемъ, „для людскаго сужденія не все равно, если у одного человѣка порокъ или два а у другаго чуть ли не всѣ: одинъ для нихъ человѣкъ хорошій а другой негодяй какъ есть, но такъ какъ къ Богу, въ Царство небесное и съ однимъ грѣхомъ не пойдешь, — такъ и выходитъ что обѣ цѣпи негодятся. „Кто согрѣшилъ въ одномъ чемъ нибудь становится виновнымъ во всемъ“. Да братъ, какъ понадѣешься на свою цѣпь: — подумаешь что много колецъ исправныхъ, — такъ не бѣда если одно или два негодны, такъ и пропалъ. Когда придетъ смертный часъ, негодныя звенья лопнутъ и душа станетъ падать, падать, до самой преисподней“.

Василій, который слушалъ съ большимъ вниманіемъ, совсѣмъ испугался.

— „Такъ что-же тутъ дѣлать?“ спросилъ онъ.

— „Негодное звено взялъ да выбросилъ“, отвѣчалъ Филиппъ, сбросивъ на полъ только что распаянное кольцо, а съ грѣхомъ куда дѣнешься. Онъ тутъ на каждомъ шагу“.

Тутъ работа кончилась и кузнецы пошли ужинать.

На другой день, послѣ обѣдни, когда Отецъ Иванъ медленно шелъ по дорогѣ къ своему домику и вѣтеръ шевелилъ его сѣдые волосы, Филиппъ догналъ его и, идя рядомъ съ почтеннымъ старикомъ, изложилъ ему всѣ свои недоумѣнья и всю премудрость, которую онъ извлекъ изъ колодезьной цѣпи.

Отецъ Иванъ улыбался; па лицѣ его выразилась радость, что такой удалой работникъ какъ Филиппъ читаетъ Слово Божіе и такъ близко принимаетъ къ сердцу Божію истину.

— „Войди братецъ на минуту“, сказалъ онъ Филиппу, когда они дошли до крыльца.

— „Я помѣшаю вамъ чай кушать“, сказалъ Филиппъ.

— „Душа важнѣе тѣла“, отвѣчалъ старикъ.

Они вошли; Отецъ Иванъ сѣлъ на кресло и взявъ со [illegible] Евангеліе открылъ его и прочел[illegible] [illegible]сусъ сказалъ: у одного заимодавца было два должника: одинъ долженъ былъ пятьсотъ динаріевъ, а другой пятьдесятъ, но какъ они неимѣли чѣмъ заплатить, онъ простилъ обоимъ“. (Луки 7, 41, 42)

— *Простилъ обоимъ*, понялъ Филиппъ? „спросилъ Отецъ Иванъ“.

— „Понялъ, какъ не понять“; радостно отвѣтилъ Филиппъ.

— „Еще одинъ стихъ тебѣ на дорогу: Онъ (Христосъ) явился для того, чтобы взять грѣхи наши“. (1 Іоан. 3 — 5) Если бы мы могли починить хоть одно негодное звено въ нашей грѣшной жизни, не послалъ бы Богъ Сына Своего умереть на крестѣ за насъ“.

Отецъ Иванъ забылъ про свой чай; онъ смотрѣлъ въ окно, на голубое небо, съ ясной улыбкой. Филиппъ сходилъ съ крыльца, вытирая слезу, чтобы никто не подсмотрѣлъ ее и на лицѣ его тоже сіяла радость.

«Такъ, Господи» (Матѳ. 15. 27).

Святость и блаженство заключаются для насъ въ покорности и согласіи нашего сердца со всѣмъ, что угодно Богу.

Это единеніе нашей воли съ Волей Божіей мы выражаемъ тѣмъ, что чистосердечно говоримъ Ему на все:

Такъ, Господи!

Иначе и не можемъ мы говорить съ вѣчнымъ, всемогущимъ Богомъ:

— Человѣкъ, ты недостойный грѣшникъ (Римл. 3. 9, 19, 23).

— Такъ, Господи!

— Ты лишенъ всякой силы, чтобы спасти себя самого (Римл. 5. 6. Іоан. 15. 5.).

— Такъ, Господи!

Ты неразуменъ и долженъ быть наученъ Мною. (Римл. 10. 3. Іоан. 6. 45).

— Такъ, Господи!

Ты былъ гордъ и упорствовалъ противъ Меня. (Іер. 13. 15—17 Дан. 9. 9).

— Такъ, Господи!

Но, несмотря на все это, Я возлюбилъ тебя. (Іоан. 3, 16 — Іерем. 31, 3. — Рим. 5, 8).

— Такъ, Господи!

— Я послалъ Сына Моего единороднаго въ міръ, чтобы Онъ умеръ за тебя и чтобы ты получилъ жизнь черезъ Него. (Матѳ. 1, 21. 1 Кор. 15. 3. 1 Іоан. 4. 9. 10).

— Такъ, Господи.

— Я возложилъ на Него грѣхъ всѣхъ васъ. (Исаіи 53, 6).

— Такъ, Господи.

— Я воскресилъ Его для оправданія твоего. (Римл. 4. 25).

— Такъ, Господи.

— Я даровалъ Сына моего вамъ, чтобы въ Немъ вы имѣли жизнь вѣчную и чтобы Онъ былъ для васъ все и во всемъ. (1 Іоан. 5, 11, 12. Кол. 3. 11).

— Такъ, Господи.

— Ты все можешь въ укрѣпляющемъ тебя Іисусѣ Христѣ. (Фил. 4. 13).

— Такъ, Господи.

— Ты теперь чадо Мое возлюбленное. (1 Іоан. 3. 1, 2.—Римл. 8 15.— Ефес. 5. 1).

— Такъ, Господи.

— Всѣ обѣтованія Мои принадлежатъ тебѣ. (2 Кор. 1. 20).

— Ты соблюдешь Мои заповѣди. (Іоан. 14, 15. 1 Іоан. 5, 2. 3)

— Такъ, Господи.

— Ты охотно предоставишь Мнѣ управлять твоею жизнью. (Римл. 6, 13. Іак. 4. 7).

— Такъ, Господи.

— Ты будешь уповать на Меня во всякое время, и въ дни скорби и унынія. (Пс. 41, 6. Ис. 50, 10).

— Такъ, Господи.

— Я могу и хочу освятить тебя во всей полнотѣ. (1 Ѳеес. 5, 23. 24.

— Такъ, Господи.

— Я могу соблюсти тебя отъ паденія и избавить отъ грѣха. (Іуд. 24. Пс. 96. 10).

— Такъ, Господи.

— Оставь собственную праведность и покорись праведности Моей. (Римл. 10. 3).

— Такъ, Господи.

Рѣшись быть „ничто“, чтобы жилъ въ тебѣ Христосъ. (Гал. 2, 20. — 2 Кор. 12, 9. 11).

— Такъ, Господи.

— Я искупилъ тебя, назвалъ тебя по имени твоему; ты Мой. Ис. 43, 1).

— Такъ, Господи.

— А Я Богъ твой на вѣки и вѣки. (Пѣсн. Пѣс. 2. 16. Пс. 47, 15).

— Такъ, Господи.

— Я хочу, чтобы ты исповѣдывалъ Меня передъ людьми. (Луки 12. 8. Римл. 10. 9. Евр. 13, 15).

— Такъ, Господи.

— Чтобы ты любилъ Меня отъ всего сердца твоего и ближняго твоего, какъ самого себя. (Втор. 30. 6 — 1 Іоан. 4. 21).

— Такъ, Господи.

— Чтобы ты былъ святъ и непороченъ предо Мною въ любви. (Ефес. 1. 4).

— Такъ, Господи.

— Исполненъ Духа святаго и радости во Мнѣ, всегда. Фил. 4, 4.—Ефес. 5, 18.—Пс. 33. 2).

— Такъ, Господи.

— Исповѣдуй предо Мной грѣхи твои и ищи Моей очищающей Благодати. (1 Іоан. 1. 9. Пс. 31. 5).

— Такъ, Господи.

— Облекись во всеоружіе Божіе. (Ефес. 6. 11).

— Такъ, Господи.

— Укрѣпляйся Господомъ и могуществомъ силы Его. (Еф. 6. 10).

— Такъ, Господи.

— Въ мірѣ будешь имѣть скорбь; но мужайся: Я побѣдилъ міръ. (Іоан. 16. 33).

— Такъ, Господи.

— Ей, гряду скоро! (Откр. 22, 20).

— Ей, гряди, Господи Іисусе!

Странный сонъ.

— „Правду сказать, Анна Васильевна, вамъ хорошо живется на свѣтѣ“, сказала Марѳа Степановна, съ любопытствомъ оглядывая комнату своей знакомой. „Не знаю, право, какъ вы ухитрились сдѣлать, что у васъ все такое новенькое, точно сей часъ изъ лавки“.

— „Моя хитрость не мудреная“, отвѣчала съ улыбкой Анна Васильевна; „не жалѣть воды, мыла и труда — вотъ и все. Съ этимъ каждая комнатка покажется милѣй“.

— „Легко сказать“, сказала обиженнымъ тономъ Анна Васильевна; „у васъ хорошій мужъ, который всегда отдаетъ вамъ свое жалованье и послушныя дѣти, который не портятъ вещей. Если бы вашъ мужъ просиживалъ ночи въ трактирѣ и дѣти похожи были на моихъ, желала бы я видѣть, что бы тутъ сдѣлали мыло и вода“.

„Я все таки, какъ мнѣ кажется, попробовала бы поправить дѣло мыломъ и водой. Мужья любятъ чистую, уютную комнатку и охотнѣе остаются дома, когда находятъ у себя чистоту и порядокъ. И дѣти тоже шалятъ и капризничаютъ иной разъ потому, что они грязны, ненакормлены и не заняты. Если держать ихъ чисто, кормить во время и давать имъ занятіе, они уймутся и будутъ послушны“.

Поговоривъ еще немного, друзья разошлись. Марѳа вернулась домой озабоченная, и какъ она ни старалась внутренно обвинять мужа и дѣтей за свою неопрятную квартиру и невеселую жизнь, въ ея ушахъ звенѣли слова Анны. Она невольно повторяла ихъ: „не жалѣть воды, мыла и труда“, и съ этими словами она легла на свою сбитую, неопрятную постель и уснула. И вотъ, во снѣ, она слышитъ необыкновенный какой-то стукъ, все ближе и ближе; наконецъ дверь сама собой отворилась, и въ комнату ввалился ушатъ полнешенькій воды. Не смотря на то, что его за одно ухо поддерживалъ кусокъ мыла, обернутый въ тряпку, а за другое щетка и швабра, онъ все таки страшно запыхался, войдя на лѣстницу, и вода въ немъ колыхалась отъ движенія.

— „Ахъ, батюшки мои, что за грязь и духота!“ вскричала съ негодованіемъ вода. „Неужели есть гдѣ нибудь на свѣтѣ мѣстечко хуже этаго угла“?

— „Ужъ конечно нѣтъ“, подхватили въ одинъ голосъ ея спутники. „Хоть объ закладъ побиться, что съ тѣхъ поръ какъ этотъ домъ стоитъ, никто изъ нашихъ, даже и случайно, не заглядывалъ сюда“.

— „И съ чего это пришло въ голову Аннѣ Васильевнѣ послать насъ въ эту кануру“? сказала испуганно половая щетка. „Тутъ съ ногъ свалишься прежде чѣмъ половину дѣла сдѣлаешь“.

И дѣйствительно, взглянувъ на комнату, можно было понять подобный испугъ: полъ былъ покрытъ густой грязью, плита заржавѣла и золы подъ ней накопилась цѣлая куча; на столѣ битая посуда и остатки вчерашняго ужина. На подломанномъ стулѣ — старое бѣлье, давно ждавшее починки; на лежанкѣ мѣдный подсвѣчникъ, закапанный саломъ, и въ немъ до половины истаявшая свѣча, съ согнутымъ фитилемъ. Къ стѣнѣ приколоты булавкой пожелтѣвшіе билеты закладчика, а на грязной полкѣ разрозненныя чашки и блюдечки. Окно, порядочной величины, такъ закоптѣло, что нельзя было узнать, выходило ли оно въ садъ или на улицу; воздухъ удушливый, пропитанный табакомъ. Въ углу цѣлый складъ всякой рухляди, — старыхъ башмаковъ, тряпокъ и всякаго сору. Да, не даромъ вздыхали странные гости Марѳы Степановны.

— „Ну, полно разглядывать да охать“, сказала наконецъ щетка. „Этимъ бѣдѣ не поможешь. За дѣло, — а тамъ увидимъ, что будетъ“.

— „Что правда, то правда“, отвѣчала вода. Съ чего же начать“?

— „Прежде всего непремѣнно фортку открыть. Безъ этаго нельзя, — всѣ задохнемся“, закашляла щетка. „Кто сможетъ“?

— „А вотъ я попробую; можетъ быть и ухитрюсь какъ нибудь“, сказала швабра и стала толкать форточку. Та подалась, и струя свѣжаго воздуха ворвалась въ комнату.

— „Уфъ! уфъ!“ простоналъ свѣжій воздухъ, столкнувшись носъ съ носомъ съ душнымъ, смраднымъ воздухомъ комнаты.

— „Нечего тебѣ кричать уфъ, уфъ“, прервала его вода, видимо довольная тѣмъ, что поверхность ея слегка заиграла подъ струей свѣжаго воздуха. „Ты бы лучше насъ спросилъ, каково намъ тутъ было“.

— „Дверь отворите, дверь отворите!“ задыхался свѣжій воздухъ. Щетка бросилась къ двери и сквозной вѣтеръ понесся по комнатѣ, заглядывая во всѣ углы и закоулки и выгоняя отовсюду спертый, застоявшійся воздухъ. Щетка обрадовалась и, одобрительно кивая, стала весело постукивать въ углахъ и объ стѣны, а за нею и тряпка не заставила себя ждать и, развернувшись, пустилась вытирать окно, приговаривая: „Впустили свѣженькій воздухъ; впустимъ и свѣтлое солнышко“. И точно, черезъ какую нибудь минуту веселый лучь солнца заигралъ въ комнатѣ; и тотчасъ всѣ пылинки запрыгали и завертѣлись въ струѣ его свѣта. Не понравилась, однако, солнышку эта непрошенная и безтолковая бѣготня. Не съ того хотѣлось ему начать свою работу; и оно поскорѣе ушло за тучку, наказавъ щеткѣ проворнѣе работать и позвать его тогда, когда всѣ они справятся съ пылью, такъ что и помину объ ней не будетъ.

Закипѣла работа, зашевелились работники, ни одного уголка не оставили въ покоѣ и возились до тѣхъ поръ, пока нигдѣ не осталось ни пыли, ни грязи. Вернулось солнышко взглянуть, каково шла работа. Комната была неузнаваема. Совѣтъ Анны Васильевны на счетъ воды, мыла и труда — оправдался на дѣлѣ.

— „Ну, вы свое дѣло справили на славу“, сказало солнышко, улыбаясь, „а все таки работы куда какъ еще много. Загляните въ эти разбитыя чашки, на всю посуду, — вездѣ грязь и копоть! А старыя платья!“ И, пробѣжавъ по нимъ, солнышко заставило выйти въ наружу каждое пятнышко на нихъ. „И васъ всѣхъ уберу“, пригрозило оно старымъ закладнымъ билетамъ, которые шевелились и шептались отъ сквознаго вѣтра.

„Ахъ, дорогіе мои, какъ мнѣ обидно, добавило солнышко, обращаясь къ отдыхавшимъ мылу и водѣ, „какъ мнѣ жаль, что я только тѣмъ и могу помочь вамъ, что указываю, гдѣ есть еще для васъ работа“.

— „Да на что же лучше помощь“? весело отвѣчало мыло. „Развѣ можно сравнить работу безъ тебя, въ потемкахъ, или когда ты стоишь у работы! Тутъ все видно, что дѣлаешь, и хорошо ли сдѣлано. Въ потемкахъ только путаешься и приходится по нѣсколько разъ передѣлывать одно и тоже. Мой вѣкъ не дологъ; и тратить силы по пустому мнѣ не приходится“.

— „Да, точно, посмотришь на тебя— не позавидуешь“, отвѣчало солнышко, съ участіемъ глядя, какъ спалъ съ тѣла бѣдный кусокъ мыла.

— „Вся наша семья не долговѣчна“, подхватило мыло, „но я объ этомъ не сокрушаюсь. Лучше изживаться отъ труда, чѣмъ ржавѣть, — сидя сложа руки. Моя жизнь коротка, но полезна. Не хотѣлось бы мнѣ чтобы меня положили на полку и тамъ вести сухую, спокойную жизнь для себя одного. Тяжело было бы мнѣ такъ лежать, хоть и до глубокой старости, все время думая, что не сдѣлалъ того дѣла, для котораго родился на свѣтъ“.

— „Да“, заговорила вода, видимо обидясь, что разговоръ обходится безъ нея. „Если бы только люди знали намъ съ мыломъ настоящую цѣну, — все бы перемѣнилось вокругъ насъ. Многое бы мы передѣлали; и отъ этаго, конечно, всѣ бы выиграли и никто бы не потерялъ“.

— „Все это прекрасно“, вмѣшался воздухъ, „только позвольте спросить, что бы вы сдѣлали безъ меня“?

— „Ты умнѣе бы сдѣлалъ“, отвѣчала вода добродушно, „еслибы спросилъ: чего бы мы ни сдѣлали втроемъ? Порознь, мы, пожалуй, не справились бы съ невѣжествомъ, лѣнью, болѣзнями; но вмѣстѣ, — многое изъ этого неустоитъ. Въ домахъ, гдѣ чистый воздухъ не гость а хозяинъ, и гдѣ живутъ здоровые, чистенькія дѣти, тамъ рѣдко живутъ, съ ними, пороки и преступленія. Вымытые полы, выбѣленные потолки, чистое бѣлье, умывальники, вода и мыло много помогаютъ домашнему счастью и лучше, всякой полиціи берегутъ людей отъ преступленій.

— „Это истинная правда“, сказало солнышко, „и никто лучше меня не знаетъ, что это правда. Я заглядываю во всѣ дома на свѣтѣ и нахожу, что тѣ изъ нихъ, куда меня охотнѣе пускаютъ, гдѣ васъ, друзья мои, умѣютъ цѣнить и жаловать, тамъ и Бога чтутъ и людямъ добро дѣлаютъ“.

— „Конечно такъ“, отвѣчала вода, „и не удивительно: не легко быть трудолюбивымъ и счастливымъ, когда чувствуешь себя больнымъ и слабымъ. Вотъ, напримѣръ, эти дѣти“; — и вода плеснула въ ту сторону гдѣ лежали хозяйскія малютки, — „если бы намъ дозволено было распорядиться съ ними, какъ мы распорядились съ комнатой, ихъ скоро никто бы не узналъ“.

— „Правда“, отвѣчалъ солнечный лучь, играя на чистомъ полу.

— „Правда, правда“, повторилъ свѣжій воздухъ, носясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

— „Правда, правда, сто разъ правда“, прошепталъ въ изнеможеніи кусокъ мыла, силы котораго ослабѣли замѣтно.

— „Ахъ, еслибы мы могли“, — заговорили друзья всѣ вмѣстѣ, — „открыть глаза этой женщинѣ; если бы она поняла, сколько пользы принесетъ ей дружба съ нами; если бы она только посмотрѣла на эту комнату теперь, когда въ ней играетъ солнце, воздухъ свѣжъ, полъ чистъ, стулья вытерты, плита блеститъ, — какъ бы она удивилась! Какъ!“... и, представивъ себѣ удивленіе Марѳы Степановны, вода обрадовалась и всплеснула такъ громко, что та проснулась и, увы, очутилась въ той же грязной, смрадной, душной и безпорядочной комнатѣ!

Марѳа протирала глаза отъ удивленія; сонъ былъ такъ живъ, что ей не вѣрилось, что она не дышала свѣжимъ воздухомъ, не видала солнца и не слыхала умныхъ рѣчей воды. Въ недоумѣніи она набросила на себя платье и обошла всю комнату; все было по старому, грязная плита, неубранный столъ, въ кучу сваленное бѣлье, закопченное окно и душный воздухъ, полный копоти и табачнаго дыму. Какъ не похоже на ту комнату, которую она видѣла во снѣ!

„Да это былъ только сонъ“! со вздохомъ проговорила Марѳа. И вдругъ въ головѣ ея мелькнула мысль: отчего бы сну этому не сбыться; если воздухъ, вода, мыло и трудъ могутъ произвести такую перемѣну, отчего не попробовать? И въ раздумьи Марѳа подошла къ окошку и отворила форточку. Струя утренняго воздуха ворвалась въ комнату и подѣйствовала освѣжительно на Марѳу. Утро было тихое, ясное; солнце вставало надъ большимъ городомъ и освѣщало спокойные дома и улицы.

Эта картина навѣяла разныя мысли на сердце Мареы. Она стала на колѣни передъ раскрытымъ окномъ и залилась слезами, повторяя: „Господи, помоги мнѣ“! Потомъ она оглядѣла всю комнату и руки у нея опустились. Съ чего начать? Какъ это все сдѣлать? Такъ все давно запущено, надо ли шевелить мутную воду? какъ бы въ отвѣтъ на ея мысль, лучь солнца проникъ въ окно, указывая на пустое ведро: „впусти меня, казалось, говорилъ онъ, я тебѣ покажу, съ чего начать и что дѣлать“.

Глаза Мареы слѣдили за нимъ. „Да, подумала она, ведро есть; отчего бы не сходить за водой и не начать дѣло? Все равно я теперь не усну, если даже и лягу опять; я буду ворочаться съ боку на бокъ и думать о моемъ снѣ. Лучше примусь за дѣло“.

И Мареа отправилась за водой. Тряпки, мыло, щетки были рѣдкостью въ хозяйствѣ ея, но она не унывала; съ старымъ вѣникомъ и общипанной метелкой она рѣшилась начать; но съ чего? Да, конечно съ окна, чтобы впустить солнышко. И она принялась усердно мыть окно. Какая перемѣна, — комната освѣтилась, на стѣнахъ и на полу заиграло солнце, показывая всю пыль и грязь; это было не совсѣмъ пріятно для Мареы, но всякому извѣстно, что видѣть свои ошибки значитъ уже на половину исправить ихъ.

Мареа работала усердно, но всего дѣла не могла кончить до того времени, какъ въ сосѣдней конуркѣ проснулся ея мужъ, работникъ Василій и вылѣзъ посмотрѣть, что такое творилось въ ихъ квартирѣ. Увидавъ чистое окно, солнце повсюду, и всѣ хлопоты Мареы, ему показалось, что онъ бредитъ,—не протрезвился отъ вчерашняго вина.

— „Что съ тобой“! спросилъ онъ, „что ты за возню подняла“?

— „Старые грѣхи стараюсь исправить“, отвѣчала Мареа кротко, „странныхъ вещей я наслышалась, отъ которыхъ, дастъ Богъ, мы всѣ будемъ счастливѣе“.

— „Когда-же ты поднялась, чтобы успѣть столько наработать. Напрасно ты не разбудила меня, я бы хоть помогъ тебѣ“.

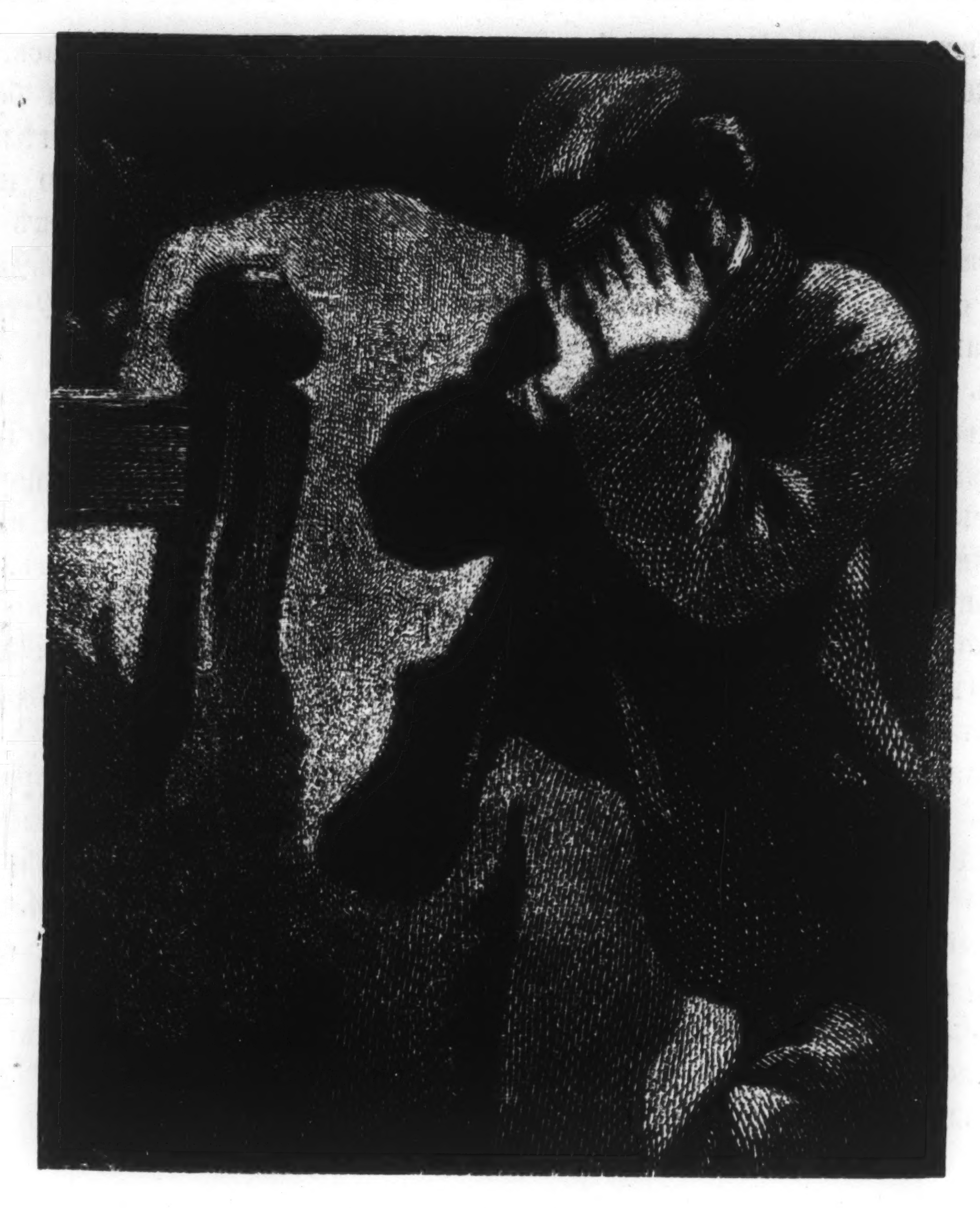
— „Неужели?“ сказала удивленная Мареа.

— „Еще бы! Если я работаю, чтобы имѣть крышу надъ головой, то я готовъ вдвое работать, чтобы подъ крышей все было какъ слѣдуетъ. Давай, я помогу тебѣ вычистить плиту и вынесу золу и соръ въ одну минуту“.

Давно уже Василій не говорилъ такъ ласково съ женой. Сердце Мареы забилось отъ радости.

— „Да, Василій, я тебѣ скажу за это большое спасибо; покуда ты чистишь плиту, я одѣну дѣтей и помою ихъ немножко.

Черезъ часъ времени Василій уходилъ на работу съ мѣшкомъ на плечѣ, а въ мѣшкѣ всѣ его рабочіе инструменты. Но на прощанье онъ поцѣловалъ жену и сказалъ: „Если ты, Мареа, будешь держать домъ въ порядкѣ, я не стану сидѣть въ трактирѣ по вечерамъ“.

На единѣ съ Богомъ.

— „А я, когда уберусь“, улыбаясь отвѣчала Мареа, „пойду къ Аннѣ Васильевнѣ и попрошу, чтобы она пришла помочь все привести въ порядокъ и всякую вещь поставить на мѣсто“.

— „Ступай къ ней, она хозяйка и мать хоть куда: отъ нея только добру научишься“.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Мареа познакомилась во снѣ съ странными гостями, которые съ тѣхъ поръ стали ея домашними друзьями. Въ комнатѣ большая перемѣна: все на мѣстѣ, полъ чистъ, битыя чашки на полкѣ замѣнились новыми, билеты закладчика всѣ исчезли, и Мареа, сидя съ работой у окна, поглядываетъ съ нѣкоторою гордостью на свое жилье. Свѣжій воздухъ, вода, мыло и трудъ совершили чудо.

На единѣ съ Богомъ.

Въ нижнемъ этажѣ гостинницы собрались мастеровые за чайными столами. Одинъ изъ нихъ, молодой и одѣтый чуть не бариномъ, поднялъ ссору и брань, употребляя самыя страшныя, безбожныя ругательства. Какой-то проѣзжій, услыхавъ это изъ сосѣдней комнаты, подошелъ къ разгоряченному мастеровому и спокойно сказалъ ему: „любезный, хочешь-ли ты въ полъ-часа заработать пять рублей?“ — „Какъ не хотѣть!“—отвѣчалъ тотъ, прибавивъ еще ругательство. Сегодня почью“, продолжалъ проѣзжій господинъ, ровно въ полночь, пойди одинъ на кладбище, и тамъ, на единѣ съ Богомъ, громко повтори тѣ проклятія, которыя ты сейчасъ говорилъ. Завтра утромъ приди сюда ко мнѣ и получишь пять рублей“. — „Пожалуй“, сказалъ отважно мастеровой, „дешево заработаю деньги; я пойду“.

Наступила ночь, на дворѣ было темно когда мастеровой отправился на кладбище. Калитка скрипнула и онъ вошелъ; передъ глазами его бѣлѣли могильныя плиты и кресты, тишина глубокая царствовала повсюду, ни одинъ кустъ не шевелился. „На единѣ съ Богомъ“, вспомнилъ онъ и невольно взглянулъ на небо. Ему показалось, что съ тихаго, темнаго неба Богъ смотритъ на него и слушаетъ, дерзнетъ-ли онъ произнести страшныя слова, которыя кто-то неумолимо нашептывалъ ему на ухо. Ему казалось, что гнѣвъ Божій готовъ разразиться на него за то, что онъ такъ часто оскорблялъ Его, что даже мертвые въ гробахъ содрогнутся, когда услышатъ его хуленія. Онъ стоялъ неподвижно, въ трепетѣ, не смѣя уйти, не смѣя произнести ни слова. И все это время взоръ Божій покоился на немъ, не во гнѣвѣ а въ милосердіи къ несчастному созданію, оскорбившему своего Создателя. Взоръ этотъ проникалъ въ темную душу грѣшника и наконецъ сокрушилъ его сердце. Вотъ онъ, на колѣняхъ, вмѣсто проклятій, произноситъ смиренную молитву: „Господи! помилуй меня грѣшнаго“.

На другое утро молодой мастеровой пошелъ къ проѣзжему господину, но не за деньгами. Онъ понялъ урокъ, и отъ души поблагодарилъ его.

Пріиди ко Христу.

Пріиди къ Нему, какъ къ твоему *Спасителю*: Онъ очиститъ сердце твое отъ грѣха и омоетъ тебя Своею кровію.

Пріиди къ Нему, какъ къ твоему *Пастырю*. Ты изъ числа тѣхъ заблудшихъ овецъ, которыя Онъ пришелъ взыскать и спасти. Онъ причислитъ тебя къ Своему избранному стаду.

Пріиди къ Нему, какъ къ твоему *Господу*. Онъ дастъ тебѣ силу служить Ему вѣрно и исполнять Его заповѣди.

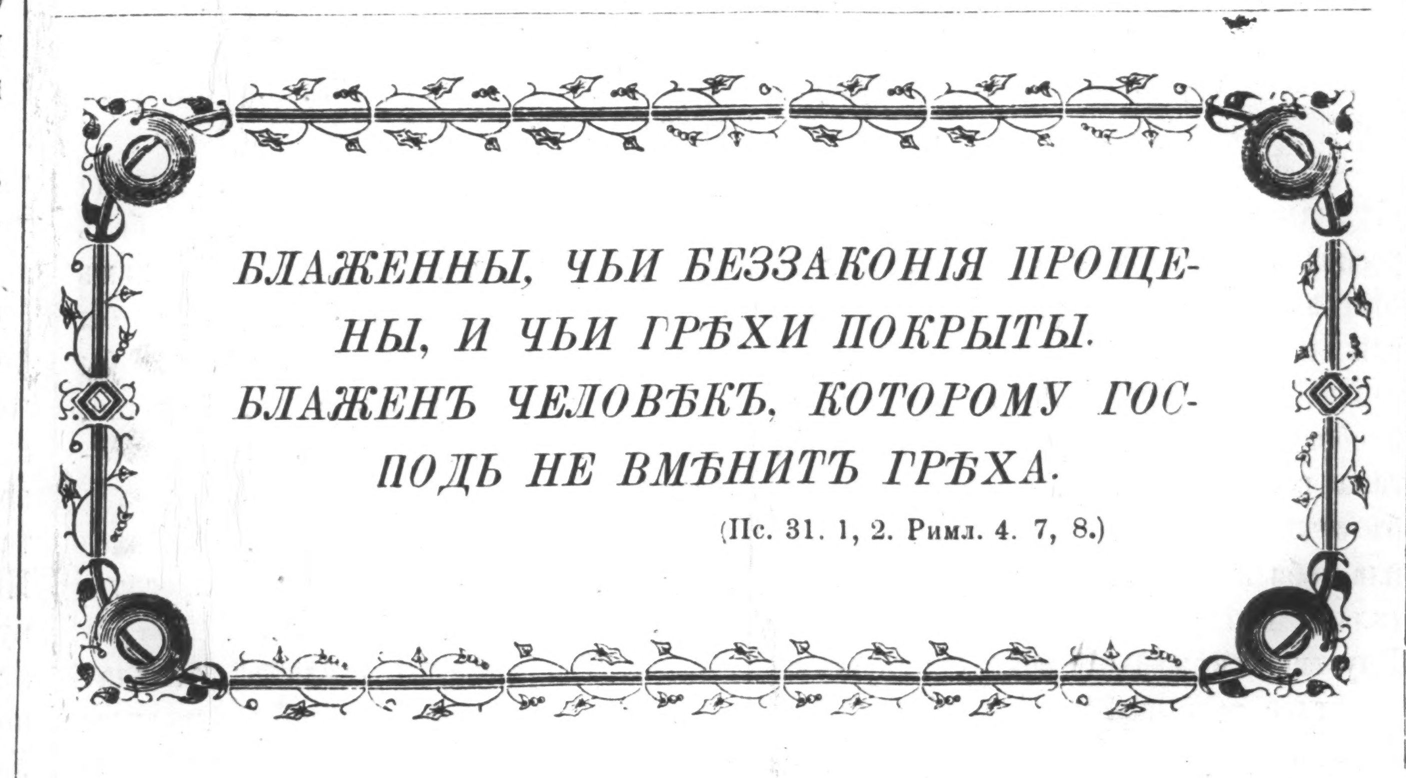
Пріиди къ Нему, какъ къ твоему *Учителю;* Онъ дастъ тебѣ благодать, чтобы слѣдовать за Нимъ, идти по стопамъ Его, имѣть Духъ Его.

Если ты изъ тѣхъ, которые знаютъ, любятъ Его и служатъ Ему, то пребывай въ любви Его; Онъ близокъ къ тебѣ; Онъ дастъ тебѣ „благодать на благодать“, чтобы усовершить тебя во всякомъ благомъ словѣ и дѣлѣ.

Не бойся.

Одинъ молодой человѣкъ находился на пароходѣ во время страшной бури. Всѣ были въ волненіи и страхѣ; онъ одинъ былъ покоенъ. На вопросъ, отчего онъ не чувствуетъ ни малѣйшей боязни, онъ отвѣчалъ: „оттого, что пароходомъ управляетъ Отецъ мой“.

Подумай читатель, что Христосъ управляетъ всѣмъ міромъ, твоею жизнью и всѣми ея обстоятельствами. Вспомни, что Онъ тебя любитъ, что Онъ твой Защитникъ вѣрный и ты перестанешь страшиться. Ты будешь покоенъ, даже среди опасности и скорби, и довѣряя твоему Избавителю, скажешь: „возвратись, душа моя, въ покой твой; ибо Господь облагодѣтельствовалъ тебя“. Пс. 114, 7.

БЛАЖЕННЫ, ЧЬИ БЕЗЗАКОНІЯ ПРОЩЕНЫ, И ЧЬИ ГРѢХИ ПОКРЫТЫ. БЛАЖЕНЪ ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРОМУ ГОСПОДЬ НЕ ВМѢНИТЪ ГРѢХА.

(Пс. 31. 1, 2. Римл. 4. 7, 8.)

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ......... 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

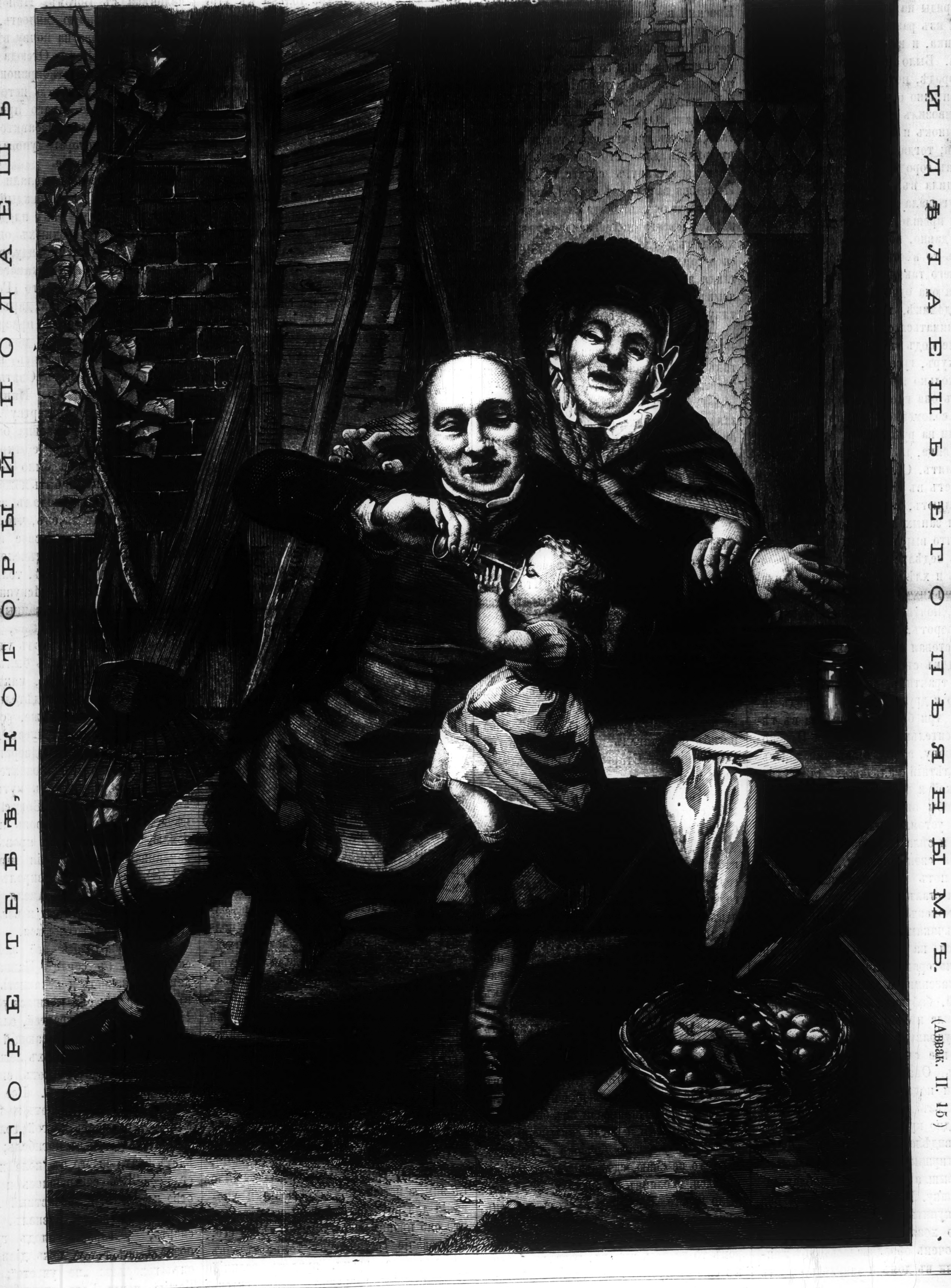
Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Марта 1878 года

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 3. 1878 г. **РУССКІЙ РАБОЧІЙ.** Годъ 4-й.

БЛИЖНЕМУ ТВОЕМУ ПИТЬЕ....

Рюмка рому.

Рюмка рому.

За маленькимъ городкомъ, тамъ, гдѣ тянулись грядами капустные и картофельные ряды на огородахъ, и проходила дорога изъ разныхъ селъ, стояла ветхая избушка, и въ ней жила Прасковья Ивановна. Было время когда ее знали всѣ въ городѣ, потому что мужъ ея торговалъ успѣшно огурцами и всякими овощами, привозилъ иной разъ куръ и гусей на рынокъ и возвращался домой съ денежками; тогда и Прасковья Ивановна жила въ городѣ, въ чистенькой квартирѣ, ходила въ нарядныхъ платьяхъ и подчасъ угощала друзей и сосѣдей. Но это время прошло. Прасковья Ивановна овдовѣла давно, воспитала сына да и объ томъ какъ-то вѣсти не было, и никто не зналъ отчего такая бѣдность напала на нее. Жила она одинокая въ своемъ крошечномъ домикѣ, и кормилась какъ попало. Заниматься садикомъ и огородомъ ей было не подъ силу, однако все-же она держала куръ, гусей по немногу, и сохранила нѣсколько грядокъ огурцевъ и овощей. Вотъ она идетъ по дорогѣ въ своей огромной соломенной шляпѣ съ двумя корзинками на рукахъ; въ одной у нея огурцы и яйца, въ другой пара жирненькихъ цыплятъ. Солнце такъ и палитъ и дорога идетъ въ гору, да и корзины вѣсу прибавляютъ, такъ что бѣдная старушка вся запыхалась; а рыночный день; надо кое-что выручить, да чаю и сахару купить на недѣлю, а если останется денегъ такъ и хлѣба бѣлаго или кренделей свѣженькихъ захватить. Не доходя до города, почти у самыхъ такъ называемыхъ воротъ, хотя воротъ не было а только мостовая начиналась, стоялъ чистенькій домъ съ раскрашенными ставнями, не то трактиръ, не то кабакъ а кажется и то и другое вмѣстѣ. Передъ домомъ двѣ, три березы и лавочка въ тѣни пригласительно смотритъ на Прасковью Ивановну, а подлѣ лавочки маленькій двухълѣтній мальчишка, съ кудрявой головкой и розовыми щечками точно ждетъ, чтобы она пришла поиграть съ нимъ. Не устояла старушка, своротила съ дороги и сѣла на лавочку, поставивъ подлѣ себя свои корзины. Покуда она вытирала потъ съ морщинистаго лица, мальчишка сталъ заглядывать въ корзины и наконецъ приподнялъ тихонько двумя пальчиками бумажный платокъ и засмотрѣлся на свѣженькіе огурчики. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ поднялъ голубые глазенки на старушку и сказалъ: „Федѣ дай, бабушка“. Прасковья Ивановна любила нѣжно дѣтей и не могла отказать кудрявому мальчишкѣ, смотрѣвшему на нее съ такимъ довѣрчивымъ ожиданіемъ. Она выбрала хорошенькій огурчикъ и подала ему; мальчикъ тотчасъ-же влѣзъ подлѣ нея на лавку и сталъ усердно кусать огурецъ. Всю эту продѣлку видѣла изъ окна мать Феди, жена трактирщика и, тронутая лаской къ ребенку, вышла на крыльцо поблагодарить старушку. Разговаривая съ нею она рѣшилась купить часть яицъ и огурцовъ для своего хозяйства, чему Прасковья Ивановна очень обрадовалась. Обѣ женщины пошли въ домъ и занялись своимъ дѣломъ. Въ это время съ рюмкой въ рукахъ вышелъ изъ дому самъ трактирщикъ. Онъ только что откупорилъ бутылку рому и нашелъ нужнымъ его попробовать. Красный носъ его, мутные глаза, обрюзглое лицо ясно показывали, что онъ былъ первый потребитель своего спиртнаго товара и что жизнь его проходила въ безпрерывномъ удовлетвореніи той внутренней жажды, которая извѣстна всѣмъ пьяницамъ. Онъ сѣлъ на лавку и съ наслажденіемъ мокалъ свои толстыя губы въ рѣдкій для него напитокъ. Когда нѣсколько минутъ спустя, Прасковья Ивановна вышла изъ дверей, она увидала. что маленькій Федя сидѣлъ на колѣняхъ у своего полупьянаго отца; тотъ хохоталъ до слезъ, пропуская ему въ дѣтское горлышко послѣднія капли рому и глядя на гримасы ребенка, которому жгло языкъ и губы, но несмотря на это онъ тянулся къ рюмкѣ изъ подражанія отцу.

— „Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете!“ закричала испуганная старушка, схвативъ руки безразсуднаго отца и стараясь удержать его, — „вы его убить хотите“.

— „Убить! рехнулась старуха!“ сказалъ трактирщикъ смѣясь, „точно я не отецъ ему, этому красавчику. Пусть привыкаетъ, бѣда не велика, не умретъ отъ капли рому; вкусно вѣдь, Федя?“

— „Кусно“, отвѣчалъ тотъ, прижимая рученками къ губамъ пустую рюмку.

— „Стыдись“, съ упрекомъ проговорила жена трактирщика, „еще слова вымолвить не можетъ какъ слѣдуетъ, а ужъ ты учишь его пьянствовать. Что тебѣ весело что-ли будетъ, если онъ станетъ пьяницей“?

— „Матушка, умоляю васъ, обратилась къ ней Прасковья Ивановна, если вамъ дорогъ ребенокъ, если вы не хотите сгубить его, не позволяйте никогда, чтобы онъ дотрогивался до этого яду. Я не могу этого видѣть; такъ и мой Яша погибъ и оставилъ меня одинокую во всемъ мірѣ“. Старушка залилась слезами.

— „Какъ, вашъ сынъ погибъ отъ вина?“ спросила съ участіемъ и любопытствомъ трактирщица.

— „Да мой Яша, котораго я такъ нѣжила и любила. Я его вижу какъ сегодня, когда онъ былъ не больше нашего Феди, съ такими же русыми кудрями и въ голубой рубашечкѣ, которую я храню до сихъ поръ. Какой онъ былъ красавчикъ и умница, ходилъ въ школу потомъ, и когда подросъ, всѣ имъ любовались. Опредѣлился онъ въ городъ, къ винному торговцу и хозяинъ бывало имъ не нахвалится. Жалованье получалъ онъ тамъ хорошее и почти все мнѣ отдавалъ, такъ что при немъ я нужды не знала. Но вотъ бѣда, пріучился онъ этакъ же допивать рюмочки и полюбилъ вино. Однажды привезли имъ боченки съ разными винами и когда скатывали ихъ съ телѣги у одного боченка съ ромомъ какъ то не знаю, сдѣлалась течь и ромъ полился. Хозяинъ посердился да дѣлать было нечего. Вечеромъ въ тотъ-же день приходитъ къ моему Яшѣ другой сидѣлецъ да и говоритъ:„ А знаешь, Яковъ, ромъ-то не весь вытекъ, тамъ въ боченкѣ еще съ бутылку будетъ если не больше; пойдемъ-ка отвѣдаемъ“. Пошли и что ужъ тамъ было я не знаю. Было-ли тамъ больше рому чѣмъ они думали или крѣпокъ больно былъ, только къ утру оба лежали какъ мертвые. Того какъ-то привели въ чувство, а моего принесли ко мнѣ бездыханнымъ. Вотъ, моя милая, безъ этой отравы „продолжала Прасковья Ивановна, отнявъ рюмку у Феди, который заглядѣлся на ея слезы“ безъ этой отравы, мой Яша былъ бы живъ и я не ходила бы съ корзинами на рынокъ и не знала бы крайности“.

Старушка не могла больше говорить; она взяла свои корзины и поплелась съ ними въ городъ. Трактирщикъ съ отуманенной головой ничего не понялъ. Но жена его взяла на руки маленькаго кудряваго Федю и глядя въ слѣдъ старушкѣ, которой старая соломенная шляпа виднѣлась на дорогѣ, она сказала: „Федя мой никогда больше не тронетъ ни капли вина; старушка правду говоритъ, мы пойдемъ къ ней въ гости, Федя, и скажемъ ей спасибо; бѣдная старушка! Помоги ей Господь“.

Каинъ и Авель.

(Быт. Гл. 4).

«Вѣрою Авель принесъ Богу жертву лучшую нежели Каинъ». (Евр. 11. 4).

Въ одинадцатой главѣ посланія къ Евреямъ Ап. Павелъ проводитъ передъ нами „облако свидѣтелей“ Божіихъ (Евр. 12. 1), которые вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ. (Евр. 11. 33. Первый изъ нихъ Авель, и съ него мы начнемъ разсказъ нашъ, надѣясь по порядку перейти и къ другимъ.

Закрылись грѣхомъ двери рая и изгнанный Адамъ началъ съ женою своей Евой жизнь испытаній, труда, болѣзней и скорбей, ту жизнь, которая, послѣ нихъ, стала удѣломъ каждаго грѣшника. Мысль о смерти, какъ страшный призракъ, вѣроятно, не разъ представлялась воображенію перваго человѣка, но онъ еще не видалъ ея осуществленія и могъ только, глядя на убитыхъ животныхъ составить себѣ о ней нѣкоторое понятіе. Для насъ, свыкшихся съ этимъ врагомъ человѣчества, который цѣлыя поколѣнія сложилъ въ землю, и теперь продолжаетъ опустошать наши семьи и наполнять наши кладбища, невозможно представить себѣ, что происходило въ душѣ Адама, когда онъ размышлялъ о незнакомой ему смерти.

Но вотъ подросли дѣти его и избрали каждый себѣ занятіе. Старшій, Каинъ, сталъ земледѣльцемъ, младшій, Авель, пастухомъ. Изъ дальнѣйшихъ поступковъ ихъ мы видимъ, что Адамъ передалъ имъ великія событія своей жизни, не скрывая ни тяжкаго грѣха своего, ни справедливаго наказанія, которому онъ подвергся, ни милостиваго обѣтованія, даннаго ему Богомъ. Это послѣднее было главнымъ источникомъ утѣшенія и упованія для виновнаго Адама; естественно, что оно проникло и въ жизнь дѣтей его. Обѣтованіе состояло въ томъ, что, въ опредѣленное время, придетъ великій Избавитель и разрушитъ дѣло искусителя. Когда? — Адаму не было извѣстно, но на этомъ обѣтованіи могли возобновиться прерванныя грѣхомъ отношенія человѣка съ Богомъ. Напоминая Богу Его-же обѣщанную милость, человѣкъ становился снова на почву вѣры и зависимости отъ Бога. Отсюда произошли ветхозавѣтныя жертвоприношенія, которыя прошли сквозь всю исторію Еврейскаго народа до самаго пришествія въ міръ обѣщаннаго Избавителя, Іисуса Христа, на котораго уповали и уповаютъ всѣ вѣрующіе.

Каинъ и Авель пожелали также принести жертву Богу, каждый по своему занятію: Каинъ отъ плодовъ земли, Авель отъ первородныхъ овецъ своего стада. По наружному виду различія въ ихъ дарахъ не было никакого, но Слово Божіе говоритъ намъ что „Господь призрѣлъ на Авеля и на даръ его, а на Каина и на даръ его не призрѣлъ“; и мы невольно спрашиваемъ: почему? Трудно было бы намъ отвѣтить на вопросъ этотъ, если бы Духъ Святый не далъ отвѣта Словами Ап. Павла: „вѣрою Авель принесъ Богу жертву лучшую нежели Каинъ“. — Разница была въ настроеніи сердца, которое открыто одному Богу. Сердце Каина было обращено къ землѣ и, довольный, быть можетъ, трудами рукъ своихъ, онъ ожидалъ заслуженной награды; думалъ ли онъ, что земля, изъ которой извлекъ онъ свое приношеніе, была проклята за грѣхъ человѣка (Быт. 3. 17.) и что самъ онъ, только взирая вѣрою на обѣщаннаго Искупителя, могъ быть принятъ прогнѣваннымъ Богомъ. Послѣдствія говорятъ ясно, что врагъ, погубившій Адама, успѣлъ уже овладѣть сердцемъ сына его; „онъ былъ отъ лукаваго“ (1 Іоан. 3. 12.), какъ говоритъ намъ Ап. Іоаннъ; и свидѣтельство Слова Божія истинно. Авель-же, руководимый Духомъ Божіимъ, принесъ въ жертву невиннаго ягненка и подвергъ его незаслуженной смерти, безсознательно, быть можетъ, изображая тотъ путь спасенія, которымъ угодно было Богу спасти человѣчество. Невинная кровь полилась на землю, предзнаменуя кровь „Агнца, закланнаго отъ созданія міра“, (Откр. 13. 8). Авель, вѣрою взиралъ къ Богу и „Богъ призрѣлъ на Авеля и на даръ его“. — Взглядъ вѣры и взглядъ милосердія всегда встрѣчаются.

Тутъ обнажилось всё зло, которое скрывалось въ сердцѣ Каина; поникло лицо его, зависть и ненависть закипѣли въ его сердцѣ; онъ рѣшился убить брата. Но, посреди бури страстей, слышится голосъ Божій, останавливающій его, напоминающій ему что „грѣхъ лежитъ у дверей“, но что онъ можетъ еще восторжествовать надъ нимъ. Все напрасно; Каинъ даже не отвѣчаетъ на голосъ Божій, онъ слушаетъ другой голосъ, который влечетъ его въ погибель; онъ завлекаетъ брата своего въ поле и убиваетъ его. — Такъ совершилось первое убійство на землѣ, и несчастный Адамъ, на трупѣ сына своего, позналъ, что такое смерть, — горькій плодъ грѣха его; позналъ онъ также ложь діавола, когда онъ говорилъ: „не умрете“; и правду Божію, когда Богъ сказалъ: „смертію

„умрешь". Какія жгучія слезы раскаянья долженъ былъ проливать Адамъ надъ убитымъ сыномъ и надъ преступнымъ сыномъ. Эти слезы сдѣлались какъ бы неизсякаемымъ источникомъ слезъ на землѣ, потому что гдѣ грѣхъ, тамъ и слезы. Только въ блаженной будущей жизни, гдѣ не будетъ грѣха, „самъ Богъ отретъ всякую слезу съ очей". (Откр. 21. 4).

Къ несчастію, какъ слезы Адама были только началомъ скорби на землѣ, такъ и кровь Авеля была началомъ цѣлаго потока невинной крови, съ тѣхъ поръ пролитой на землѣ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который для того пришелъ въ міръ, чтобы и Свою драгоцѣнную кровь пролить на землю, незадолго до Своего страданія, сказалъ: „вотъ Я посылаю къ вамъ пророковъ, и мудрыхъ, и книжниковъ; и вы иныхъ убьете и распнете; и иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ, и гнать изъ города въ городъ; да пріидетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи". и пр. (Матѳ. 23. 34, 25).

Самъ Богъ вступился за кровь Авеля; онъ сказалъ Каину: „голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли; и нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки Твоей". Каинъ и въ эту минуту не опомнился; гордый и нераскаянный, онъ только видѣлъ наказаніе, но не сознавалъ своего преступленія и былъ слѣпъ къ милосердію Божію, оставившему ему время для раскаянія. „Наказаніе мое больше, нежели снести можно", говоритъ онъ Богу. „И пошелъ Каинъ отъ лица Господня. Печальный конецъ! Съ преступленіемъ на совѣсти, съ ропотомъ въ душѣ, уйти отъ лица Божія, отъ источника милосердія и прощенія. Но не будемъ слишкомъ обвинять Каина; это свойственно каждому грѣшнику,—уйти отъ лица Божія. Душа, въ которой царствуетъ тьма, не выноситъ свѣта. Каинъ убилъ брата, „за то, что дѣла его были злы, а дѣла брата его праведны", (1 Іоан. 3. 12.) говоритъ Ап. Іоаннъ; а Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: „люди болѣе возлюбили тму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы". (Іоан. 3. 19.) — Адамъ, какъ только согрѣшилъ, скрылся, и на вопросъ Бога: „Адамъ, гдѣ ты?" Онъ отвѣчалъ: „Я услышалъ голосъ Твой и убоялся". — Не то же ли чувство и у насъ, когда мы идемъ путемъ грѣха, по прихоти сердца нашего?—чувство боязни, удаленія отъ Бога, чувство недовѣрія къ Его любви. О, если бы Онъ назвалъ насъ по имени и спросилъ: Гдѣ ты? какъ охотно мы бы скрылись отъ лица Его. Совѣсть говоритъ намъ, что „страшно впасть въ руки Бога живаго"—(Евр. 10.31.). Но если мы вспомнимъ, что то Обѣтованіе, на которое уповалъ Авель, Адамъ и все потомство его, осуществилось; что мы теперь не должны подобно имъ смотрѣть впередъ въ неясномъ ожиданіи, а напротивъ взирать назадъ, на Крестъ распятія, на которомъ совершилось искупленіе наше, что мы „приступили къ Ходатаю новаго завѣта Іисусу, и къ крови кропленія, говорящей лучше, нежели Авелева"; (Евр. 12. 24.) тогда мы не будемъ убѣгать отъ Того, кто кровію Своею омылъ грѣхи наши. Кровь Авеля вопіяла объ отмщеніи, кровь Іисуса Христа вопіетъ о помилованіи; говоритъ намъ о прощеніи и любви. „Смотрите, не отвратитесь и вы отъ говорящаго", убѣждаетъ Ап. Павелъ. (Евр. 12. 25). Въ раю, посреди жизни, Богъ говорилъ „о смерти" и человѣкъ не повѣрилъ Ему. Теперь, посреди смерти, Богъ обѣщаетъ жизнь и *жизнь вѣчную* (Іоан. 3. 36.) вѣрующимъ въ Сына Его: „вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную". — „Смотрите, не отвратитесь отъ Говорящаго", — отъ призывающаго васъ Іисуса Христа.

Разсказъ школьной учительницы, истинное происшествіе.

Разъ утромъ, идя по обыкновенію, въ маленькую школу, гдѣ я занималась съ бѣдными дѣтьми, я увидѣла у входа незнакомую мнѣ дѣвочку. Она сидѣла, прижавшись къ стѣнѣ, едва прикрытая какими то жалкими тряпками; худое личико посинѣло отъ холода и вообще она показалась мнѣ такою жалкою, что я остановилась, подумала о горячемъ супѣ, который получали въ полдень мои ученики, о теплой комнатѣ, гдѣ они сидѣли, и пригласила дѣвочку войти погрѣться. Она ничего не отвѣчала, но, откинувъ назадъ пряди своихъ спутанныхъ волосъ, посмотрѣла на меня какъ то безсмысленно, потомъ встала и молча пошла за мной.

Каждый день я начинала свои занятія съ дѣтьми краткой Евангельской бесѣдой. На этотъ разъ мы читали притчу о блудномъ сынѣ. — Моя новая ученица сидѣла тихо, почти нешевелясь и не сводя съ меня глазъ. По мѣрѣ того какъ я говорила, она становилась все внимательнѣе, головка ея подавалась все впередъ, и, наконецъ, она протянула руку и схватила меня за платье своими длинными, худыми пальчиками, какъ бы боясь, что я уйду не кончивъ говорить о любви Божіей къ бѣднымъ грѣшникамъ.

Уроки кончились, дѣти разошлись; но я оставила бѣдную дѣвочку въ школѣ, чтобы поговорить съ ней на единѣ. На мои вопросы о томъ, какъ я гдѣ она живетъ, бѣдное дитя отвѣчало отрывисто и безучастно;—но когда я снова произнесла Имя Спасителя и заговорила о любви Его, она вперила въ меня тотъ же пристальный взглядъ и слушала едва переводя дыханіе.

— „Придешь ли ты опять сюда завтра? спросила я, по окончаніи нашей бесѣды.

— „Не знаю; не побилъ бы меня отецъ за это," отвѣчала она.

— „Я завтра буду читать другую притчу Спасителя: про потерянную овечку и добраго Пастыря".

— „Ну такъ приду; непремѣнно приду", сказала она рѣшительно.

Дѣйствительно, на другой день, вслѣдъ за мною, явилась въ школу и она; молча сѣла подлѣ меня и все смотрѣла на Евангеліе, очевидно желая, чтобы я поскорѣе раскрыла его и начала читать. За то какъ и слушала бѣдная дѣвочка притчу о заблудшей овцѣ! Какъ жадно ловила она каждое мое слово, когда я разсказывала какъ Іисусъ Христосъ, добрый Пастырь, оставилъ небо и сошелъ на грѣшную землю искать бѣдныхъ, заблудшихъ овецъ, и положить жизнь Свою изъ любви къ нимъ. А когда я описала какъ Онъ, нашедши какую-нибудь потерянную овечку, беретъ ее на плеча Свои съ радостью,—все лицо бѣдной дѣвочки просвѣтлѣло и глаза ея наполнились слезами.

Въ слѣдующіе дни она не приходила, такъ прошла недѣля, и я отправилась отыскивать ее. „Тутъ, тутъ, сударыня"; отвѣчала мнѣ на мои разспросы какая то грязная, полуодѣтая женщина, указывая на темный, низкій подвалъ; „да дѣвочка то кажется захворала„. Я вошла: въ углу, на большой кучѣ старыхъ тряпокъ, лежала моя маленькая ученица. Лицо ея было еще блѣднѣе чѣмъ въ то время, когда я нашла ее нѣсколько дней тому назадъ, дрожащею отъ холода на улицѣ; глаза ея были закрыты; но, услышавъ мой голосъ она приподнялась и громко вскричала:

— „Подите, подите сюда, ко мнѣ; разскажите еще, что-нибудь про Него?"

— „Про кого, милая?" спросила я. Дѣвочка взглянула на меня съ укоромъ, и дрожащимъ голосомъ повторила: „Про кого? Неужели вы не знаете? Конечно про добраго Спасителя, Іисуса Христа, Который пришелъ умереть за насъ". Долго говорила я ей про Спасителя; читала ей какъ „Онъ грѣхи наши Самъ вознесъ тѣломъ Своимъ на древо," какъ Онъ вѣрующимъ въ Него обѣщалъ жизнь вѣчную и мѣсто въ Своемъ Царствіи. Бѣдное дитя утоляло жажду своего сердца у источника живой воды; она внимательно прислушивалась къ каждому слову и до такой степени погрузилась душою въ слышанное, что когда черезъ нѣсколько времени вошла ея мать и заговорила со мной,—она точно не замѣтила ее и продолжала тѣмъ же пристальнымъ взглядомъ глядѣть вдаль, къ верху, „какъ бы видя Невидимаго".

Такъ я ее и оставила; придя на другой день, я нашла ее еще блѣднѣе, еще слабѣе. Присѣвъ подлѣ, я открыла Евангеліе и начала тихимъ голосомъ читать притчу о блудномъ сынѣ, которая такъ поразила ее въ день нашей первой встрѣчи. Она повернулась ко мнѣ и слушала: слушала молча до тѣхъ поръ, пока я дошла до словъ: „и когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его". Тутъ она воскликнула: „Ахъ! это точно я; такъ и я была далеко, далеко отъ Бога, отъ Пастыря! Но, Отецъ, увидѣлъ его, первый,—такъ и со мной. Да, Онъ увидѣлъ меня, Онъ увидѣлъ меня", повторяла она съ глубокимъ чувствомъ.

„Увидѣлъ его Отецъ его и сжалился; и побѣжавъ, палъ ему на шею и цѣловалъ его;" продолжала я читать.

— „Ахъ! какая радость!" снова перебила меня дѣвочка. „Но" прибавила она печально," я вѣдь гораздо хуже этого сына: я лгала, я говорила дурныя, очень дурныя слова; у меня была книжка съ гадкими пѣснями, и я эти пѣсни пѣла; я даже крала... Она заплакала и, помолчавъ съ минуту, съ трудомъ переводя дыханіе, продолжала:

„Когда я первый разъ вернулась изъ вашей школы, мнѣ вдругъ припомнилось все что я дѣлала; и мнѣ стало страшно! Но я подумала о разбойникѣ, который — помните, вы говорили,— умеръ возлѣ Спасителя; и мнѣ стало легче. Когда всѣ улеглись спать, я тихонько встала, взяла мою книжку съ пѣснями, разорвала ее на кусочки,—даже красную обертку, которая мнѣ такъ нравилась,—и бросила въ печку. Потомъ я сказала: „Дорогой Спаситель, я хочу тебя любить. Помоги мнѣ; не оставляй меня, услышь меня, Милосердый Боже". Вѣрно же Онъ услышалъ меня, потому что съ тѣхъ поръ я стала точно другая. И теперь, я люблю Его, очень люблю!"

Дѣвочка въ изнеможеніи закрыла глаза, и повторяя слова: „очень люблю!" заснула. Ночь приближалась; но я не рѣшалась уйти: не могла оторваться отъ спящаго, умирающаго ребенка, и могла только со слезами благодарить Господа, что Онъ въ любви Своей, отыскалъ еще одну заблудшую овечку и взялъ ее на плеча Свои, чтобъ отнести прямо въ Свое Царство.

Черезъ нѣсколько времени, дѣвочка вдругъ судорожно зашевелилась, раскрыла глаза и застонала. Я наклонилась къ ней, и напомнила ей страданія Спасителя, Его жажду, Его мученія на крестѣ. „и все это Онъ терпѣлъ за тебя," прибавила я. Она перестала стонать, подняла глаза и, тихо проговорила: „Благодарю Тебя, дорогой Спаситель!" Дыханіе ея прервалось; руки сложенныя на груди похолодѣли: но лицо дѣвочки сіяло. Все было тихо; уста ея, казалось мнѣ, замолкли для земли, но вдругъ она съ необыкновенной силой приподнялась, устремила на меня пламенный взоръ и проговорила внятнымъ потрясающимъ голосомъ:

— „Идите къ нимъ; ищите ихъ; зовите ихъ; зовите ихъ всѣхъ, всѣхъ къ Іисусу Христу!"

Потомъ, она въ изнеможеніи упала на подушку и закрыла глаза.

„Онъ взялъ тебя на плеча Свои, съ радостью" шепнула я ей.

Радость сіяла и на лицѣ бѣдной дѣвочки, когда она, вслѣдъ затѣмъ, едва слышно, съ прерывающимся дыханіемъ, повторяла: „увидѣлъ, принялъ, омылъ, слава"...

Остальное она договорила уже не на землѣ, а въ Отцовскомъ Домѣ на небесахъ.

Девяносто девять.

Порадуйтесь со Мною; Я нашелъ Свою пропавшую овцу. (Луки 15. 6.)

Девяносто девять овецъ въ тиши
Паслись на злачныхъ лугахъ;
Но одна заблудилась въ страшной глуши,
Въ невѣдомыхъ, дикихъ горахъ.
Вдали отъ охраны родимыхъ воротъ,
Вдали отъ Пастырьскихъ нѣжныхъ заботъ.

„Господь, девяносто девять тутъ всѣ,
Всѣ овцы, кромѣ одной".
Но Пастырь сказалъ: „ея жалко Мнѣ;
Я пойду за Моей овцой;
И хоть тяжкій Мнѣ путь предстоялъ бы пройти,
Но хочу Я овцу дорогую спасти".

Никто изъ спасенныхъ ту ночь не видалъ,
Въ которую Пастырь ходилъ;
Когда за заблудшей средь мрачныхъ скалъ,
Онъ въ сильную бурю бродилъ.
Надъ зіяющей бездной стонала она;
И Онъ ее съ радостью взялъ на плеча.

„Господь, но зачѣмъ весь слѣдъ Твой въ крови
На землѣ, гдѣ Ты прошелъ?"
„Для заблудшей Я пролилъ ее изъ любви,
Предъ тѣмъ какъ овцу Я нашелъ".
„Господь, какъ Ты Руки Свои пронзилъ!"
„Я ими сквозь тернія путь проложилъ".

И, покрывши звукъ грома въ ночную грозу,
Голосъ къ райскимъ проникъ вратамъ:
„Порадуйтесь, вотъ Я нашелъ овцу;
Я принесъ пропавшую къ вамъ!"
И вторили ангелы пѣсни той,
Огласивъ небеса своей хвалой.

Благіе совѣты.

1) Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что въ теченіе дня что нибудь случится не такъ, какъ мы бы желали; и такъ, будемъ къ тому готовы.

2) Всякій въ домѣ, такъ же какъ и мы сами, имѣетъ испорченную природу: по этому не будемъ слишкомъ много ожидать другъ отъ друга.

3) Обращай вниманіе на особенныя способности и расположеніе каждаго.

4) Смотри на каждаго члена семейства какъ на лицо, о которомъ ты долженъ заботиться съ обязанностію отдать за него отчетъ.

5) Если съ кѣмъ нибудь случится что либо доброе, радуйся тому.

6) Если почувствуешь искушеніе сказать другому жесткое слово, вознеси сердце молитвою къ Богу.

7) Когда вслѣдствіе болѣзни, досады или слабости будешь чувствовать себя раздражительнымъ, наблюдай внимательно за собою.

8) Замѣчай, когда другіе въ такомъ положеніи и старайся успокоивать ихъ добрымъ, ласковымъ словомъ.

9) Пользуйся всякимъ маловажнымъ поводомъ распространять радость въ своемъ кругу и отвращай маленькія непріятности.

10) Смотри на каждое дѣло съ самой свѣтлой стороны и не покидай надежды.

11) Во всѣхъ случаяхъ, когда затѣвается какое нибудь удовольствіе, думай о самомъ себѣ послѣ другихъ.

12) Старайся находить „кроткій отвѣтъ, которымъ побѣждается гнѣвъ".

На Псаломъ 83.

„Какъ вожделѣнны жилища Твои, Господи силъ! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются къ Богу живому. И птичка находитъ себѣ жилье, и ласточка гнѣздо себѣ, гдѣ положить птенцовъ своихъ, у олтарей Твоихъ, Господи силъ, царь мой и Богъ мой! Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ, они непрестанно будутъ восхвалять Тебя. Проходя долиною плача, они открываютъ въ ней источники и дождь покрываетъ ее благословеніемъ". — Есть-ли между моими читателями сирота,

Первая попытка художника.

круглый, не имѣющій своего собственнаго уголка? Тотъ знаетъ уже рано, какъ горько жить на свѣтѣ. А изъ тѣхъ, которые счастливѣе, имѣютъ и добрыхъ родителей и теплый уголокъ, и все необходимое или даже пріятное – всякій видалъ такихъ бѣдныхъ людей или слыхалъ о нихъ. Они такъ несчастны! Представьте себѣ маленькое дитя, у котораго нѣтъ ни матери, ни отца. Онъ безъ пристанища, на улицѣ холодно, бѣдное дитя одѣто въ старыя лохмотья, черезъ которые безпрепятственно дуетъ вѣтеръ. Наступаетъ темная ночь, ему страшно, ему хочется ѣсть, оно мерзнетъ, ему хочется прилечь и негдѣ и неукого... Ахъ, какъ ужасно бѣдному малюткѣ!

Мы люди на землѣ такіе же бездомные сироты, пока Господь не приметъ насъ въ Свои жилища. Здѣсь на землѣ ничего намъ не принадлежитъ; все проходитъ, ни на что мы не можемъ расчитывать. Можетъ быть многіе изъ васъ уже испытали это, а если нѣтъ, то слишкомъ скоро испытаютъ. Здоровье, богатство, молодость, веселость — все пролетаетъ мимо; а какъ часто люди, на которыхъ мы больше всего расчитывали, покидаютъ, забываютъ насъ, или отняты отъ насъ разлукой или смертью. И мы остаемся совсѣмъ одинокими сиротами, нищими, мы чувствуемъ холодъ на душѣ. Тогда, если мы не пріютили себя во время подъ крыло Господа нашего, часто бываетъ, что даже наши честныя правила и хорошія намѣренія колеблятся и путаются, какъ будто мы заблудились въ незнакомыхъ улицахъ.

Но гдѣ же найти радость и счастье, которыхъ, такъ проситъ душа, если ихъ нѣтъ на землѣ. Нѣтъ, можно на землѣ ихъ найти; надо только знатъ гдѣ искать ихъ. Царь Давидъ нашелъ ихъ, когда восклицалъ: „Какъ вожделѣнны жилища Твои, Господи силъ!" Да, у Господа покой, и радость и счастье. Истомилась душа моя, сердце мое и плоть моя восторгаются къ Богу, т. е. стремятся, желаютъ, томятся по Господѣ.

Вообразите себѣ, что почувствовалъ бы тотъ бѣдный ребенокъ, про котораго мы говорили, еслибъ вдругъ изъ какого нибудь дома вышелъ хозяинъ, взялъ его на руки, внесъ въ теплую комнату, приласкалъ, посадилъ за столъ съ своими дѣтьми, отогрѣлъ, накормилъ? Какое чувство счастья разлилось бы въ его сердцѣ! Гдѣ онъ найдетъ слова, чтобъ поблагодарить благодѣтеля за любовь оказанную ему, нищему, бездомному ребенку. Таково же чувство человѣка, принятаго въ жилищахъ Господнихъ. Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ, они непрестанно будутъ восхвалять Тебя!

Но что это за жилище Божіе и гдѣ оно, на небѣ-ли, или еще на землѣ и какъ намъ попасть туда? Это жилище есть уже на землѣ. Вездѣ, гдѣ царствуетъ Господь, тамъ оно и есть. Имъ можетъ сдѣлаться и наше слабое сердце по обѣщанію Господа нашего Іисуса Христа, который сказалъ: „и Мы пріидемъ и обитель у него сотворимъ!" Что же надо, для того, чтобы сердце наше стало этимъ чуднымъ жилищемъ такого великаго Хозяина? Надо отдать ему это сердце, отдать совсѣмъ, всецѣло, не оставляя въ немъ ни уголка себѣ, своимъ любимымъ недостаткамъ, слабостямъ; чтобъ Онъ могъ вполнѣ властвовать въ немъ, впускать, кого захочетъ, изгонять, кого найдетъ нужнымъ. Блаженны живущіе въ такомъ домѣ, гдѣ Господь хозяиномъ; они безпрестанно будутъ восхвалять Его.

Отчего же такъ хорошо будетъ тогда въ этомъ сердцѣ? Вѣдь это сердце сотворено Имъ и для Него и не можетъ быть довольнымъ и счастливымъ безъ Него. Кто разъ испыталъ это, тотъ не забудетъ никогда, какъ хорошо когда Господь устроилъ Свое жилище въ нашемъ сердцѣ, какъ тамъ свѣтло, тепло и отрадно.

Давидъ говоритъ: „Проходя долиной плача, они открываютъ въ ней источники и дождь покрываютъ ее благословеніемъ." Это значитъ, что люди преданные Господу, проходя свой земной путь между тѣхъ многихъ скорбей, которыя дали землѣ имя „долины плача", находятъ въ ней источники утѣшенія, силы и радости; а именно въ Іисусѣ Христѣ, который назвалъ себя Источникомъ живой воды. Для нихъ и дождь, т. е. страданіе производитъ благословеніе, потому что они умѣютъ принимать его какъ даръ любящаго Отца, Который и горе посылаетъ для исправленія и очищенія Своихъ дѣтей, и черезъ него возвышаетъ и усовершаетъ ихъ. Наконецъ, если намъ придется разстаться со всѣмъ, что мы имѣемъ, съ молодостью, счастіемъ здоровьемъ, друзьями, никто не можетъ разлучить насъ съ Господомъ, Котораго мы избрали. Какъ прекрасно выражаетъ эту мысль Слово Божіе; „И птичка находитъ себѣ жилье и ласточка гнѣздо себѣ, гдѣ положить птенцовъ своихъ". Да, и ты найдешь теплое гнѣздышко въ жилищѣ Господнемъ, и не только для тебя мѣсто, но для всего и для всѣхъ, кто тебѣ милъ и дорогъ, для всего что ты внесешь туда, какъ ласточка птенцовъ своихъ. Есть-ли у тебя забота какая, ты принесешь ее въ жилище Господне и Онъ возьметъ ее и понесетъ вмѣстѣ съ тобой. Есть-ли у тебя желанія или затрудненія, ты ихъ положишь на алтарь Господенъ и будешь ждать Его воли. Есть у тебя другъ, который заботитъ тебя, ты его положишь на сердце Божіе, какъ птенчика въ гнѣздо, и будешь увѣренъ, что Онъ сбережетъ и охранитъ его.

О, Господь, открой мнѣ жилище Твое, сдѣлай изъ сердца моего обитель Твою; — тогда мнѣ нечего бояться. Ни смерть, ни болѣзнь, ни разлука, ни горе, ничто не можетъ отлучить меня отъ любви Твоей во Христѣ Іисусѣ. Аминь.

Условія подписки: „Русскій Рабочій" выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.
Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.
Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Апрѣля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 4. 1878 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 4-й.

Путешествіе на верблюдахъ.

Верблюдъ.

Верблюды водятся преимущественно въ Азіи и въ Африкѣ, въ степныхъ и песчаныхъ мѣстностяхъ, гдѣ они приносятъ громадную пользу. Безъ помощи верблюдовъ, путешествія въ этихъ странахъ были бы весьма затруднительны. Жители населенныхъ мѣстъ, отдѣленные большими пространствами, на которыхъ не встрѣтишь ни травки ни капли воды, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, сообщаются только посредствомъ путешествія на верблюдѣ, котораго, по этому, и называютъ иногда „степнымъ кораблемъ". Дѣйствительно, верблюдъ какъ бы созданъ для этой цѣли. Онъ обладаетъ силой, терпѣніемъ и необыкновенной выносливостью; можетъ довольствоваться самымъ ничтожнымъ количествомъ пищи и питья. Наружность его не красива, но вполнѣ приспособлена къ его назначенію. Длинная, выгнутая шея его поднимаетъ голову фут. на 9 надъ землею, такъ что, при помощи зоркости и тонкаго чутья онъ издали, видитъ малѣйшую зелень и чувствуетъ близость воды. Туловище его, длинною въ 7 или 8 фут., покрыто свѣтло-коричневой шерстью, расположенной неровными клочками. На спинѣ горбъ или два, голова большая, неуклюжая, длинныя, полузакрытыя вѣки, густыя рѣсницы, толстая верхняя губа, глубоко разсѣченная по срединѣ. Ноги тонкія, длинныя; на сгибахъ и на груди шаршавая, грубая кожа, ступни толстыя, плоскія, съ крошечными ноготками на пальцахъ. Всѣ эти кажущіяся несовершенства оказываются драгоцѣнными качествами на дѣлѣ. Какъ сказано выше, зеленые оазисы, или поляны снабженныя деревьями и водою, встрѣчаются на разстояніи нѣсколькихъ дней ѣзды, какъ острова на океанѣ. Верблюдъ, предназначенный для кочевой жизни въ подобныхъ мѣстностяхъ, снабжаетъ себя водою при первомъ источникѣ и затѣмъ хранитъ избытокъ этой воды въ особомъ углубленіи желудка и пользуется ею во время лишенія. Пищею ему служатъ колючія растенія пустыни, которыя зубы его легко пережовываютъ. Верхней губой онъ обрываетъ молодые побѣги кустарниковъ и листья деревьевъ. Когда же нѣтъ ни того ни другаго, ему сваливаютъ ячменные катыши и посыпаютъ ихъ мукой толченыхъ финиковъ. Въ крайнемъ же случаѣ, когда всякая пища оскудѣетъ, верблюдъ можетъ существовать на счетъ своихъ горбовъ, гдѣ цѣлый запасъ жирнаго, питательнаго вещества, которое переходитъ въ пищу когда желудокъ его опустѣетъ. Плоскія ступни верблюда расширяются еще болѣе, когда онъ на нихъ ступаетъ всею своей тяжестью, и даютъ ему возможность удобно ходить по песчаной зыби. Толстая, шероховатая кожа на груди и на колѣняхъ служитъ ему подушкою, когда онъ ложится или сгибаетъ ноги при навьюченіи его кладью. Одногорбый верблюдъ или дромадеръ служитъ преимущественно для верховой ѣзды; онъ меньше, тоньше сложенъ, отличается быстротою хода и легкостью. Арабы ѣздятъ на немъ, употребляя особеннаго рода сѣдло съ выемкой внутри и съ двумя ручками по обѣимъ сторонамъ, которыя опускаются и поднимаются по надобности. Уздой служитъ большой шнурокъ съ кистями.

О верблюдахъ нерѣдко упоминается въ Священномъ Писаніи; они составляли значительную часть богатствъ Патріарховъ. Іовъ, напримѣръ, имѣлъ 3000 верблюдовъ до тяжкаго испытанія своего и 6000 послѣ, въ концѣ жизни. Въ исторіи царя Давида мы видимъ, что скорость бѣга верблюдовъ помогла спастись бѣгствомъ четыремстамъ юношей, при пораженіи Амалекитянъ. — Глядя же на картину нашу, невольно вспоминается другая ветхозавѣтная исторія, въ которой верблюды встрѣчаются, исторія женитьбы Исаака. Старецъ Авраамъ, вызванный повелѣніемъ Божіимъ изъ своей родины и изъ своего родства въ землю Ханаанскую, землю обѣтованія, боится чтобы сынъ его Исаакъ, пришедшій въ возрастъ, не женился на одной изъ языческихъ дѣвушекъ той страны. Окруженный язычниками, но внутренно отдѣленный отъ нихъ познаніемъ единаго истиннаго Бога, Авраамъ желаетъ прежде всего это познаніе и поклоненіе сохранить въ чистотѣ и въ потомствѣ своемъ. Поэтому съ истинною мудростью онъ посылаетъ слугу своего къ роднымъ своимъ, въ Месопотамію, поручая ему привезти оттуда невѣсту Исааку. Тамъ сохранилось познаніе Бога; и Господь, благословившій Исаака, укажетъ для него дѣвицу богобоязненную, предназначенную быть матерью будущаго Израиля. Взявъ десять верблюдовъ изъ стадъ господина своего и богатые подарки для невѣсты и родныхъ ея, вѣрный рабъ Авраама отправился въ путь и остановился у воротъ города, гдѣ жилъ братъ Авраама Нахоръ. Тутъ былъ колодезь, къ которому подъ вечеръ приходили дѣвушки, съ кувшинами, черпать воду. Привыкшій во всемъ видѣть руку Божію и не желая сдѣлать легкомысленный выборъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, слуга Авраама вознесъ молитву къ Богу Авраама, прося Его послать ему на встрѣчу ту, которая избрана Богомъ для этой доли. Еще не пересталъ онъ говорить, какъ вышла Ревекка, внучка Нахора, съ кувшиномъ на плечѣ. Она была молодая, красивая дѣвица, и рабъ Авраама, увидѣвъ, что она наполнила кувшинъ свой у колодца, побѣжалъ ей на встрѣчу и попросилъ пить. Дѣвушка спустила кувшинъ, напоила его и увидавъ, что онъ путешественникъ и что съ нимъ пришли утомленные верблюды, предложила черпать воду и для нихъ, „пока не напьются". Можно себѣ представить, какъ забилось сердце слуги Авраама, когда онъ увидѣлъ это скорое исполненіе его молитвы. Еще болѣе удивился и обрадовался онъ, когда узналъ отъ Ревекки, что она внучка Нахора, брата Авраама, что Богъ привелъ его въ семью Авраама, подъ кровъ брата его. „Господь привелъ меня прямымъ путемъ къ дому брата господина моего!" Ревекка, вернувшись домой, разсказала свою необыкновенную встрѣчу, и братъ ея, Лаванъ, вышелъ пригласить въ домъ свой слугу Авраама: „войди, благословенный Господомъ", сказалъ онъ ему, „зачѣмъ ты стоишь внѣ?" — Тотъ принялъ гостепріимство Лавана, но не захотѣлъ даже вкусить предлагаемой ему пищи, пока онъ не окончилъ порученія и дѣла господина своего. Онъ разсказалъ про богатство Авраама и любовь его къ сыну, разсказалъ про милостивое руководство Божіе въ этомъ дѣлѣ и наконецъ просилъ у нихъ рѣшенія и отвѣта. Всѣ присутствовавшіе увидали ясно волю Божію, и сказали въ отвѣтъ: „вотъ Ревекка предъ тобою; возьми ее и пойди". На другой же день, не смотря на то что родные упрашивали Ревекку и ея спутника погостить у нихъ, слуга Авраама отправился въ путь, съ Ревеккою, охотно послѣдовавшею за нимъ. По прибытіи ихъ, Исаакъ ввелъ невѣсту въ шатеръ матери своей, такъ недавно умершей, и „возлюбилъ ее и утѣшился въ печали по матери своей". Весь этотъ библейскій разсказъ полонъ полезнаго примѣненія для насъ. Пусть отцы и матери подумаютъ о сердечной заботѣ Авраама, чтобы сынъ его не совратился съ путей Божіихъ; пусть они, приготовляя воспитаніемъ и попеченіемъ будущность дѣтей своихъ, вспоминаютъ слова Спасителя, что „одно только нужно" и что безъ этаго однаго, т. е. безъ вѣры живой и вѣрности Богу, все остальное — мірская суета. Пусть слуги Божіи возьмутъ примѣръ отъ слуги Авраама. Какая вѣрность, какая поспѣшность, какое рвеніе, какая мудрость! Онъ не даетъ себѣ отдыха, не садится за столъ, пока не исполнитъ порученія господина своего. Онъ не забываетъ ни на минуту присутствія Божія, къ Нему прибѣгаетъ, и Ему одному воздаетъ хвалу за успѣхъ своего служенія. Какъ онъ знаетъ богатство и милость господина своего, какъ онъ любитъ говорить о немъ и привлекать сердца къ нему! Какъ онъ торопится домой, зная, что сердца отца и сына полны ожиданія, готовы встрѣтить одинокую путницу, окружить ее любовью и всѣми сокровищами своими! Мы, которые знаемъ милость и богатство Отца небеснаго, знаемъ что Онъ все отдалъ въ руки Сына Своего, знаемъ, по слову Христа, какая радость на небѣ объ одномъ грѣшникѣ, обращающемся на путь спасенія; будемъ же неуклонно шествовать ко Христу, какъ только услышимъ призваніе къ Нему, не жалѣя для этаго ни труда ни силъ, не засиживаясь въ шатрахъ веселія и пированія.

Сапоги, брошенные въ могилу.

Осипъ былъ могильщикъ. Его отецъ копалъ могилы на томъ же кладбищѣ стариннаго города, и онъ надѣялся, что маленькій внукъ его, Ося, будетъ заниматься тѣмъ-же ремесломъ. Когда у Осипа родилась дочь, онъ очень огорчился, потому что женщины не могутъ быть могильщицами; но черезъ лѣтъ восемьнадцать, когда Маша вышла замужъ за искуснаго каменьщика Ивана и у нихъ родился сынъ, старикъ Осипъ былъ въ восторгѣ и всѣ надежды его оживились. Ремесло зятя ему нравилось, потому что оно шло рука объ руку съ его собственнымъ; Иванъ выдѣлывалъ всѣ плиты надгробныя, вырѣзывалъ на нихъ имена и надписи и старикъ довольствовался этимъ, въ ожиданіи что Ося подростетъ и тогда онъ его научитъ своему собственному ремеслу.

Однажды вечеромъ, старикъ зашелъ провѣдать дочь и взявъ на колѣни своего маленькаго преемника сказалъ ему:

— „Ну, Ося, ты вѣрно желаешь знать, что дѣлается у насъ на кладбищѣ?"

Тутъ Ося сжалъ губки и посмотрѣлъ внимательно на дѣдушку, который, принявъ это за особенное участіе къ его словамъ, продолжалъ: „завтра мы будемъ хоронить Ѳому Чижова. Я говорю мы, потому что мы съ тобой однимъ дѣломъ занимаемся и мнѣ все кажется когда я работаю, что я вижу тебя подлѣ себя. Ты вѣдь знаешь, Ося, что обыкновенная глубина могилы — сажень. Но жена Чижова приходила ко мнѣ въ сумерки и просила вырыть поглубже; а я знаю, что денегъ у нея немного, мужъ ее никогда не баловалъ ее ничѣмъ. Я и сталъ ее отговаривать: „Зачѣмъ", говорю „это лишнее." — „Нѣтъ", говоритъ, „у меня на то свои причины, выкопайте аршиномъ глубже." Такъ я и выкопалъ могилу въ 4 аршина глубины и отцу твоему придется дѣлать большую плиту. Похороны завтра въ 10 часовъ, у меня уже все готово; надо быть исправнымъ", прибавилъ онъ въ видѣ правоученія внуку.

Покуда старикъ разсуждалъ съ Осей, Иванъ вошелъ и, увидавъ что глаза малютки смыкаются, осторожно взялъ его на руки и положилъ въ колыбель. Черезъ минуту вошла и Маша съ красными отъ слезъ глазами, но старикъ, продолжавшій смотрѣть на внука не замѣтилъ этого.

Дѣло въ томъ, что утромъ Иванъ и Маша немного поссорились и надулись другъ на друга. Простодушный старикъ, ничего не подозрѣвая, разговорился съ дѣтьми за самоваромъ, и слова его какъ острый ножъ пронзали ихъ сердца.

„Завтра, Иванъ, у насъ могила въ 4 аршина глубины; надо будетъ тебѣ поскорѣе приготовить плиту, вырѣзать имя, лѣта, и еще что-нибудь въ видѣ надписи. Что ужъ ты вырѣжешь, я не знаю; вообще о Чижовѣ я мало хорошаго знаю, а дурнаго ничего не стану говорить, потому что не люблю говорить дурно объ умершихъ, тѣмъ болѣе, что они меня кормятъ; знаю только, что не хорошъ онъ былъ для жены, очень суровъ былъ съ нею, а она все-таки платитъ за лишній аршинъ для могилы. Да, никто не знаетъ какое сокровище женщина; это самое любящее существо во всемъ мірѣ. Твоя покойная мать всегда прощала мнѣ, когда я сердился и обижалъ ее. Ахъ, Маша, если бы я могъ теперь вынуть ее изъ могилы, я бы кажется никогда не сердился, а еслибы и случилось повздорить, то я тотчасъ же загладилъ бы каждое слово, которое сорвалось съ языка".

Весь этотъ разговоръ былъ для Ивана и Маши „не въ бровь а прямо въ глазъ", какъ говорится, и можно было ожидать что, оставшись вдвоемъ, они тотчасъ же помирятся. Но не тутъ то было. Скоро ссора загорается но не скоро потухаетъ. По уходѣ старика, они легли спать съ тяжелымъ сердцемъ и проснулись также. Ни одинъ не хотѣлъ сдѣлать первый

шагъ и, казалось, духъ раздора, этотъ незванный гость, поселился у нихъ надолго.

На другой день, рано утромъ, старикъ Осипъ былъ на кладбищѣ, у новой могилы. Онъ окончилъ всю работу и сѣлъ отдохнуть на сосѣднюю могилу, какъ вдругъ увидалъ что кто-то, незнакомый, подходитъ къ нему.

— „Не для Ѳомы ли Чижова вырыта эта могила?“ спросилъ незнакомецъ.

— „Да, да, глубокая могила, видите, полторы сажени, такъ жена хотѣла; а вамъ для чего знать про могилу?“

— „Для того что я братъ Ѳомы, и хотя мы съ нимъ были въ ссорѣ и года три невидались, мнѣ все-таки хотѣлось пріѣхать на его похороны. Ссоры же у насъ были за то, что онъ такъ жестоко обращался съ женой. Еслибы онъ слушался того что я говорилъ ему, жизнь его была бы покойнѣе и лучше. Онъ и жена его любили искренно другъ друга, когда женились, но Ѳома не могъ перенести ни малѣйшей непріятности; начались у нихъ ссоры и все шло хуже и хуже“.

— „Но вѣрно-же они передъ смертью его совершенно помирились, если его жена заказала могилу въ $4\frac{1}{2}$ аршина“, замѣтилъ Осипъ.

— „Едва ли“, отвѣчалъ незнакомецъ; „она часто говорила, въ досадѣ, что когда мужъ умретъ, она похоронитъ его какъ можно глубже, чтобы быть увѣренной что избавилась отъ него на всегда“.

— „Это ужасно!“ сказалъ честный могильщикъ.

— „Ужасно, да; но нельзя и винить ее; она была доведена до этого. Сначала, она была очень терпѣлива и обходительна; но, можно вѣдь и сахаръ превратить въ уксусъ. Вотъ она теперь и стала уксусомъ. Подъ конецъ, она ненавидѣла мужа; и я не сомнѣваюсь, что она теперь рада, что его нѣтъ. Напрасно теперь рыть лишніе 2 аршина; они должны будутъ встрѣтиться на страшномъ судѣ, и дать отчетъ Богу въ томъ какъ они жили вмѣстѣ“.

Въ этомъ разговорѣ время прошло незамѣтно. Раздался звонъ и начались похороны.

— „Я не хочу, чтобы моя невѣстка меня видѣла“, сказалъ незнакомецъ, „мое присутствіе можетъ ей быть непріятнымъ. Я встану тамъ, за деревьями, довольно близко, чтобы все видѣть и слышать, довольно далеко, чтобы остаться незамѣченнымъ“.

Печальное шествіе приближалось къ могилѣ. За гробомъ шла вдова, въ черномъ платьѣ, съ опущенными глазами; но что происходило въ душѣ ея? Она только что слышала чудную главу Евангелія о воскресеніи мертвыхъ, которая въ самой скорбной душѣ можетъ поселить надежду. Мысль о воскресеніи, о союзѣ вѣчной любви можетъ унести сердце далеко за гробъ, за могилу, за печаль, за слезы, къ ногамъ Того, Кто Самъ — Воскресеніе и Жизнь. Думала ли она объ этомъ? Или, быть можетъ, она озиралась на прошедшее, на всѣ годы проведенные вмѣстѣ и спрашивала себя, сдѣлала ли она для этого существа все, что можно, чтобы облегчить и усладить земной путь его. — Какъ отрадно воспоминаніе о томъ, что не жалѣлъ заботъ и силъ для любимаго существа! Что покуда только онъ могъ слышать, онъ слышалъ только слова ласки и любви! Эти воспоминанія тоже, что живые цвѣты, брошенные на могилу дорогихъ сердцу. Будемъ же бросать сѣмена терпѣливою рукой, ежедневно; и они дадутъ намъ свою жатву. Но увы! ни одна изъ этихъ мыслей не наполняла душу Чижовой. У нея на душѣ было смутно и тяжело; она думала съ горечью о томъ, что перенесла отъ мужа, а въ то же время совѣсть говорила ей, что и она была виновна. Потомъ, какъ огнемъ, охватило ее воспоминаніе того ужаснаго дня, когда въ первый разъ онъ поднялъ на нее руку и ударилъ ее своимъ тяжелымъ сапогомъ. Удары эти повторялись часто, потомъ; и она проводила дни въ страхѣ, въ униженіи, питая ненависть къ жестокому мужу. Мы не оправдываемъ вдову; еслибы она знала любовь Христову, она простила бы и побои; особенно, въ минуту смерти. Но, мужья способны уничтожить любовь въ женщинѣ, также какъ и иныя жены способны уничтожить любовь въ мужѣ. И тѣ и другія отдадутъ отчетъ Богу въ своемъ грѣхѣ.

Добрый Осипъ былъ сильно опечаленъ разсказомъ незнакомца и съ стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣлъ на вдову. Гробъ опустили въ могилу; всѣ друзья бросили на него землю, и стали расходиться по домамъ. Вдова стояла неподвижно, укрываясь большимъ платкомъ и оглядываясь по сторонамъ. Увидавъ, что никого нѣтъ и что даже Осипъ, не желая стѣснять ее, отошелъ, она торопливо вынула изъ подъ платка два тяжелыхъ сапога, и бросила ихъ въ яму.

— „Возьми ихъ съ собою на тотъ свѣтъ“, сказала она глухо, — „этихъ двухъ свидѣтелей моего мученія“. Затѣмъ, она быстро пошла домой.

Страшно подѣйствовалъ этотъ ужасный поступокъ на старика могильщика и на скрытаго незнакомца. Въ ушахъ ихъ раздавался стукъ упавшихъ сапоговъ и страшныя слова вдовы. Нѣсколько минутъ они молчали; наконецъ, незнакомецъ первый заговорилъ:

— „Не говорилъ ли я тебѣ, что не для почета вырыла она ему такую могилу!“

— „Какой ужасный конецъ супружеской жизни!“ сказалъ могильщикъ.

Братъ покойнаго, послѣ этого, уныло пошелъ домой; а Осипъ сталъ зарывать могилу.

Въ тотъ же день вечеромъ, Осипъ сидѣлъ молча за чайнымъ столомъ у дочери своей Маши. Маленькій могильщикъ, Ося, не разъ заглядывалъ въ его грустное лицо, пѣлъ пѣтухомъ, просилъ сахару; но старикъ не обращалъ вниманія на всѣ эти шутки. Маша и Иванъ сидѣли на своихъ мѣстахъ, но глаза Маши все еще были красны, и на лицѣ Ивана все еще выражалось неудовольствіе. Если бы дѣдушка былъ въ спокойномъ настроеніи, то онъ замѣтилъ бы эту перемѣну въ дѣтяхъ, но онъ занятъ былъ своими мыслями и ему, казалось, было трудно начать разговоръ. Наконецъ, усѣвшись у печки въ старое кресло и глубоко вздохнувъ, онъ сказалъ: „50 лѣтъ я могильщикомъ на этомъ старомъ кладбищѣ, и никогда не видѣлъ того, что видѣлъ сегодня. Я готовъ отказаться, сегодня, отъ своей должности и не допустить Осю вступить въ нее при одной мысли, что подобные случаи могутъ повториться. Кто бы могъ подумать, что рука, протянутая подъ вѣнцомъ къ любимой женщинѣ, можетъ когда-либо нанести ей ударъ, и что тѣже уста, которыя произнесли обѣтъ вѣрности и любви, могли произносить надъ ней ругательства и проклятія; что тѣ два существа, которыя не могли дождаться дня соединенія другъ съ другомъ, — впослѣдствіи желали быть какъ можно дальше другъ отъ друга. И все это должно было случиться на нашемъ кладбищѣ, гдѣ я хоронилъ столько добрыхъ мужей, преданныхъ женъ и всякихъ почтенныхъ людей. — „Что же случилось?“ — спросила Маша. Старикъ разсказалъ всю исторію и разговоръ свой съ братомъ покойника, и про сапоги, брошенные въ яму женою покойника. „Да, мой милый Ося“, продолжалъ старикъ, обращаясь къ внуку, „не все сахаръ на этомъ свѣтѣ; люди кладутъ иногда сахаръ въ ротъ, но не всегда сахаръ сходитъ съ ихъ устъ. Помни, Ося, совѣтъ дѣдушки: если когда-нибудь женишься, то женись для того, чтобы любить и беречь свою жену, утѣшать, защищать ее, для того чтобы сдѣлать ее счастливой. Еслибъ ты былъ дѣвочкой, я бы сказалъ тебѣ, уважай своего мужа и повинуйся ему во всемъ; но какъ ты мущина, я прошу тебя, никогда не давай приказаній грубо твоей женѣ, никогда не дѣлай несправедливыхъ упрековъ. Помни что вы можете пережить другъ-друга и приготовить себѣ страшное угрызеніе совѣсти. Есть такія слезы, которыя никогда не должны были бы литься на землѣ, слезы горькаго воспоминанія объ обидахъ, слезы горючія, слезы ненависти, слезы дьявола. Эти слезы похожи на купаросъ, они жгутъ сердце; смотри, Ося, чтобы тебѣ никогда не пришлось проливать такихъ слезъ“. — Слушая эти непонятныя ему наставленія, Ося задремалъ. Но Маша не дремала: она была поражена этимъ разсказомъ. — „Неужели“, спросила она, „эта женщина сказала: „возьми ихъ съ собой на тотъ свѣтъ?“ „Да, сказала, несчастная; она думала излить свою обиду и не подозрѣвала, какой ужасный смыслъ въ ея словахъ.“ „Какой смыслъ?“ спросила Маша. — „Конечно, дитя мое, ни кожа ни желѣзо на тотъ свѣтъ не пойдутъ, но свидѣтельство противъ Ѳомы пойдетъ къ престолу Божью. Всѣ грубыя слова, жестокіе побои, нарушенные обѣты, — вотъ что понесутъ эти сапоги на судъ Божій. Вамъ, дѣти мои, эти назиданія не нужны; я знаю, вы нѣжно любите другъ друга. Но если бы случилась малѣйшая непріятность между вами, то вспомните эту страшную исторію, и тотчасъ прекратите ссору. Малое начало ведетъ часто къ страшному концу. Такой маленькій чулочекъ“, и старикъ показалъ на чулочекъ Оси, „можетъ превратиться въ сапогъ съ желѣзными гвоздями“.

Легко себѣ представить чувства и впечатлѣнія Маши и Ивана во время этого разсказа. Когда старикъ ушелъ, Иванъ отправился оканчивать работу и Маша осталась одна. Она начала съ того, что облокотясь на столъ, закрыла лице руками и горько зарыдала. Слезы раскаянья и сожалѣнія о томъ, что любовь между ею и мужемъ была нарушена пустою ссорой, облегчили немного ея сердце; она сѣла къ лампѣ и стала усердно работать. Иванъ вошелъ черезъ часъ и сѣлъ на кресло молча, но видно было что и въ его сердцѣ происходила работа. Онъ закрылъ глаза, вымышляя разные пути къ примиренію. Въ эту минуту Маша тихонько подошла сзади и поцѣловала его въ лобъ. Поцѣлуй этотъ дошелъ до сердца Ивана. Онъ обнялъ жену и миръ былъ заключенъ. Начались объясненія, извиненія и обѣщанія съ обѣихъ сторонъ. Сапоги Чижова сдѣлали свое дѣло. Они научили этихъ молодыхъ супруговъ беречь взаимную любовь и бояться суда Божія за каждое обидное слово, сказанное другъ другу. Быть можетъ, они научатъ и другихъ, привыкшихъ не стѣсняться ничѣмъ въ супружествѣ, не жалѣть брани и оскорбительныхъ словъ, бояться суда Божія на которомъ вмѣстѣ съ ними предстанутъ, во свидѣтельство на нихъ, всѣ жесткія слова, и несправедливые поступки, которыми они оскорбляли другъ друга.

Енохъ.

«Вѣрою Енохъ преселенъ былъ, такъ что не видѣлъ смерти, и не стало его, потому что Богъ преселилъ его. Ибо прежде преселенія своего, получилъ онъ свидѣтельство, что угодилъ Богу. А безъ вѣры угодить Богу невозможно»... (Евр. 11. 5. 6).

„И ходилъ Енохъ предъ Богомъ; и не стало его, потому что Богъ взялъ его“. Быт. 5. 24.

Если мы откроемъ пятую главу книги Бытія, мы увидимъ цѣлый рядъ именъ, составляющихъ родословіе Адама. Краткое описаніе длинной жизни каждаго потомка Адама кончается словами: „и онъ умеръ“. Одно только исключеніе, одинъ только человѣкъ изъятъ изъ этой общей участи, постигшей всѣхъ людей, — Энохъ. Почему? За какія необыкновенныя заслуги не подвергся онъ смерти, которая вмѣстѣ съ грѣхомъ перешла во всѣхъ человѣковъ? Слово Божіе отвѣчаетъ намъ и въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ на этотъ вопросъ. Ап. Павелъ, въ посланіи къ Евреямъ, добавляетъ краткое жизнеописаніе Еноха, которое находится въ книгѣ Бытія. Въ преселеніи Еноха, Ап. Павелъ видитъ несомнѣнное свидѣтельство, что Енохъ угодилъ Богу, и изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что Енохъ былъ человѣкъ сильной вѣры, потому что, продолжаетъ Ап. Павелъ, безъ вѣры угодить Богу *невозможно*. Въ обыденной жизни, какъ часто слышатся похвалы поступкамъ и дѣламъ человѣческимъ, совершенно независимо отъ вѣры. Люди говорятъ: такой-то человѣкъ добръ, честенъ, сдѣлалъ то или другое доброе дѣло, — стало быть

угодилъ Богу, онъ будетъ на небѣ. Богъ, по мнѣнію этихъ людей, какъ бы обязанъ дать вѣчное блаженство даже тѣмъ, кои дѣлая добро не имѣли и въ мысляхъ угодить Ему, быть можетъ даже и не вѣровали въ Него. „Истинно“ сказалъ Богъ чрезъ Исаію пророка, „Мои мысли не ваши мысли и пути Мои не ваши пути“. Люди судятъ превратно и не хотятъ мыслей и путей Божіихъ. Но Ап. Павелъ, который позналъ ихъ Духомъ Святымъ, говоритъ: что „безъ вѣры угодить Богу невозможно“. Какія бы ни были наши заслуги въ отношеніи къ людямъ, какія бы ни были наши добродѣтели и наши жертвы, если вѣра не лежитъ въ основаніи всего этого, мы угождаемъ только людямъ и отъ нихъ можемъ ожидать похвалы и награды; но Богу безъ вѣры угодить невозможно. Что-же такое эта вѣра, которая составляла основаніе и сущность всей жизни Еноха? Краткими но чудными словами отвѣчаетъ книга Бытія: „*Енохъ ходилъ предъ Богомъ*“. Блаженъ человѣкъ, котораго все жизнеописаніе заключается въ этихъ трехъ словахъ: ходилъ предъ Богомъ. Безумецъ не признаетъ Бога; онъ говоритъ въ сердцѣ своемъ: „нѣтъ Бога“; онъ не видитъ Бога, не подчиняется Ему, а, напротивъ, противится Его воли; „называя себя мудрыми, они обезумѣли“, говоритъ Ап. Павелъ, „потому что осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце“. Напротивъ того, Енохъ нетолько вѣровалъ въ бытіе Бога, но и вѣровалъ истинно, не по своему измышленію, но „ходилъ предъ Богомъ“, т. е. имѣлъ Его постоянно предъ собою, исполнялъ Его заповѣди, жилъ для Него и съ Нимъ, предвкушая такимъ образомъ жизнь небесную, въ которую Богъ и преселилъ его. На землѣ, гдѣ Богъ былъ забытъ людьми, Енохъ жилъ во свѣтѣ лица Его, руководствовался Его волею, имѣлъ цѣлью Его Славу, предпочиталъ общеніе съ Нимъ всему земному, искалъ и находилъ Его очами сердца. Мы называемъ благочестивыми тѣхъ людей, которые въ нѣкоторыхъ своихъ поступкахъ имѣютъ въ виду угодить Богу. Но Духъ Святый даетъ намъ образецъ высшаго благочестія, говоря про Еноха, что „онъ ходилъ предъ Богомъ“. Такое общеніе съ Богомъ есть единственное средство ходить свято и непорочно; „Я Богъ всемогущій; ходи предо Мною, и будь непороченъ“. Быт. 17. 1. Енохъ былъ также и проповѣдникомъ своего времени и изъ посланія Ап. Іуды мы узнаемъ, что составляло главный предметъ его проповѣди. Онъ обличалъ своихъ современниковъ, преданныхъ грѣхамъ и нечестію, говоря: „се идетъ Господь со тмами святыхъ Ангеловъ своихъ, сотворить судъ надъ всѣми и обличить всѣхъ нечестивыхъ и пр.“ Іуды ст. 14. 15. Енохъ страдалъ, гляля на окружавшее его зло и Богъ взялъ его къ Себѣ, укрылъ Его въ жилищѣ свѣта отъ тьмы грѣховной. Такъ кончилась жизнь вѣры. Богъ знаетъ своихъ и необманываетъ ихъ упованіе.

Радостная встрѣча отца.

Гдѣ будешь ты черезъ сто лѣтъ?

Многіе быть можетъ улыбнутся на этотъ вопросъ, — примутъ его за шутку. Но это серьезный вопросъ, рѣшающій наше будущее счастье.

Кто вѣритъ въ Бога, тотъ вѣритъ Его слову. Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, свидѣтель вѣрный и истинный, сказалъ, что есть мѣсто вѣчнаго блаженства и мѣсто вѣчнаго страданія: „и пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную“. (Мтө 25, 46). Увѣренъ ли каждый изъ насъ, что его ожидаетъ жизнь вѣчная?

Величайшій врагъ самому себѣ тотъ, чьи мысли никогда не останавливались на этомъ вопросѣ. Напрасно станетъ онъ погружаться въ дѣла, заботы или удовольствія жизни, напрасно будетъ стараться забыть ожидающую его вѣчность, онъ долженъ неизбѣжно предстать передъ Судьей человѣчества. Богъ не забываетъ о той торжественной минутѣ, когда каждый долженъ дать отчетъ въ своей жизни; не слѣдуетъ забывать ее и намъ. Отъ Бога не укроется никто и ничто. Ему извѣстны тайныя дѣла, скрытыя мысли, на ухо сказанныя слова.

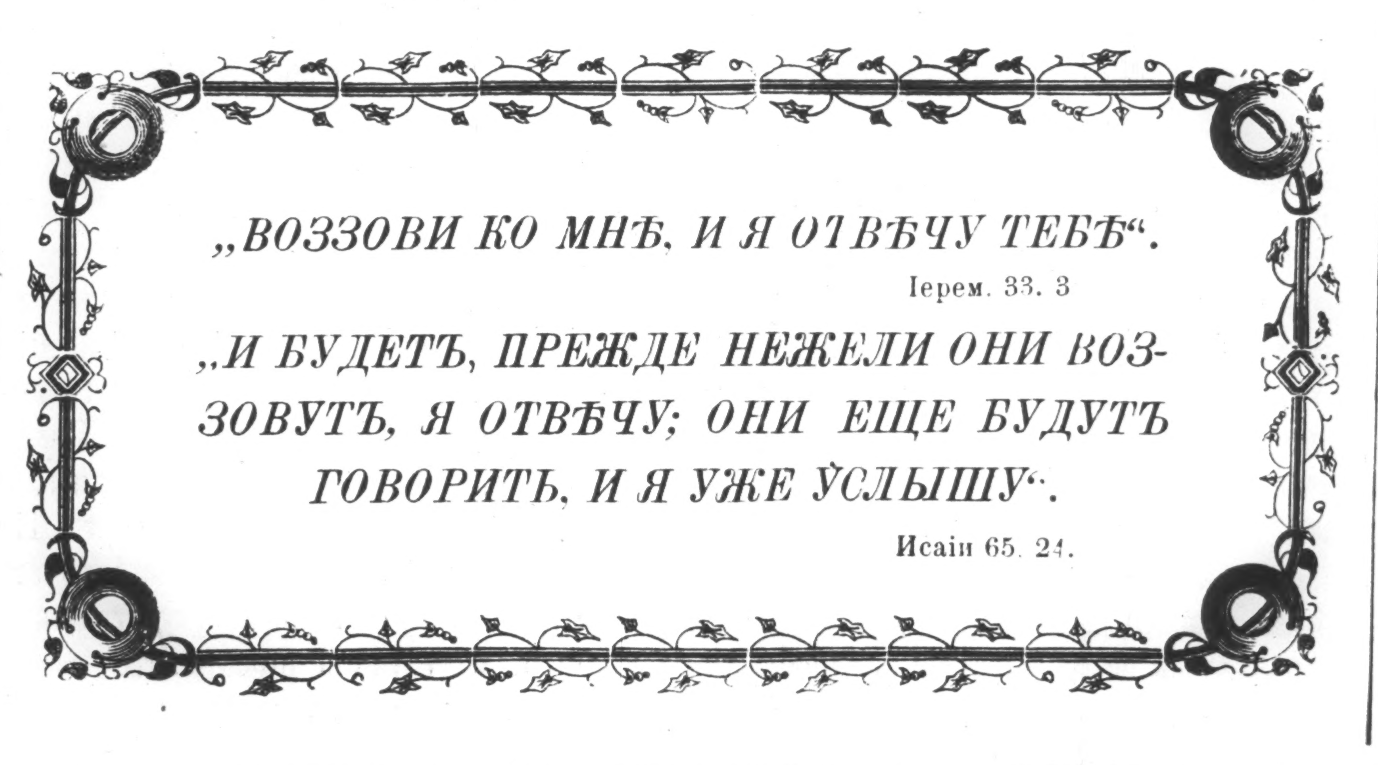
Быть можетъ, совѣсть у инаго проснулась и упрекаетъ его; другой такъ слѣпъ, что и совѣсть его молчитъ; онъ утѣшаетъ себя мыслью, что никому зла не сдѣлалъ. Никому зла не сдѣлалъ, но жилъ безъ Бога, жилъ для себя, думалъ о своей только выгодѣ или о своемъ удовольствіи: сколько, думаетъ, вреда нанесъ себѣ и другимъ?

И не смотря на то, что Бога не было ни въ мысляхъ, ни въ жизни такого человѣка, онъ надѣется на блаженство вѣчное. Есть ли для него надежда? Есть еще, если онъ не упуститъ драгоцѣннаго дня спасенія, если онъ опомнится сегодня, сейчасъ, — потому что завтра уже можетъ быть поздно. Завтра можетъ быть постигнетъ тебя смерть и и ты, какъ нераскаянный грѣшникъ, навсегда будешь отринутъ отъ лица Божія и навсегда лишишься жизни истинной, блаженной. Прибѣгни же къ Богу, пока имѣешь время. Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но долго терпитъ, ожидая исправленія его, не злоупотребляй же дарованнымъ тебѣ временемъ. Не обольщай себя ни ласкательствомъ собственнаго сердца, ни примѣрами или внушеніями чревоугодниковъ или человѣкоугодниковъ. Возвратись съ гибельнаго пути на путь спасенія, открытый Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: покайся и вѣруй во Евангеліе (Марк. 1, 15). Плачь и поскорби о своихъ грѣхахъ и о своемъ удаленіи отъ Бога; ибо тогда какъ печаль мірская производитъ смерть, печаль ради Бога производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію (2 Кор. 7, 10). На Него возложи свое упованіе и соблюдай Его заповѣди, но не словомъ или языкомъ, а дѣломъ и истиною (Іоан. 3, 18). Прилѣпись къ церкви Божіей, которая есть столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. 3, 15), и обрѣтешь спасеніе вѣчное.

Прибрежный огонь.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ бѣдный рыбакъ отправился въ море, по обыкновенію своему, ловить рыбу. Подъ вечеръ подулъ сильный вѣтеръ и поднялась буря. Рыбакъ рѣшился пуститься въ обратный путь. Его ветхую лодочку бросало волнами со стороны на сторону; берегъ былъ опасенъ для причалу и рыбакъ зналъ, что если прибьетъ волнами къ скалѣ его лодочку, она разобьется какъ яичная скорлупа и самъ онъ погибнетъ. Одну минуту онъ надѣялся засвѣтло проскользнуть къ берегу, но надежда погасла вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ; наступила ночь и онъ ничего не могъ различить, кромѣ пѣнящихся волнъ, уносившихъ быстро его лодку. Каждую минуту онъ ждалъ погибели. Вдругъ съ берега блеснулъ огонекъ и остался неподвижно на томъ-же мѣстѣ. Рыбакъ ободрился, направилъ на огонекъ свою лодочку, поблагодаривъ всѣмъ сердцемъ Бога за эту помощь. Усердно работалъ онъ веслами и наконецъ благополучно достигъ берега; изнеможенный и измученный, онъ вознесъ къ Богу благодарную молитву. На другой день онъ узналъ, что бѣдная вдова, жившая на берегу моря, услыхавъ ревъ волнъ и завываніе вѣтра, зажгла свою лампочку и поставила ее на окно на всякій случай. Эта добрая мысль возбудила въ спасенномъ рыбакѣ желаніе помочь другимъ, какъ эта бѣдная женщина помогла ему. Онъ построилъ маленькую хижину на самомъ берегу и каждую ночь ставилъ на окно лампу, чтобы свѣтомъ ея направить къ берегу всѣхъ застигнутыхъ бурею. Не смотря на свою бѣдность, нашъ рыбакъ и по нынѣ не перестаетъ зажигать свою лампу, за которую многіе и многіе благословляютъ его.

Читатель, если маякъ любви Божіей привлекъ тебя къ берегу спасенія, позаботился ли ты о томъ, чтобы свѣтъ твой свѣтилъ другимъ, гибнущимъ путникамъ?

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 Мая 1878 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 5. 1878 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 4-й.

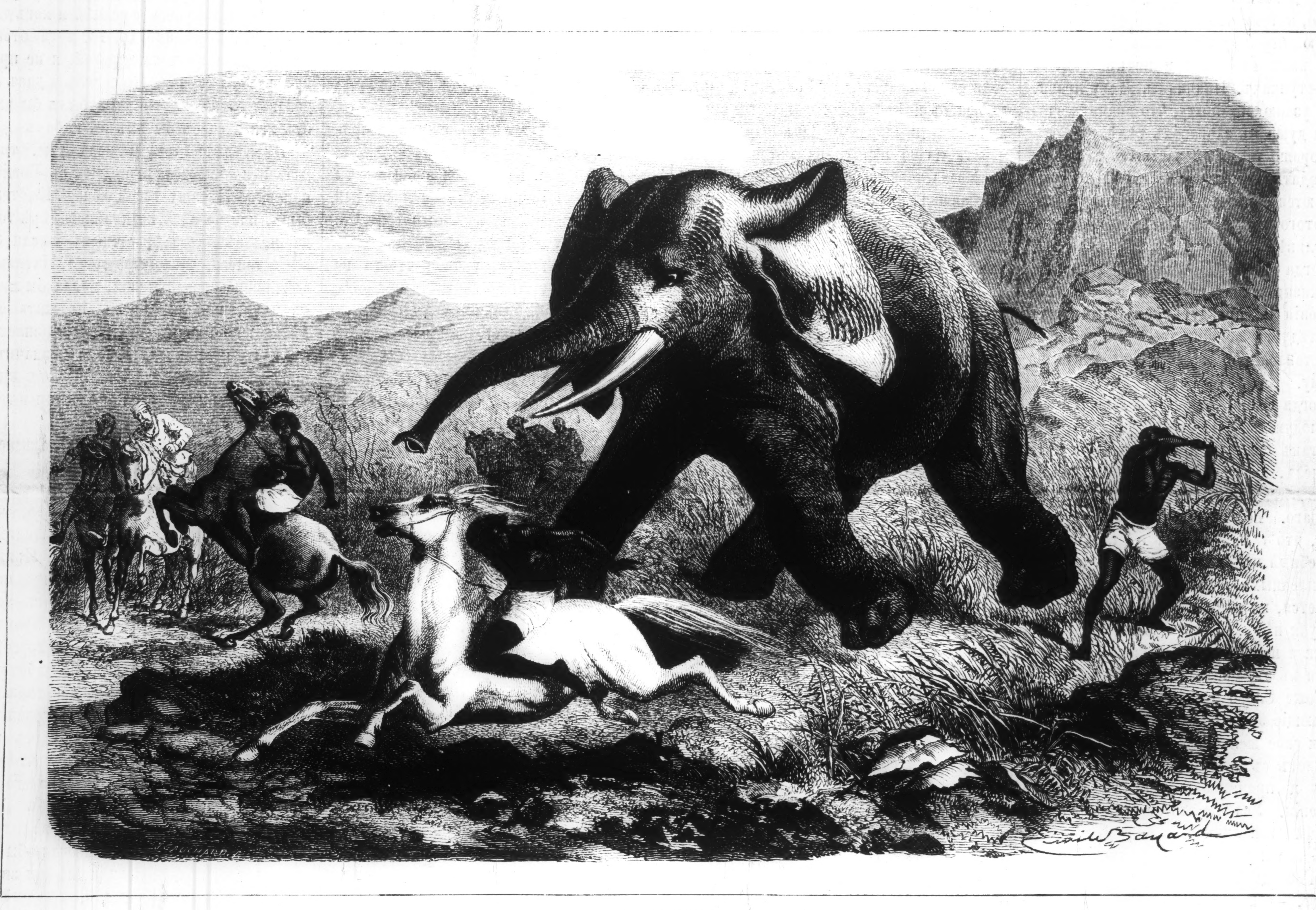
Слонъ.

Въ давнее, очень давнее время, на землѣ жили огромные люди и огромные звѣри. И теперь еще изъ земли выкапываютъ такія кости и оставы животныхъ, какихъ невидать въ наше время. Остались, однако, еще породы великановъ въ животномъ царствѣ, и къ нимъ, между прочими, принадлежитъ слонъ. Слонъ достигаетъ до 15 футовъ вышины; клыки у него больше самаго рослаго человѣка; кожа — толщиною въ большой палецъ. Хоботомъ своимъ онъ можетъ набрать ($1\frac{1}{2}$ центнера) до шести ведръ воды и бросить ее къ верху на 10 фут. вышины. Сила его равняется силѣ шести лошадей; а самъ онъ вѣситъ тоже, что 50 человѣкъ, т. е. около 200 пудовъ. Самое замѣчательное въ слонѣ, — его хоботъ, который онъ можетъ удлиннять, сокращать и ворочать во всѣ стороны. Хоботъ этотъ длинною отъ 7 до 8 фут. Слонъ можетъ стянуть его до 2-хъ фут. и тогда онъ пріобрѣтаетъ такую силу, что мгновенно убиваетъ сильнѣйшаго тигра, вырываетъ деревья, и поднимаетъ огромныя тяжести. Въ тоже время, этотъ хоботъ служитъ ему самой нѣжной, гибкой рукой; имъ онъ поднимаетъ съ земли мелкія монеты, развязываетъ узлы, открываетъ замокъ у двери и срываетъ цвѣты. Все это потому, что хоботъ оканчивается тонкимъ составомъ, гибкимъ какъ палецъ и способнымъ къ самому тонкому осязанію. Этотъ палецъ можетъ даже нюхать, потому что посреди его есть отверстіе, въ глубинѣ котораго видны двѣ ноздри. Этотъ удивительный хоботъ чрезвычайно нѣженъ и чувствителенъ. Если въ него залѣзетъ мышь или какое-нибудь ползущее животное, это можетъ нашему великану стоить жизни. Потому, онъ и старается во снѣ плотно прижимать хоботъ къ землѣ, чтобы только одинъ воздухъ могъ проникнуть въ него.

Четыре ноги слона, какъ огромные столбы, поддерживаютъ туловище этого великана; неуклюжія и неповоротливыя, онѣ только и могутъ давить и ломать, все что имъ попадется. Пасть его расположена въ самомъ низу головы и какъ бы составляетъ часть груди. Шея его такъ коротка и толста, что вовсе не сгибается; и поэтому, онъ и не могъ бы ртомъ схватить пищу. Онъ хоботомъ срываетъ траву, набираетъ воду и потомъ кладетъ и выливаетъ въ ротъ. Когда ему жарко, онъ хоботомъ поливаетъ себѣ всѣ части тѣла. Если надоѣдаютъ ему мухи или насѣкомые онъ срываетъ вѣтви деревъ и прогоняетъ ихъ.

Слоны живутъ въ жаркой полосѣ Азіи и Африки, въ лѣсахъ, то малыми, то большими стадами. Одинъ извѣстный путешественникъ описываетъ охоту на слона, въ которой самъ онъ участвовалъ, на островѣ Цейлонѣ. Охоту производили негры однимъ только холоднымъ оружіемъ; она изображена на нашемъ рисункѣ.

„Слонъ стоялъ напротивъ насъ“, говоритъ этотъ путешественникъ, „неподвижный какъ статуя“. Исключая глазъ, вращавшихся во всѣ стороны, ни одинъ мускулъ его не шевелился. Тагеръ, старшій изъ негровъ, поѣхалъ на право, а младшій, Ибрагимъ, — на лѣво; они съѣхались позади слона, шагахъ въ двадцати отъ него. Я сопровождалъ Тагера, который поставилъ меня по лѣвую сторону отъ звѣря. Напротивъ слона встали два другіе негра, изъ которыхъ одинъ — началъ медленно приближаться къ непріятелю; онъ сидѣлъ на гнѣдой кобылицѣ, необыкновенно хорошо выѣзженной. Медленно, хладнокровно подходила она къ своему противнику, и остановилась въ десяти шагахъ отъ великана. Онъ стоялъ неподвижно. Зрѣлище было великолѣпное. Лошадь, устремивъ глаза на слона, старается предугадать нападеніе; охотникъ спокойно и безстрастно смотритъ въ глаза громаднѣйшему звѣрю. Лошадь издаетъ храпѣніе и дѣлаетъ еще шагъ. Слонъ слегка повернулъ глазами. „Берегись, Родоръ!“ крикнулъ я охотнику. Раздался пронзительвый ревъ, — и великанъ ринулся впередъ. Лошадь дала быстрый скачекъ, и бросилась во весь опоръ по камнямъ и скаламъ, унося Родора, который, пригнувшись къ ея гривѣ, не спускалъ глазъ съ разсвирѣпѣвшаго звѣря. Одну минуту я думалъ, что онъ не уйдетъ; если бы лошадь его спотыкнулась, — онъ бы погибъ; но, въ нѣсколько прыжковъ, она опередила слона и Родаръ, смотрѣвшій назадъ, сохранилъ за собой разстояніе, отдѣлявшее его отъ непріятеля; оно было очень невелико: едва нѣсколько футовъ отдѣляли задъ лошади отъ хобота животнаго. Въ теченіи этого времени Тагеръ и Ибрагимъ, быстрые какъ соколы, преслѣдовали слона, не смотря ни на какія препятствія. Очутясь на ровной мѣстности, они еще ускорили бѣгъ и нагнали слона, который былъ исключительно занятъ убѣгавшимъ. Подъѣхавъ къ великану, Тагеръ проворно соскочилъ на землю, обѣими руками схватилъ шпагу и бросилъ свою лошадь Ибрагиму. Затѣмъ, онъ сдѣлалъ два, три прыжка; шпага блеснула на солнцѣ, послышался глухой ударъ, — и слонъ остановился. У него были разсѣчены мускулы ноги и повреждена кость на полъ-аршина выше ступни. Тагеръ сдѣлалъ скачекъ въ сторону и снова очутился на лошади. Родоръ повернулся лицомъ къ слону; нагнувшись съ коня, онъ поднялъ горсть песку и бросилъ ее звѣрю въ глаза. Слонъ хо-

„СЛОНЪ“.

тѣлъ бѣжать; но не могъ: нога его шлепала, какъ старая туфля. Тагеръ опять соскочилъ съ лошади и ударилъ шпагой по другой ногѣ. На этотъ разъ ударъ пришелся смертельный: артерія была разсѣчена, и кровь лила широкимъ ручьемъ. Охота кончилась; слонъ упалъ, и мгновенно былъ добитъ охотниками.

Золотыя слова.

Если Слово Божіе повелѣваетъ мнѣ *жить въ мирѣ* со всѣми людьми, пока я самъ не переселюсь въ страну вѣчнаго мира; то мнѣ слѣдуетъ помнить это повелѣніе и исполнять его.

Не долженъ я нарушать заповѣдь Божію, потому что она воспрещаетъ мнѣ всякую *невоздержанность* и излишество, какъ въ пищѣ и питьѣ, такъ и въ поступкахъ. Подчинясь этому правилу, я узнаю, по опыту, что значитъ здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ.

Хорошо также не забывать увѣщанія сострадать страждущимъ. Тѣ, которые стараются облегчать страданія другихъ, отъ этого и сами бываютъ обыкновенно счастливѣе.

Когда Слово Божіе мнѣ говоритъ, что жизнь земная скоротечна и всѣ наслажденія ея пройдутъ какъ дымъ, мнѣ не слѣдуетъ обманывать себя ложными представленіями, и закрывать глаза на истину.

Когда Слово Божіе приглашаетъ меня подумать о Небесной обители, гдѣ все такъ свято и прекрасно, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни скорби, ни смерти; то въ этомъ нѣтъ ничего мрачнаго и отталкивающаго. Тоже Слово Божіе завѣряетъ меня, что тамъ, въ томъ свѣтломъ мірѣ, хвалебныя пѣсни не умолкаютъ, собраніе искупленныхъ, блаженныхъ, все увеличивается, но никогда не уменьшается, — разлуки нѣтъ. Если я вѣрю этому, неужели я не спрошу себя: какъ бы и мнѣ войти въ эту обитель?

Тоже Слово Божіе учитъ меня, что желающіе этого блаженства должны принести свое желаніе и мольбу Тому, Кто внемлетъ съ небесъ самому тихому шопоту и принимаетъ всякаго ищущаго спасенія. Условіе это не трудное; и для каждаго исполнимое.

Когда я узнаю, что Слушающій просьбы Господь Самъ былъ человѣкомъ на землѣ, — и понесъ на крестѣ все наказаніе, заслуженное мною, — для того, чтобы даровать мнѣ прощеніе и блаженство, — то я не могу не видѣть въ этомъ величайшаго милосердія. Если, по словамъ Евангелія, *всѣ* приглашаются къ принятію этого дара Божія, то стало быть приглашаюсь и я.

Прибавлю, что если желаніе мое искренно, я не откажусь тотчасъ же начать борьбу со грѣхомъ и исполнять обѣты, данные мною въ крещеніи.

Итакъ, съ Божіей помощью, я послѣдую указанію Его Слова: начну путь къ небу, — начну его не отлагая, — сегодня же, прибѣгнуть къ Милосердію и Помощи Того, Кто умеръ за меня. Первыя мои слова къ Нему: „Господи, я согрѣшилъ предъ Тобою, и недостоинъ называться сыномъ Твоимъ!“

Сельская язва.

«Не смотри на вино, какъ оно краснѣетъ, какъ оно искрится въ чашѣ, какъ оно ухаживается ровно; въ послѣдствіи, какъ змѣй, оно укуситъ, и ужалитъ, какъ аспидъ». Прит. XXIII, 31.

Время клонило къ вечеру, когда два крестьянина, возвращаясь изъ города, подходили къ своей деревнѣ. Съ холма, съ котораго они сходили, взглядъ простирался на нѣсколько верстъ вокругъ, на богатые поля и луга.

Одинъ изъ шедшихъ былъ старикъ уже совсѣмъ сѣдой, съ глубокими морщинами на лицѣ. Не смотря на немного сгорбленную спину онъ шелъ бодро и слегка опирался на палку. Его глаза были еще полны жизни и въ спокойномъ, мыслящемъ взглядѣ, сказывалась твердая воля сильной души. Его спутникъ былъ юноша въ цвѣтѣ лѣтъ; лице его выражало силу и здоровье. Онъ перекинулъ черезъ плечо палку, на которой была повѣшена корзина съ покупками; рука, державшая палку была замѣчательно широка и мускулиста. Видно было, что не смотря на молодость, этотъ юноша уже спознался съ тяжелой работой.

Нѣсколько времени старикъ шелъ съ поникшей головой, занятый какой-то важной мыслью; выраженіе его лица ежеминутно мѣнялось; то оно сказывало горе, то гнѣвъ. Наконецъ онъ сказалъ отрывисто:

— „Да, Андрей, когда діаволъ не зналъ, какъ уловить побольше душъ, онъ выдумалъ водку; съ тѣхъ поръ *тѣсно* въ аду стало“.

— „Отчего ты говоришь мнѣ это, батюшка?“ спросилъ удивленный юноша.

Старикъ, не отвѣчая, продолжалъ свою мысль съ презрительной улыбкой: — „Есть-ли на землѣ созданіе ниже и презрѣннѣе пьяницы? Лѣнивый и безпечный, онъ не заботится о своемъ полѣ; онъ безъ стыда видитъ, какъ дѣла его постепенно ухудшаются и безъ толку истрачиваетъ свои уменьшающіеся доходы. Жена его и дѣти ведутъ жизнь страха и горя, они голодаютъ и видятъ, какъ нищета приближается къ ихъ хатѣ. А отецъ, пока, шатается, поётъ, безчинствуетъ, ругается на соблазнъ всей деревнѣ. Онъ старается въ излишествахъ заглушить угрызеніе совѣсти и этимъ только губитъ душу свою. И это продолжается, пока онъ не будетъ принужденъ идти нищиться вмѣстѣ съ несчастной семьей въ той же деревнѣ, гдѣ отецъ его работалъ въ потѣ лица, для того, чтобы оставить сыну кое-какой достатокъ. Видишь, когда я думаю объ этомъ, кровь моя въ жилахъ кипитъ! Презрѣнный лѣнтяй!...“

Молодой парень вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— „Посмотри, Андрей, на мои морщины, на мою сгорбленную спину“, продолжалъ старикъ взволнованнымъ голосомъ. „Работа состарѣла меня раньше лѣтъ. 13-ти лѣтъ, я остался сиротой. Меня взяли на службу въ барскій дворъ. Когда я женился на твоей матери, у насъ только была одна коза и немного денегъ, скопленныхъ отъ нашего жалованія. Но мы работали всѣми силами; Богъ всегда благословляетъ добросовѣстный трудъ. Теперь у насъ лошадь, четыре коровы, мы картомимъ землю для обработки и на черный день, есть у насъ кое-какія денжонки. Придетъ время, на моей могилѣ будетъ стоять крестъ; но тогда, Андрей, ты вспомнишь, что твое наслѣдство заработано трудами твоихъ родителей, что они не пожалѣли своихъ силъ, чтобъ оставить тебѣ что-нибудь на семъ свѣтѣ. Ты своей работой сохранишь это наслѣдство, какъ память нашей къ тебѣ любви, неправда-ли, сынъ мой?“

Глубокое волненіе старика сильно тронуло юношу; онъ вздохнулъ и ласково сказалъ.

— „Что ты говоришь, батюшка? Ты, вѣдь, знаешь, что я не имѣю склонности къ вину; ты знаешь, что я еще никогда лишняго не пивалъ“.

Старикъ схватилъ его руку и вскричалъ:

— „Андрей, не за тебя я боюсь; ты славный, работящій малый, и я каждый день благодарю Бога за это; потому что все доброе отъ Него.

— „Но батюшка, у тебя что-то на сердцѣ, почему ты не скажешь прямо?“

— „Это тебя огорчитъ, Андрей“.

— Огорчитъ? что же это можетъ быть?

— „Ну, такъ и быть, скажу; все равно скоро узнаешь всю правду. Знаешь-ли, что сказалъ мнѣ сегодня судебный приставъ? Завтра или послѣ-завтра Ивана Алексѣевича Гвоздева выгонятъ изъ его усадьбы“.

— „Боже мой, а Наташа!“ вскричалъ молодой парень измѣнившимся голосомъ.

— „Да, бѣдная Наташа“, отвѣчалъ старикъ; „она конечно не заслужила такой горькой участи; но ей придется слѣдовать за отцемъ ..“

— „Ивана Алексѣевича выгоняютъ изъ усадьбы“, повторилъ Андрей. „Что же случилось?“

— „То, что онъ еще не заплатилъ аренды за прошлый годъ, и что хотя у него есть и собственная земля, но все это заложено и онъ такъ задолжалъ, что на дняхъ все продается съ молотка и *ничего не останется*. Онъ былъ богатъ“.

— „Нѣтъ; не то что богатъ, а имѣлъ достатокъ; еслибъ онъ былъ бережливъ и старателенъ, онъ могъ бы сдѣлаться богатымъ. У него нѣсколько лѣтъ сряду были славные урожаи, земля отличная...“

— Но, батюшка, куда же дѣвалось наслѣдство его родителей? вѣдь человѣку невозможно столько пропить“.

— „Ты думаешь, Андрей? горло пьяницы, что бездонная бочка; не надо и 15-ти лѣтъ, чтобы спустить туда больше, нежели когда-нибудь имѣлъ Гвоздевъ. Не даромъ говорится: начало — рюмка, конецъ — сумка“.

— „Знаетъ Гвоздевъ, какое ему грозитъ несчастье?“

— „Конечно; надъ нимъ былъ приговоръ: ему назначенъ былъ срокъ уплаты до вчерашняго дня. Всю эту недѣлю онъ ходилъ изъ одного кабака въ другой и тревожилъ весь околодокъ. Не такъ находятся деньги для уплаты долговъ“.

Оба замолчали и продолжали свой путь съ озабоченными лицами. Вдругъ молодой парень поднялъ голову.

— „Но Наташа, сказалъ онъ, что съ ней будетъ?

— „Я также думалъ о ней; только горе и страданія впереди для бѣдной дѣвушки“.

— „Горе и страданія“, повторилъ Андрей съ неизъяснимой тоской. „О, батюшка, еслибъ я сказалъ тебѣ, что у меня на душѣ; но я не смѣю, ты разгнѣваешься!“

— „Я догадываюсь, и мнѣ жаль тебя, Андрей; но Богъ такъ рѣшилъ, надо покориться Его волѣ. Наташа добрая, работящая дѣвушка и еслибъ я могъ для нея сдѣлать что-нибудь, то, хотя отецъ ея и называетъ меня скрягой, я не пропустилъ бы случая. Но еслибъ я далъ ей денегъ, отецъ ея скоро добылъ бы ихъ отъ нея и снесъ бы ихъ въ кабакъ.

Пять лѣтъ тому назадъ уже, твоя мать и я, мы желали видѣть съ Божіею помощью Наташу твоей женою. Ея отецъ былъ, или казался по крайней мѣрѣ тогда, человѣкомъ достаточнымъ и если бы все осталось, какъ было тогда, Наталья, сдѣлавшись твоей женой, могла бы жить съ нами, или вы могли бы жить отдѣльно; но теперь, ея отецъ не знаетъ, куда голову склонить. Онъ, значитъ, пойдетъ за дочерью; онъ захочетъ жить у тебя, пропивать свои заработки и тебя совсѣмъ оберетъ“.

Глухой стонъ вырвался изъ стѣсненной груди Андрея.

Отецъ продолжалъ.

— „Даже въ законѣ писано, что долгъ дѣтей пещись о своихъ родителяхъ, когда тѣ неспособны къ работѣ. Пьяница же хуже калѣки; потому что онъ, вмѣсто того, чтобы заработывать хоть что-либо на свое содержаніе, тратитъ то, что еще и не заработано другими. Подумай, Андрей, ты будешь работать, какъ волъ, а онъ будетъ безчинствовать, на улицахъ срамить твой домъ грязными словами; онъ можетъ быть будетъ мучить бѣдную жену твою, потому что она не дастъ ему довольно денегъ на его постыдную страсть. А тамъ, еслибъ Богъ вамъ далъ дѣтей, съ колыбели видѣлибъ они такой примѣръ; они слышали бы ругательства, крики, проклятія; они знали бы, что дѣдъ ихъ негодяй, который не заботится о Богѣ и волею продаетъ свою душу діаволу; помни, сынъ мой, въ Словѣ Божіемъ, которое должно исполниться, стоитъ: что пьяницы Царства Небеснаго не наслѣдуютъ. Ты видишь, что надо отказаться отъ нашего желанія; ты теперь понимаешь это, такъ же хорошо, какъ и я; и ты съ смиреніемъ покоришься испытанію, посланному тебѣ Богомъ“.

Молодой парень не отвѣчалъ; только ускорилъ шагъ, терзаемый мучительными мыслями. Глаза отца остановились на немъ съ выраженіемъ глубокой жалости.

Они уже были недалеко отъ деревни, уже виднѣлись первыя избы ея; вдругъ старикъ поднялъ голову и вскричалъ:

„Андрей, я придумалъ!“

Юноша остановился; въ его влажныхъ глазахъ блеснула робкая надежда.

— „Скажи, батюшка, что ты придумалъ“.

— „Нѣтъ, Андрей, дай еще подумать, утро вечера мудренѣе. Ну впрочемъ, все равно я тебѣ скажу; но съ условіемъ, чтобъ безъ моего позволенія ты никому слова не молвилъ объ этомъ. Что, еслибъ я предложилъ Гвоздеву взять его аренду и перейти жить къ нему съ матерью твоей? Хоть я и старъ, а все же могу работать на столько, чтобъ заплатить аренду. Примѣръ Гвоздева не можетъ мнѣ повредить; привычка труда закалила меня. Ты могъ бы жить съ Наташей на нашей землѣ; мы бы видѣлись каждый день и помогали бы другъ другу.. А ты, твоя жена и дѣти, если будутъ, будете жить въ мирѣ. Если я за ночь не надумаю чего лучшаго; если на молитвѣ Господь не дастъ мнѣ другую мысль, завтра я пойду переговорить съ Гвоздевымъ“.

Андрей поставилъ корзинку на землю, и обнявъ отца рукой, положилъ свою голову къ нему на грудь.

— „Экой ты добрый, батюшка“, сказалъ онъ, глубоко тронутый. „Да наградитъ тебя Господь за то, что ты дѣлаешь для насъ; а я, во всю свою жизнь не забуду этого, и всегда буду тебя любить и почитать. Когда Наташа узнаетъ..“

— „Да вотъ и она“, сказалъ отецъ; „но ни слова объ этомъ, понимаешь?“

Нѣсколько поодаль, на краю дороги, медленно шла молодая дѣвушка, опустивъ глаза, словно занятая какими-нибудь тяжкими мыслями. Хотя ея загорѣлыя щеки были худы, полевая работа укрѣпила и закалила ее. Платье ея, почти совсѣмъ полинявшее, было чисто и весь видъ ея былъ опрятный и порядочный. Перекинувшись съ ней ласковымъ словомъ, они всѣ трое продолжали свой путь.

Андрей съ живостью сталъ говорить про чудную погоду, про ярмарку, съ которой они возвращались, про разныя другія вещи; но Наташа не обращала вниманія на его слова; она шла понуря голову, грустная; когда Андрей обратилъ прямо къ ней свою рѣчь, она должна была повернуть къ нему лицо.

— „Наташа, ты плачешь, что съ тобой?“ вскрикнулъ онъ вдругъ.

— „Ахъ“, сказала Наташа давая волю своимъ слезамъ, „мнѣ такъ горько! Я съ самаго утра прячусь въ лѣсу, чтобъ на свободѣ плакать и не смѣю вернуться домой. Вы знаете нашу корову, послѣднюю, Бѣлянку, я ее сама выростила, она лизала мнѣ руки. О моя бѣдная, милая коровушка!...“

— „Что-же, пала что ли?“ спросилъ Василій Кузьмичъ.

— „Нѣтъ, хуже, гораздо хуже“, сказала дѣвушка, рыдая; „вчера отецъ мой продалъ ее мяснику, и сегодня я видѣла ея бѣлую, окровавленную шкуру на его двери...“

Старикъ, проникнутый горемъ Наташи, вытеръ глаза рукой; большая слеза бѣжала по щекѣ Андрея. Всѣ трое оплакивали корову!

Но вскорѣ сожалѣніе старика Василія перешло въ негодованіе; онъ сквозь зубы ворчалъ что-то сердито.

— „Зачѣмъ отецъ твой продалъ корову?“ вскричалъ онъ наконецъ.

— „Чтобъ заплатить часть арендныхъ денегъ“, отвѣчала молодая дѣвушка. „Пожалѣйте отца! онъ не можетъ совладать со своей страстью; помолитесь за него, чтобъ Господь помогъ ему бросить грѣхъ“. Слова Наташи тронули почтеннаго Василья Кузьмича. — „Наташа“, сказалъ онъ, „ты хорошая дѣвушка, — мнѣ очень по сердцу. Утѣшься; Господь посылаетъ испытаніе своимъ дѣтямъ, но никогда не оставляетъ ихъ безъ помощи. Зайдика къ намъ; мы съ хозяйкой потолкуемъ объ этомъ дѣлѣ; что бы ни случилось, ты всегда найдешь у насъ любовь и помощь“.

Они вошли въ деревню. Наташа указала пальцемъ на домъ мясника, передъ которымъ дѣйствительно висѣла окровавленная шкура недавно заколотой коровы.

„Бѣдная Бѣлянка, милая моя коровушка“, сказала Наташа и слезы опять потекли у ней изъ глазъ.

Андрей схватилъ дѣвушку за руку, и поскорѣй ввелъ ее въ домъ, вслѣдъ за отцемъ.

На другой день Наташа сидѣла въ комнатѣ у себя дома и чинила порванное платье отца. Все было тихо вокругъ нея; даже маятникъ стѣнныхъ часовъ не качался, потому что давно уже часы перестали дѣйствовать. Скудной мебели осталось весьма немного, вездѣ видна была горькая нужда; и лице Наташи выражало сильную тревогу. Иногда улыбка пробѣгала по лицу, точно что-то утѣшительное мелькало въ мысляхъ.

„Ахъ“, думала она въ полголоса, „какъ отецъ будетъ радъ! давно уже онъ мучается мыслью, что его выгонятъ изъ дома и онъ старается забыть свое горе, бѣгая изъ одного трактира въ другой. Василій Кузьмичъ ему поможетъ; онъ сказалъ, что постарается вырвать отца изъ этого позора, вернуть его къ честной жизни. Только бы отецъ былъ въ духѣ, когда сосѣдъ придетъ говорить съ нимъ! Какъ онъ долго спитъ! Ужъ 8 часовъ. Правда, онъ поздно вернулся вчера. Не боленъ-ли онъ? Ахъ, если у него болитъ голова, онъ будетъ опять сердитый. Онъ и безъ того не любитъ Василья Кузьмича. Не наговорилъ бы онъ ему грубостей!“ Въ эту минуту, въ сосѣдней комнатѣ раздался шумъ падающей вещи. Наташа вздрогнула. „Отецъ идетъ“, сказала она. Дѣйствительно, вскорѣ отворилась дверь и Иванъ Гвоздевъ вошелъ. Онъ былъ небольшаго роста, широкоплечій; его безжизненное опухшее лицо было блѣдно; волосы падали на лобъ; одежда грязна и въ безпорядкѣ. Онъ остановился у дверей и приложилъ руку ко лбу, какъ бы страдая головной болью. Наташа кротко пожелала ему добраго утра, поставила на столъ самоваръ, принесла хлѣбъ и масло. Опустивъ глаза, молча и качаясь на нетвердыхъ ногахъ, Иванъ подошелъ къ столу и бросился на стулъ. Солнечный свѣтъ ему видимо былъ непріятенъ, онъ бросилъ сердитый взглядъ на улицу и съ досадой сказалъ: „Запри окно, тебѣ говорятъ“. Наташа молча послушалась.

Въ это время отецъ ея взялъ хлѣбъ, стараясь отрѣзать ломоть, но рука его такъ дрожала, что онъ не могъ справиться. Съ досадой бросилъ онъ хлѣбъ на столъ, такимъ сильнымъ ударомъ, что тарелка, на которой лежало масло, развалилась на два куска. „Проклятые“ вырвалось у него, но онъ замолкъ, видя, что Наташа уже исполняла его намѣреніе и мазала масло на хлѣбъ.

— „Батюшка“, просила она его, „не сердитесь. Будьте спокойнѣе. Нашъ сосѣдъ скоро придетъ поговорить съ вами“.

— „Что, эта старая лиса, Василій, осмѣлится придти ко мнѣ? А ты опять плакала, я вижу. Вѣчно хнычешь!“

— „Батюшка, Василій Кузьмичъ хочетъ вамъ сдѣлать отличное предложеніе, онъ хочетъ намъ помочь, онъ намъ добра желаетъ...“

— „Я не хочу его видѣть, слышишь! Не заставляй меня говорить, я усталъ“.

Наташа грустно пересѣла на свое мѣсто подлѣ окна.

Гвоздевъ взялъ хлѣбъ и откусивъ кусокъ съ отвращеніемъ положилъ его на столъ.

„Сухой, какъ дерево“, проворчалъ онъ. „Отчего ты не спекла свѣжаго хлѣба?“

Наташа молчала.

„Отчего ты не спекла свѣжаго хлѣба?“ крикнулъ онъ на нее.

„Лавочникъ муки не дастъ больше въ долгъ“, проговорила она.

Злоба передернула лицо Гвоздева. Ничего болѣе онъ не сказалъ, но положилъ голову на руки и долго оставался такъ. Дочь смотрѣла на него съ мучительнымъ горемъ, стараясь удержать слезы, вновь выступавшія на ея глазахъ. По немногу она приблизилась къ нему, положила ему руку на плечо и сказала ему умоляющимъ голосомъ:

— „Батюшка, не тоскуйте такъ; все пойдетъ къ лучшему. Василій Кузьмичъ вамъ скажетъ добрую новость. Выпейте горячаго чайку, вамъ станетъ полегче“.

— „Завистливый человѣкъ, хитрецъ, проныра, выжидаетъ времени отнять у меня аренду!“ закричалъ Гвоздевъ, голосомъ, прерывающимся отъ злости. „Пускай онъ придетъ, я его выброшу вонъ, какъ собаку“.

При этой грубой угрозѣ, Наташа не могла удержать своего горя; она упала на стулъ, вопль отчаянія вырвался изъ ея груди: она закрыла лицо руками и громко зарыдала. Ея отчаяніе сильно подѣйствовало на отца. Онъ судорожно зашевелился. — „У меня голова болитъ; Наташа, зачѣмъ ты меня мучаешь своими выдумками. Что ты хочешь отъ меня? Отвѣчай же!“ крикнулъ онъ злобно.

— „О батюшка“, сказала дѣвушка прерывающимся голосомъ, „не будьте грубы съ Василіемъ Кузьмичемъ. Выслушайте его спокойно, онъ намъ желаетъ добра“.

— „Ну, хорошо, я выслушаю его, хоть бы мнѣ лопнуть со злости; перестань же ревѣть“.

— „Нѣтъ, не такъ надо слушать его; надо выслушать его съ довѣріемъ, какъ человѣка, желающаго намъ сдѣлать добро“.

Гвоздевъ опять опустилъ голову, какъ бы страдая отъ вниманія, съ которымъ онъ слушалъ дочь свою и помолчалъ нѣсколько времени. Вдругъ онъ съ горечью сказалъ: „Оставь меня одного. Ты заставляешь меня говорить; я устаю отъ этого, я уже говорилъ тебѣ. Твой голосъ раздираетъ мнѣ голову. — Потомъ онъ прибавилъ кротче. „Ну, я постараюсь терпѣливо выслушать стараго скрягу“.

Бѣдная Наташа вышла закрывая лицо руками. Иванъ Гвоздевъ проводилъ ее глазами, всталъ, прошелся по комнатѣ нетвердыми шагами; потомъ остановился и кулакомъ ударилъ себя въ лобъ, съ видомъ отчаянія; его пристальные глаза были устремлены въ землю, онъ вскричалъ: „Проклятый ядъ! Ядъ для тѣла и для души! Ахъ, тотъ, кто выдумалъ водку, былъ злѣйшій врагъ людей. Презрѣнный я пьяница! до чего я дошелъ. На свѣтъ больно смотрѣть, нѣтъ больше силъ, не могу ни ходить, ни стоять, ни ѣсть, ни думать! Въ моей головѣ все путается — отчаяніе, злоба, раскаяніе. А моя бѣдная Наташа! Она страдаетъ, она изсыхаетъ безъ ропота; а я, безумецъ, еще ругаю ее; я ее втягиваю въ свою нищету. Если Богъ наказалъ бы меня, послалъ мнѣ смерть, для нея это было бы счастьемъ. Какая ужасная мысль, что смерть отца, можетъ быть счастіемъ дочери!“

Эта послѣдняя мысль такъ смутила его, что онъ судорожно, сжатыми руками, схватилъ доску стола, которая погнулась отъ сильнаго натиска. Потомъ онъ остановился, приложилъ палецъ ко лбу и вдругъ лицо его поблѣднѣло, какъ бы при какомъ-то воспоминаніи. „Вчера“, прошепталъ онъ, „я долженъ былъ идти въ городъ, заплатить часть арендныхъ денегъ... Ну, куда я пошелъ? что я сдѣлалъ? Заплатилъ ли я, или вернулся съ деньгами въ карманѣ? Ахъ, несчастье! я выпилъ, я заснулъ“...

И быстрымъ движеніемъ онъ скинулъ кожанный кушакъ, которымъ былъ опоясанъ; деньги посыпались на столъ, лицо его выражало мучительное ожиданіе. „Несчастье!“ повторилъ онъ, „потеряны! украдены! я пересчитаю, можетъ быть я ошибся“.

Онъ старался разложить деньги въ отдѣльныя кучки, но рука его такъ дрожала, что долгое время прошло, прежде чѣмъ ему удалось сдѣлать это кое-какъ, пока бранныя слова сыпались градомъ. Его тревога росла, когда пересчитывая сызнова деньги, онъ всякій разъ находилъ себя въ убыткѣ.

„Двадцатью рублями меньше“, вскричалъ онъ измѣнившимся голосомъ. „Гдѣ они?“

Онъ шатаясь ходилъ по комнатѣ, билъ объ стѣну кулаками, старался изломать стулья и давалъ волю безмѣрному бѣшенству неистовыми воплями. Утомленный наконецъ этими изъявленіями злости надъ собой и надъ всѣмъ окружающимъ, онъ вдругъ остановился и стоялъ неподвижно. Не то радостная, не то насмѣшливая улыбка освѣтила его лицо, блестящіе глаза устремились на дверь спальни.

„Ахъ, тамъ, за этой дверью, въ бутылкѣ, тамъ разумъ, ясность, сила души

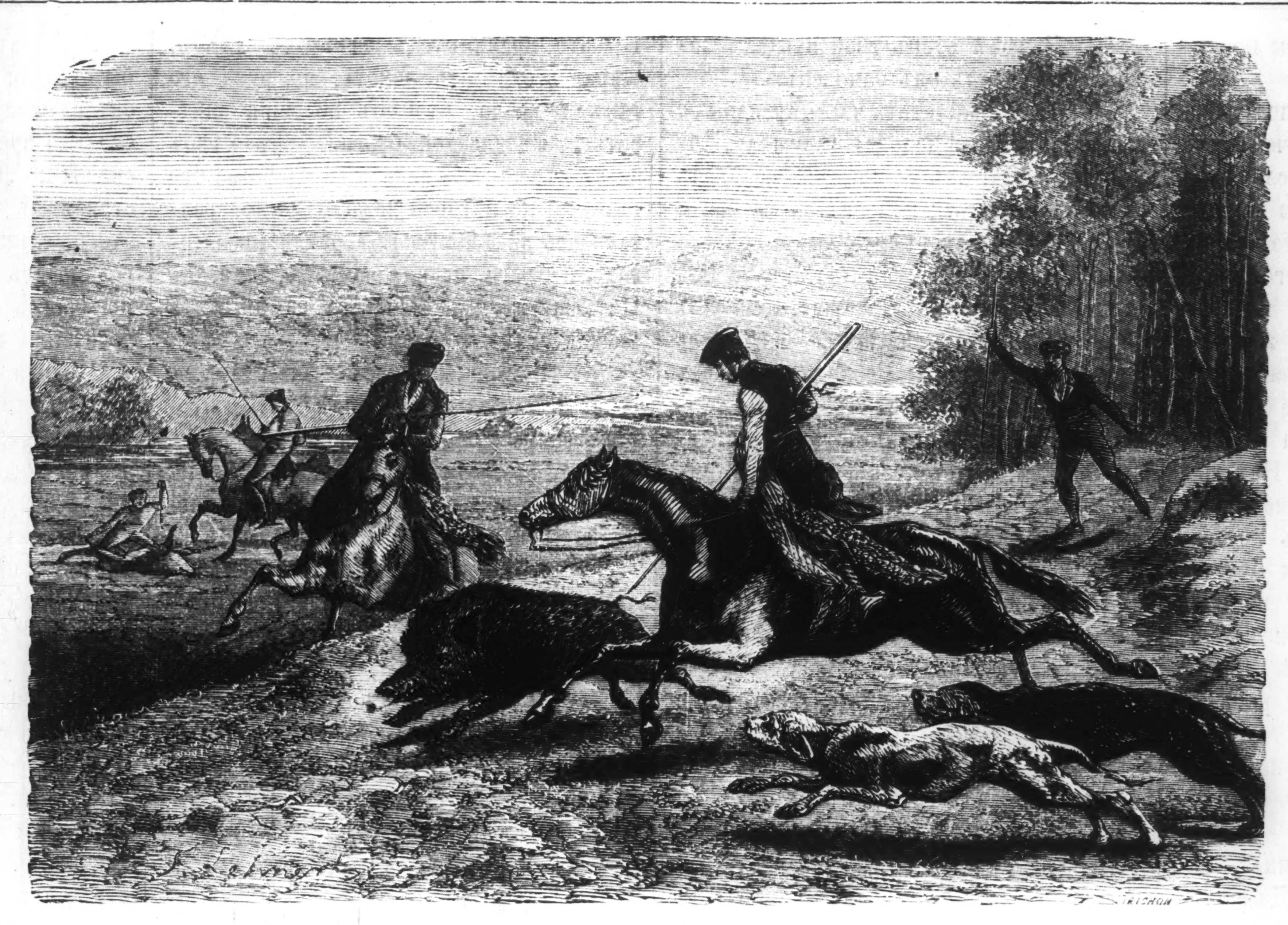
и тѣла! Я продалъ душу врагу, пьянствомъ; онъ одинъ можетъ отдать ея мнѣ, хоть на минуту. Еслибъ я выпилъ съ утра, я не чувствовалъ бы себя такимъ слабымъ, несчастнымъ, какъ теперь. Ну, еще разъ, это будетъ послѣдній".

Съ этими словами онъ бросился къ двери и изчезъ въ сосѣдней комнатѣ; сдѣлалась невозмутимая тишина; только бурчаніе жидкости, вытекающей изъ бутылки глухо раздавалось въ пустыхъ стѣнахъ.

Когда Гвоздевъ вернулся, онъ видимо придалъ себѣ силъ; увы, обманчивыя силы, похожія на огонь соломы, вспыхивающій на минуту, чтобъ сейчасъ же потухнуть! Онъ подошелъ къ столу, рука его больше не дрожала.

— "Такъ эти завистники думаютъ, что Иванъ Гвоздевъ совсѣмъ пропалъ", сказалъ онъ вполголоса, „эти невѣжи уже потираютъ себѣ руки при мысли, какъ увидятъ меня выгнаннымъ изъ моей мызы. Ошибаются! еще не дошелъ до этого! Они, глупцы, говорятъ, что это ядъ! Сладкій ядъ, дающій мнѣ жизнь. Теперь у меня разумъ въ головѣ, мысли ясны и свѣтлы, однако надо спѣшить, я выпилъ всю бутылку, это можетъ слишкомъ много. Сосчитаю я еще разъ, да и порѣшу, что дѣлать, чтобъ показать имъ, что не такъ-то легко отдѣлаться отъ Ивана Гвоздева". Онъ расположилъ деньги въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ прежде и пересчиталъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ.

„Не достаетъ только 15 руб.", вскричалъ онъ радостно: „вотъ 5 руб. выигранныхъ. Но куда же дѣвались остальные 15? А, я помню. Вчера, ѣхавши въ городъ, я остановился въ трактирѣ. Тамъ была веселая компанія. Я далъ Филиппу каменьщику 10 руб. взаймы. Вольно-жь мнѣ также всегда разъизгрывать богача! Ну, чтожь, это для фарсу; я спрошу у него деньги свои обратно; но остальные 5 руб.? Ахъ знаю. Они меня опять подзадорили, я угостилъ ихъ и тамъ же былъ какой-то чужой человѣкъ подозрительной наружности, онъ воспользовался тѣмъ, что я уже не ясно видѣлъ и стянулъ парочку рублевиковъ, которые я забылъ на столѣ. Ну, чтожь, потеря не велика. Я поспѣшу въ городъ, отнесу эти деньги моему жадному хозяину; я поѣду проселкомъ, чтобъ не проѣзжать мимо кабака. Завтра я начну работать, а пить не стану больше, даже еслибъ вода въ рѣкѣ стала водкой. Мое имя стоитъ еще денегъ, мнѣ конечно повѣрятъ еще въ долгъ лошадь и парочку коровъ. Сначала я буду торговать зерномъ и лѣсомъ; и такъ скоро поправлю дѣла, что завистники мои похудѣютъ съ досады.... Но кто это тамъ идетъ? А, это старый скряга, котораго я обѣщалъ Наташѣ принять ласково. Ну, чтожь, я сегодня въ духѣ; такъ и быть выслушаю стараго болтуна".

Охота на кабановъ.

Съ гордой улыбкой принялъ онъ входящаго Василія Кузьмича и развалился на стулѣ, какъ знатный баринъ, принимающій нищаго. Выраженіе живаго неудовольствія пробѣжало по лицу старика въ ту минуту, какъ онъ, кланяясь, взглянулъ на Гвоздева, онъ замѣтилъ огонь, блестѣвшій въ его глазахъ, и яркую краску, разлитую по его лицу.

— „Иванъ Алексѣевичъ, „сказалъ онъ", я пришелъ къ вамъ вмѣстѣ и съ просьбой и съ очень важнымъ предложеніемъ. Выслушаете ли вы меня со вниманіемъ?"

— „Отчего же нѣтъ", насмѣшливо отвѣчалъ Гвоздевъ. „Можетъ вы думаете, что я не въ полномъ разсудкѣ?"

— „Я нисколько не желалъ сказать вамъ что-либо непріятное. Дѣло, про которое я хочу говорить съ вами, очень важное. Позволите присѣсть?"

— „Какъ вамъ будетъ угодно", отвѣчалъ пьяница"; но спѣшите, я долженъ идти въ городъ и у меня нѣтъ лишняго времени. Вы тянете и размазываете такъ, что я теряю терпѣніе".

— „Тогда мнѣ нечего здѣсь оставаться, сказалъ обиженный старикъ, направляясь къ двери; „я не пришелъ смѣяться надъ вами и не позволю надъ собой смѣяться".

— „Ну, ну, садитесь, сосѣдъ", сказалъ Гвоздевъ съ привѣтливой улыбкой. „Это было такъ только, вспышка. Говорите, что вамъ отъ меня угодно?"

— „Иванъ Алексѣевичъ, у васъ есть дочь. Вы какъ отецъ, были бы довольны ее видѣть счастливой, неправда ли? Наташа славная дѣвушка; грустно было бы, если бы новое несчастіе обрушилось на нее и позоръ отнялъ бы у ней надежду не лучшее будущее"...

— „Что вы врете", вскричалъ Гвоздевъ съ блестящими отъ злости глазами, „позоръ, какой позоръ?"...

— „Еще нѣсколько словъ", продолжалъ старикъ. „Вы знаете моего сына, Андрея; онъ славный парень, работящій съ утра до вечера".

— „Еще бы; еслибъ онъ не работалъ, на чтобы онъ былъ годенъ".

— „Вотъ что, сосѣдъ, наши молодые люди давно уже любятъ другъ друга и я пришелъ къ вамъ просить васъ благословить вашу дочь идти замужъ за моего сына".

Гвоздевъ громко расхохотался; честнаго старика сильно передернуло, — онъ былъ глубоко обиженъ. — „Ничего нѣтъ смѣшнаго въ томъ, что я вамъ предложилъ", сказалъ онъ холодно.

— „Ничего смѣшнаго? Ха, ха, дочь арендатора Гвоздева замужемъ за мужикомъ, который пашетъ землю своими руками. Экъ носъ задралъ высоко. Слава Богу, до этого мы еще не дошли!"

Старикъ сдѣлалъ большое усиліе надъ собой, чтобъ удержаться отъ досады при этихъ обидныхъ словахъ. — Онъ холодно отвѣчалъ: „Когда-то вы были достаточнымъ хуторникомъ, я — бѣднымъ мужикомъ; теперь ужь не тѣ времена, оба мы не то, что были".

— „Слѣдовало бы разсердиться не на шутку", сказалъ насмѣшливо Гвоздевъ, „да кровь себѣ портить не стоитъ. Такъ вы думаете, что я совсѣмъ ужь пропалъ. Погодите радоваться, я вамъ докажу еще, что нѣтъ. Не хвалите утро прежде чѣмъ вечеръ настанетъ". — Глаза Гвоздева разгорѣлись, онъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что Василій Кузьмичъ легко догадался, что было выпито уже съ утра. Онъ хотѣлъ было встать и покончить переговоры, но тутъ же вспомнилъ о сынѣ, о бѣдной Наташѣ, о невозможности отложить дѣло и снова сѣвъ, сказалъ рѣшительнымъ голосомъ: „Я еще имѣю кое-что сказать вамъ, и умоляю васъ выслушать меня ради дочери. Видите, со мной не до хитростей, мнѣ извѣстны всѣ дѣла ваши. Я знаю, что завтра васъ выгонятъ изъ вашего дома, если вы не заплатите до тѣхъ поръ аренды; знаю также, что вы продали послѣднюю корову; но цѣнность ея не покроетъ долга и значитъ... однако, если вы хотите быть благоразумнымъ; я вамъ ссужу остальное".

— „Вы?" сказалъ Гвоздевъ недовѣрчиво, „гдѣ жь вы денегъ достанете?"

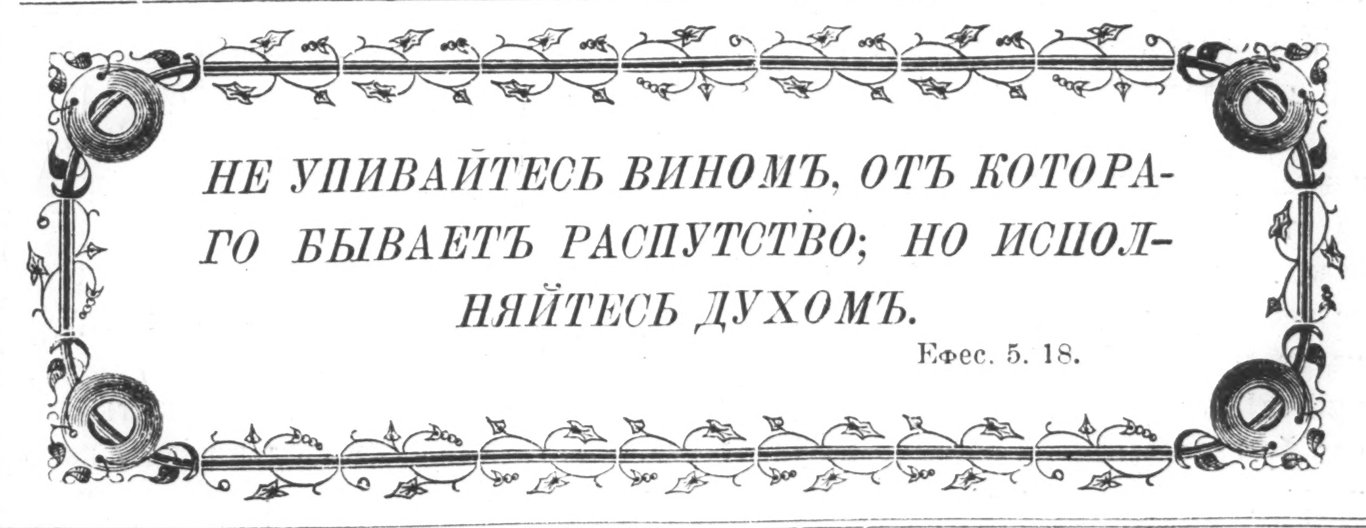
— „Неужели вы думаете, что я отъ двадцати лѣтъ труда и бережливости ничего не сберегъ".

— „И вы дадите мнѣ денегъ взаймы? сказалъ Иванъ смягченнымъ голосомъ"; ну этого я не ожидалъ отъ васъ. Мы съ вами еще друзьями станемъ пожалуй. Сколько-же?"

— „Если вы согласитесь на счастье нашихъ дѣтей, я вамъ дамъ, сколько надо, чтобъ заплатить хозяину".

— „Но, Василій Кузьмичъ, ты толкуешь о деньгахъ, словно у тебя и куры ихъ не клюютъ. Гдѣ ты кладъ отрылъ — или укралъ, что-ли? Впрочемъ мнѣ то все равно. Не сердись, сосѣдъ, это шутка. Такъ ты мнѣ дашь денегъ съ тѣмъ, чтобъ твой сынъ женился на Натальѣ. Ладно, вотъ моя рука! Андрей можетъ переходить сюда и работать. Земли здѣсь довольно. Что же ты? Не по рукамъ, что-ль?"

(*Продолженіе въ слѣдующемъ №.*)

Условія подписки: **„Русскій Рабочій"** выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Іюля 1878 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

Жатва.

Зерно.

Гуляя лѣтомъ по полю, возьми въ руку ржаное зерно и посмотри на него внимательно, ты держишь нѣчто живое и это живое, — яйцо. Удивительно, не правда-ли?—Приложи это зернушко къ уху—нѣтъ ни малѣйшаго звука; положи его на столъ—оно не шевелится; на ощущеніе оно ни тепло, ни холодно,—и не смотря на все это, въ немъ сокрыто много, много жизни. Въ Египтѣ найдены зерна, которыя лежали 2,000 лѣтъ, и когда ихъ посадили въ землю, они взошли свѣжія и зеленыя, какъ будто прошлогоднія. Каждому зерну даровалъ Богъ столько тепла, что оно и въ самую холодную зиму не замерзаетъ, и столько силы, что съ помощью воды, земли, воздуха и свѣта, оно выростаетъ въ длинный стебель, вышиной съ рослаго человѣка и производитъ колосъ сомножествомъ подобныхъ себѣ зернушекъ. Вѣдь и въ яйцѣ не видно перьевъ, носика и крыльевъ птенчика; между тѣмъ цѣлая птица кроется въ яйцѣ, но прежде чѣмъ у нея выростутъ ноги и крылья, яйцо должно лежать въ тепломъ гнѣздѣ подъ крыльями матки, птенецъ долженъ кормиться бѣлкомъ, какъ грудное дитя молокомъ матери, и тогда онъ ростетъ, входитъ въ силу и наконецъ пробиваетъ крѣпкую скорлупу и выходитъ изъ своей темницы. Такъ и зерно должно сперва полежать въ землѣ, какъ въ гнѣздышкѣ, согрѣтомъ лучами солнца, и тогда изъ него выходитъ травка.

Нѣсколько дней послѣ того какъ зерно посѣяно, зародышъ пробуждается; онъ дѣлитъ зерно на двѣ части или „доли" и поѣдаетъ мучнистую часть, которая окружаетъ его. Какъ въ яйцѣ, такъ и тутъ, крѣпкая обертка защищаетъ, какъ латы, мягкое зерно, но подъ этой жесткой скорлупой есть еще тонкая, мягкая кожица предохраняющая зерно отъ тренія, какъ мать укутываетъ мягкими пеленами нѣжные члены младенца.

Какъ только скрытый въ землѣ зародышъ поглотилъ свое мучнистое молоко, онъ прорываетъ свою обертку, вытягивается и выходитъ изъ обѣихъ оконечностей: перушкомъ и корешкомъ. Корешокъ направляется внизъ, въ землю, потому что тамъ найдетъ онъ питаніе и питіе, и, чтобы лучше пользоваться и тѣмъ и другимъ, онъ дѣлится на тонкія ниточки называемыя мочкой. Перушко же напротивъ того стремится къ верху, подняться на воздухъ, потому что воздухъ и солнце—его жизнь. Кто же сказалъ слѣпому зернышку, гдѣ ему искать питанія и куда направить свой корешекъ? Господь Богъ, который его создалъ и охраняетъ; защищая его зимой снѣжнымъ покровомъ отъ стужи и посылая на него теплый весенній дождь. Смѣлою рукою засѣваетъ земледѣлецъ свое поле, зная, что всемогущая десница Божія дастъ жизнь и плодотвореніе.

Если ты, о Рождествѣ, вытащишь изъ земли осенью посѣянное ржаное сѣмя, то увидишь тонкіе, коричневые корешки, глубоко ползущіе въ землю. Когда же настанетъ теплая весна, старые корешки умираютъ, растеніе производитъ новые и начинаетъ жизнь новую.

Если ты весной вытащишь его изъ земли, то увидишь бѣлые корешки, бѣгущіе не къ низу только, а во всѣ стороны. Осенніе корешки тонки, потому что имъ не приходится нести высокаго стебля; они стремятся въ глубь, потому что тамъ больше теплоты и влажности, а ближе къ поверхности, они могли бы замерзнуть. Лѣтніе же корешки толще, короче и раздѣляются на множество ниточекъ, чтобы скорѣе впивать дождикъ. Тонкія ниточки корня утолщаются, потому что имъ теперь придется нести высокій стебель и тяжелый колосъ.

По мѣрѣ того, какъ корень углубляется въ землю, поднимаются къ верху сочные, зеленые листочки. Солнечный свѣтъ и теплота проникаютъ въ тонкія трубочки, которыя расположены въ стеблѣ, какъ жилы въ твоемъ тѣлѣ, и кипятятъ въ нихъ такой сладкій сокъ, что овцы, коровы и лошади предпочитаютъ эту траву всякой другой. Молодой, мягкій колосъ образуется весьма рано, обернутый въ листокъ, когда стебель еще не высокъ. Но колосъ не долженъ оставаться такъ близко къ землѣ, сырыя испаренія могутъ повредить ему и не дать созрѣть. По этому, колосъ стремится все стройнѣе къ верху; чѣмъ онъ выше, тѣмъ чище приготовляется поднимающійся изъ корня сокъ, тѣмъ удобнѣе, на долгомъ пути, прогрѣвается онъ солнцемъ, пока наконецъ, сгущается въ мучнистое зерно. Какъ ни тонокъ стебель, онъ уклоняется отъ вѣтра своею гибкостью и снабженъ кромѣ того крѣпкими узлами, которые не даютъ ему сломаться. Въ узлахъ находятся дырочки, пропускающія сокъ, и ниточки, которыя перекрещиваются и составляютъ крѣпкую ткань, какъ въ составахъ тѣла. Съ каждымъ узломъ, начинается какъ бы новое растеніе: если разрѣзать узелъ и посадить въ землю, оно пускаетъ корень и производитъ новый стебель.

Зеленые листики, на стеблѣ, удлиняются все болѣе и болѣе; всѣ они совершенно одинаково заострены и прикрѣплены не корешкомъ какъ другіе листья, а тонкою пленкою, которая плотно обвивается вокругъ стебля. Эти листочки, развѣваясь въ воздухѣ, поглощаютъ усердно воздухъ, росу и свѣтъ,—потому что и растеніе дышетъ, какъ твари. Когда поспѣваетъ колосъ, листочки увядаютъ, дѣло ихъ кончено; питательный сокъ, поднимающійся въ стеблѣ, не долженъ идти на сторону, а всю свою силу отдать зерну.

Колосъ состоитъ изъ маленькихъ колосьевъ, прикрѣпленныхъ къ одному гребешку. Маленькіе колосья расположены одинъ противъ другого, въ два ряда. На каждомъ изъ нихъ два цвѣтка, братски сидящіе въ одной чашечкѣ. Чашечка состоитъ изъ двухъ лепестковъ, покрывающихъ цвѣтъ, въ которомъ заключается зернышко—этотъ цвѣтокъ свѣтло-зеленаго цвѣта, не отличается ни красотой, ни яркостью красокъ. Великое совершается въ тишинѣ; и истинное достоинство не нуждается въ нарядѣ. Соловей вѣдь не отличается нарядными перьями, а между тѣмъ,—первый пѣвецъ въ лѣсу.

Между тѣмъ какъ въ другихъ растеніяхъ цвѣтокъ опадаетъ, какъ только что начинаетъ поспѣвать плодъ, чашечка ржанаго колоса, остается до конца; пока не измолотится зерно. Но откуда взялось зерно? Смотри,—изъ чашечки висятъ три желтыя сумочки, на тоненькихъ ниточкахъ. Въ этихъ сумочкахъ—тысячи мелкихъ, какъ мука, зернышекъ, называемыхъ цвѣточной пылью. Когда поднимается свѣжій вѣтерокъ на полѣ, эта цвѣточная пыль падаетъ на средній стебелекъ, украшенный перышками.

Этотъ стебелекъ принимаетъ въ свой рубчикъ цвѣточную пыль и проводитъ ее внутрь,—въ середину чашечки, гдѣ приготовляется драгоцѣнная мука, изъ которой мы печемъ хлѣбъ. И такъ, изъ посѣяннаго зернышка рождается такое же зернышко, только не одно, а 50—100 зеренъ.

Великое для насъ благословеніе Божіе эти ржаныя зернышки! Чтобы сталось съ людьми живущими на сѣверѣ, еслибы не было у нихъ ржанаго хлѣба. Мы всѣ знаемъ, что пшеничный хлѣбъ и дорогъ, и не такъ питателенъ, скоро сохнетъ, и не имѣетъ того сильнаго, и привлекательнаго запаха. Онъ бы скоро наскучилъ, еслибы приходилось его ѣсть каждый день, а не по праздникамъ только. Хлѣбъ—нашъ кормилецъ, и кормилецъ всей семьи нашей; оттого и просимъ мы Отца небеснаго: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь".

Мы всѣ знаемъ, что силой, заключающейся въ хлѣбномъ зернѣ, воспользовались, также, чтобы гнать изъ него вино. Къ несчастью, человѣкъ злоупотребляетъ лучшими дарами Божіими; вино, употребляемое въ излишествѣ, сдѣлалось для него ядомъ, лишающимъ его сознанія, разсудка, и ставящимъ его ниже всякаго животнаго.

Въ теплыхъ странахъ произрастаетъ рисъ и кукуруза; въ средней полосѣ—пшеница; а у насъ на сѣверѣ, гдѣ солнце грѣетъ слабѣе, климатъ суровъ и холоденъ, не боясь вѣтра, непогодъ и жестокихъ зимъ, созрѣваетъ благословенная рожь, которая, кромѣ хлѣба, даетъ еще намъ солому для кровлей, для скота, и даже для постели, гдѣ нѣтъ мягкихъ тюфяковъ. Обо всѣхъ печется Господь; и во всемъ видна любовь Его.

Сельская язва.

(*Продолженіе.*)

Василій помолчалъ немного и сказалъ: „Нѣтъ, сосѣдъ, не по рукамъ такъ. Выслушайте меня, я буду говорить откровенно. Безъ лошадей, безъ скота, эта земля не дастъ ничего. Хоть убивайтесь надъ работой и сынъ мой и вы—все же и половины арендной платы не выработаете. Вотъ, что я придумалъ. У меня есть нѣсколько денегъ и много доброй воли. Я взялъ бы на себя вашу аренду и привелъ сюда свою лошадь и своихъ 4 коровъ. Можно прикупить вторую лошадку и прибавлять по немного скота, сколько потребуетъ хозяйство. Вы жили бы у насъ. Андрей и Наташа поселились бы въ моей теперешней избѣ, и я уже позабочусь о томъ, чтобъ обзавести ихъ всѣмъ нужнымъ для почина. Вы будете безъ заботъ, а мы съ женой постараемея, чтобъ вы полюбили нашъ домъ. А можетъ быть Богъ избавитъ васъ отъ недуга, который составляетъ все ваше несчастье; Иванъ Алексѣевичъ, тогда вы стали бы благодарить Бога".

— „А кто будетъ здѣсь хозяиномъ?" дерзко спросилъ Гвоздевъ.

— „Я буду вести хозяйство".

— „Что! какъ!" завопилъ Гвоздевъ въ бѣшенствѣ, „ты будешь хозяиномъ, а я то что?"

— „Вы будете жить у меня, если вамъ угодно будетъ работать, я буду вамъ платить; если вы предпочитаете работать на другихъ, или ничего не дѣлать, я вамъ буду давать квартиру, пищу и содержаніе, пока дѣти наши не будутъ въ состояніи дѣлать этого".

Гвоздевъ, внѣ себя, схватилъ первую попавшуюся вещь, которая оказалась тарелкой, съ силой швырнулъ ее на земь и разразившись потокомъ ругательствъ кричалъ: „Ага, вотъ она сказка батюшки! Вотъ она хижина бѣдняка, поглощающая палаты Ивана Гвоздева!" Вотъ куда ты цѣлилъ, старый хитрецъ. Я не понимаю, зачѣмъ я не размозжу твою голову объ стѣну. Ты — хозяиномъ, а я—работникомъ! лѣзетъ ко мнѣ, какъ змѣя, съ ласками, совѣтами, услугами, чтобъ выманить у меня мою землю и мою дочь!"

— „Выманить!" сказалъ съ негодованіемъ старикъ. „Вотъ 2 года, что нашъ помѣщикъ предлагаетъ мнѣ вашу аренду. Я же отказалъ и просилъ его потерпѣть ради вашей дочери. Я вижу, что это все кончится стыдомъ, да горемъ для всѣхъ".

„Убирайся, говорятъ тебѣ", кричалъ Гвоздевъ съ бѣшенствомъ. „Чтобъ ноги твоей здѣсь не было!"

Василій Кузьмичъ всталъ. На порогѣ онъ обернулся еще разъ и сказалъ:

„Не боюсь я угрозъ вашихъ, но въ вашемъ домѣ оставаться противъ вашей воли не хочу. Вы безсердечный, жестокій отецъ; въ пьянствѣ и распутствѣ вы истратили наслѣдство дочери. Позоръ, раззореніе, которые вы одни заслужили, вы хотите, чтобъ и эта безвинная дѣвушка несла вмѣстѣ съ вами до конца, пока вино убьетъ васъ, а горе — ее! Я приходилъ спасти васъ обоихъ, я хотѣлъ цѣной двадцатилѣтней работы купить ея счастье; въ вашей гордости вы губите ея будущность и ея жизнь... Незабудьте, что есть Богъ надъ вами. Онъ воздастъ вамъ по дѣламъ вашимъ".

Твердый голосъ старика сначала подѣйствовалъ на Гвоздева, онъ стоялъ неподвижно; но упреки Василія Кузьмича задѣли его за живое и сжавъ кулаки онъ бросился на него. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ достичь его, тотъ уже вышелъ изъ двери и шелъ по дорогѣ въ деревню, гдѣ проходилъ народъ.

Гвоздевъ закричалъ ему вслѣдъ нѣсколько ругательныхъ словъ и съ силой захлопнулъ дверь.

Не по далеку Андрей и Наташа ожидали рѣшенія своей судьбы. Шумъ ссоры

уже напугалъ ихъ, но когда они увидали Василія Кузьмича, блѣднаго, разстроеннаго, они не посмѣли спросить его, что случилось и молча глядѣли на него.

„Бѣдныя дѣти!“ сказалъ онъ имъ, дрожащимъ голосомъ“. Я внѣ себя, кровь моя кипитъ въ жилахъ, словно въ горячкѣ. Бѣдные дѣти, нѣтъ для васъ надежды, все напрасно, все кончено!“

Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. (Іак. 4. 6.)

На другой день Андрей сидѣлъ на лавкѣ, понуря голову, опустивъ руки, въ сильномъ раздумьи. Мать его, пожилая женщина, пряла у окошка и отъ времени до времени заботливо поглядывала на сына. Они долго толковали съ ней о вчерашнихъ грустныхъ происшествіяхъ, и она объяснила ему, что какъ ни любила она Наташу, все же находитъ, что отецъ правъ.

— „Надо ждать, дитятко“, говорила Марья сыну; „Бога надо просить. Онъ управляетъ всѣмъ; и я не разъ испытывала, что когда было такъ тяжело, что не въ терпежъ, обратиться къ Нему съ молитвой и Онъ все устроитъ, какъ нельзя лучше“.

— „Ты думаешь, матушка“, сказалъ Андрей грустно.

— „Думаю, касатикъ. Отецъ твой вѣдь всему глава въ домѣ и противъ него идти намъ нельзя. Возложимъ наши печали на Господа Бога“.

— Въ эту минуту вошелъ отецъ, вернувшійся изъ лѣсу, гдѣ проработалъ все утро Лицо его было спокойно; онъ ласково, но коротко поздоровался со своими, потомъ сѣлъ за столъ. Мать мигнула Андрею, чтобъ онъ подсѣлъ туда же и поставила похлебку передъ мужемъ.

Должно быть Василія очень уважали въ семьѣ; одно его появленіе совсѣмъ измѣнило видъ Андрея.

Онъ всѣми силами крѣпился, сѣлъ за столъ, хотя боязливо и съ опущенными глазами, ѣлъ и пилъ, чтобъ не сердить отца. Тяжелое молчаніе царствовало, пока отецъ не началъ говорить.—„Андрей, я тебѣ позволилъ ничего не дѣлать все утро, зная, что сердце у тебя не лежитъ къ работѣ; я хотѣлъ дать тебѣ время погоревать вволю. Теперь, ты долженъ мнѣ помочь навалить дрова на возъ. Завтра ты повезешь ихъ въ городъ, къ нашему барину“.

— „Ладно, батюшка“, сказалъ покорно Андрей.

Марья встала, чтобъ достать что-то съ полки, но невольно остановилась у окна, глядя на дорогу. Шумъ, крикъ и смѣхъ доносились съ улицы.

— „Что тамъ такое, матушка“, спросилъ Андрей.

— „Не знаю“, сказала она. „Передъ домомъ Ивана Алексѣева собралось много народу, но не видно, что они дѣлаютъ. Тамъ же сотскій стоитъ словно распоряжается“.

— „Боже мой“, вскричалъ Андрей и вскочилъ съ мѣста, „гдѣ-же Наташа?“ Онъ бросился къ дверямъ; но отецъ загородилъ ему дорогу и строго сказалъ: „Андрей, ты останешься здѣсь. Что тамъ происходитъ—не наше дѣло“.

Молодой парень бросился къ окну, прильнулъ лицемъ къ стеклу и старался разобрать, что дѣлала кучка крестьянъ, собранная передъ домомъ Ивана Алексѣева.

— „Это полиція“ сказалъ Василій Кузьмичъ; „они просили описать имущество Гвоздева; сотскій отгоняетъ праздный народъ“.

Вдругъ Андрей отчаянно вскрикнулъ: — „Вотъ Наташа, около стѣнки, на сѣнникѣ; она закрыла лицо руками, она плачетъ; ее выгнали на улицу; около нея смѣются, насмѣхаются надъ ея несчастьемъ. Батюшка, ради Бога, пусти меня!“...

Старикъ молча заложилъ дверь и положилъ ключъ въ карманъ.

— „Отецъ“, вскричалъ Андрей, „пожалѣй ты бѣдную Наташу; безъ крова, одна, тамъ посреди смѣха всей деревни. Подумай, что будетъ съ женою твоего сына!“

— „Твоей женой!“

— „Да моей женой. Вѣдь не бросить же мнѣ ее, потому что она несчастна не по своей винѣ“.

И самъ испугавшись своихъ рѣзкихъ словъ, Андрей подошелъ къ отцу, взялъ его руки, и положивъ голову на плечо старика, прибавилъ умоляющимъ голосомъ:

„Прости меня, батюшка, но вѣдь это правда; пусти меня спасти ее отъ срама“.

— „Василій, сжалься надъ ними сказала добрая мать. Никто еще не раскаявался, что пожалѣлъ несчастныхъ“.

Старикъ, тронутый ихъ словами, смягчился.

Онъ открылъ дверь и сказалъ: „Вотъ вы заставляете меня дѣлать большую глупость; но ужъ такъ, для Бога, ступай, приводи Наталью“.

Андрей и его мать скоро были въ толпѣ любопытныхъ, окружавшихъ домъ Гвоздева. Молодой парень живо протолкался, схватилъ дѣвушку за руку и сказалъ:

— „Пойдемъ, Наташа, матушка тутъ; она пришла за тобой; ты не можешь здѣсь оставаться; иди съ ней, а я пригляжу за вещами вашими, и перенесу ихъ къ намъ. Утѣшься, ради Бога, я тебя не покину“.

Пока онъ говорилъ, старушка схватила за руку дѣвушку и повела за собой.

Придя въ избу Марья стала уговаривать Наташу:

„Не плачь, Наташа, положись на Бога. Мы вамъ поможемъ по силамъ“.

— „Мнѣ бы ничего“, отвѣчала дѣвушка рыдая“, я могу работать, и прокормлюсь кое-какъ, но бѣдный, батюшка, что будетъ съ нимъ! Куда ему голову склонить? Безъ крова, на улицѣ, какъ нищій! Лучше бы намъ умереть!“

— „Такихъ словъ не надо говорить“, сказала строго старушка.

„Отецъ твой не готовъ явиться передъ Богомъ, и если онъ живъ, то потому что Господь милосердъ и не хочетъ смерти грѣшника, но чтобы обратился къ Нему“.

Рѣчь ея прервалъ Андрей; онъ подошелъ прямо къ дѣвушкѣ и сказалъ:

— „Наташа, не кручинься; все помаленьку устроится. Я положилъ сундукъ и вещи въ ригу; твой отецъ можетъ тамъ переночевать. Потомъ, матушка скажетъ доброе слово за насъ батюшкѣ“.

— „Что ты говоришь“, строго прервала его мать. „Ивану спать въ нашей ригѣ? Да въ умѣ-ли ты? А вздумайся ему курить? А неравно спичка упадетъ въ солому. Пожаръ, ты запалить хочешь, чтоль. Берегись, чтобъ не услыхалъ тебя отецъ“.

— „Гдѣ онъ?“ спросилъ молодой парень.

— „Не знаю, когда я вошла съ Наташей, его уже не было въ избѣ“.

— „Онъ можетъ-быть сердитъ?“

— „Можетъ-быть, сынъ мой; ты также много лишняго наговорилъ; а вѣдь знаешь, что отецъ издавно любитъ, чтобъ его уважали“.

— „Но матушка“, горестно возразилъ сынъ, „я его всей душею уважаю!“...

Онъ замолчалъ, въ комнату входилъ отецъ.

— „Батюшка, родимый, не сердись ты на меня, прости меня, если тебя обидѣлъ“.

— „Сядь“, сказалъ старикъ“, мнѣ надо сказать вамъ всѣмъ кое-что. Не сержусь на тебя, Андрей; мнѣ жаль тебя, и все я пораздумывалъ, гдѣ бы найти кровъ для Наташи и отца ея. Тамъ, около колодца, есть маленькая, пустая избенка; я ее нанялъ на три мѣсяца; ты снесешь туда Наташины вещи и она можетъ жить тамъ, пока мы устроимъ дѣлишки ихъ“.

Андрей и Наташа оба вскочили, чтобъ благодарить старика, но онъ остановилъ ихъ знакомъ.

— „Я хочу еще разъ попытаться съ Гвоздевымъ“, сказалъ онъ. „Можетъ быть, вслѣдствіе своего несчастія, онъ обратится къ добру. Скажи ему, Наташа, что я приду къ нему завтра утромъ. Молись Богу, чтобъ онъ смирилъ его гордость и показалъ ему дѣло, какъ оно есть. Если онъ приметъ мое предложеніе, еще ничего не потеряно, и то, о чемъ мы говорили вчера, можетъ еще сбыться.

Андрей и Наташа схватили руки старика.

„Спасибо батюшка“, вскричалъ Андрей, „какъ мнѣ тебя благодарить!“

— „Ты вспомнишь, когда я буду старъ и немощенъ, что я перенесъ ради тебя, сынъ мой; а ты Наташа, если Богъ благословитъ насъ и ты станешь дочерью нашей, люби вторую мать свою до конца дней ея“.

Дѣвушка бросилась на шею Марьѣ и вскричала:

„Даже если я никогда больше и не увижу васъ послѣ сегодняшняго дня, я никогда не забуду вашей доброты и буду вѣкъ молиться за васъ, чтобы Господь благословилъ васъ въ этой жизни и въ будущей!“

На другое утро отецъ пошелъ къ новому жилищу Гвоздева. Наташа выбѣжала къ нему на встрѣчу такая веселая, что старикъ сталъ надѣяться на счастливый исходъ своего предпріятія.

„Съ моимъ отцомъ произошла удивительная перемѣна“, разсказывала она живо. „Онъ вошелъ въ наше новое жилье безропотно и легъ спать, ласково пожелавъ мнѣ покойной ночи. Утромъ онъ рано всталъ и все ходилъ по избѣ, туда и назадъ. Когда я подала завтракъ, онъ сѣлъ молча, грустно опустивъ глаза. Я взяла его за руку, а онъ сталъ утѣшать меня и просить прощенія во злѣ, которое сдѣлалъ мнѣ“.

— „Это въ самомъ дѣлѣ удивительно“, сказалъ Василій Кузьмичъ. „Не задумалъ-ли онъ ужъ исправиться?“

— „Онъ не разъ увѣрялъ, что нога его не будетъ больше въ кабакѣ, и что не будетъ больше пить—ни капли. Онъ занялъ лопату у сосѣда и началъ перекапывать огородъ“.

Когда Гвоздевъ увидалъ подходящаго сосѣда, лице его потемнѣло и губы стиснулись. Былъ ли это стыдъ или злобное воспоминаніе? Онъ воткнулъ лопату въ землю и, сухо поздоровавшись съ Василіемъ Кузьмичемъ, вошелъ съ нимъ въ домъ. Тутъ онъ пригласилъ старика сѣсть на лавку и сказалъ:

— „Василій Кузьмичъ, вы были такъ добры дали мнѣ квартиру, я благодарю васъ за мою дочь“.

— „А теперь посмотримъ, что еще можно сдѣлать“, ласково сказалъ старикъ; „если вы только рѣшитесь на всегда бросить вино, вы увидите, что у васъ нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ я“.

— „Можетъ быть, сказалъ Иванъ, съ рѣзкимъ движеніемъ, въ которомъ крылась глухая злоба; во всякомъ случаѣ я устроюсь такъ, чтобъ никому не одолжаться своимъ хлѣбомъ“.

— „Сосѣдъ, сосѣдъ“, возразилъ съ кротостью старикъ, „гордость — плохой совѣтникъ. Я хотѣлъ предложить вамъ сдѣлку, которая бы обезпечила счастье вашей дочери и ваше благосостояніе; но я вижу, что ваши чувства не измѣнилися; я не могу сдѣлать невозможнаго. И такъ прощайте“.

Онъ всталъ и съ глубокой жалостью вздохнулъ: „Бѣдная Наташа!“

Гвоздевъ закрылъ лицо руками и горько заплакалъ. На лицѣ честнаго старика выразилось глубокое сожалѣніе.

—„Ну, ну, Иванъ Алексѣевичъ, успокойтесь; выслушайте мое предложеніе“..

— „О, я презрѣнный негодяй, оставленный Богомъ!“ вскричалъ съ отчаяніемъ Иванъ.—„Эту ночь я не спалъ, потому что послѣ долгаго времени, вчера въ первый разъ не пилъ. Мнѣ казалось, я видѣлъ мать свою, жену свою; онѣ упрекали меня въ моихъ постыдныхъ поступкахъ; онѣ говорили мнѣ, что я отравилъ ихъ жизнь! Пятнадцать лѣтъ я жилъ на соблазнъ, на позорище всей деревнѣ; я поглотилъ все, что отецъ заработалъ трудами цѣлой жизни, я убилъ наслѣдство моего ребенка въ постыдныхъ пирушкахъ, я богохульствовалъ, я ругался. Я покрылъ молодость Наташи неизгладимымъ стыдомъ, я сдѣлалъ ее нищей. У меня нѣтъ больше души; есть только смѣсь себялюбія, и гордости. Вы приходите предлагать мнѣ помощь, Наташѣ счастіе, а я, безсердечный уродъ, не умѣю и спасибо вамъ сказать. Напротивъ, сердце мое отталкиваетъ благодѣяніе, кричитъ, что ваша доброта

меня унижаетъ. О бросьте меня, я не стою вашей помощи, Богъ проклялъ меня!“

Старикъ Василій былъ глубоко потрясенъ исповѣдью несчастнаго отца; слезы блестѣли на его глазахъ. Жалость побудила его подать руку грѣшнику.

— „Иванъ“, сказалъ онъ ласково. „Никогда не слѣдуетъ отчаяваться въ милосердіи Господа; Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Ты открылъ глаза на ошибки твоей прежней жизни; это много, но еще не все. Когда чувствуешь, что боленъ, надо обратиться къ врачу; Іисусъ, Спаситель нашъ, великій врачъ нашихъ душъ. Ты Бога обидѣлъ больше всѣхъ, и написано, что „пьяницы царства Божія не наслѣдуютъ“. Но если ты исповѣдуешь грѣхъ твой съ истиннымъ раскаяніемъ, если ты обратишься за прощеніемъ ко Христу, ты навѣрно получишь милость. Онъ же сохранитъ тебя отъ лукаваго и дастъ тебѣ помощь, чтобъ не впадать въ тотъ же грѣхъ. У васъ есть Евангеліе; начни читать; избѣгай искушенія, брось товарищей твоихъ“...

— „Пить!“ вскричалъ тотъ. „Я такъ твердо рѣшился не подходить больше къ кабаку, что не сдѣлаю этого за кучу золота. Никогда, никогда!“

— „Если ты дѣйствительно рѣшился, то начни съ того, сосѣдъ Иванъ, что прими съ смиреніемъ твое униженіе, какъ горькій плодъ твоего грѣха. Покорись этому наказанію. Смири свою гордость; это она возмущаетъ тебя противъ заслуженнаго испытанія; докажи, что ты желаешь начать новую жизнь, приходи ко мнѣ работать. Вчера ты не хорошо поступилъ въ отношеніи ко мнѣ; но забудемъ это. Я дамъ тебѣ самую высокую плату. И вначалѣ пригляжу даже, если тебѣ надо будетъ отдыхать почаще“.

— „Работать на васъ, быть вашимъ работникомъ!“ пробормоталъ Гвоздевъ съ выраженіемъ неудовольствія.

— „Не все-ли равно на кого работать?“

— „Нѣтъ, мнѣ не все равно“, возразилъ тотъ.

— „Я понимаю, вы всегда не долюбливали меня, но вѣдь я въ этомъ не виноватъ. Я не дѣлалъ вамъ никакого зла“.

— „Нѣтъ“, вскричалъ Гвоздевъ, „но ваше растущее благосостояніе мнѣ было постояннымъ укоромъ. Еще и теперь я буду охотнѣе работать на всякаго другаго, чѣмъ на васъ“.

— „Это не ладно, сосѣдъ; для вашего же блага я долженъ помочь вамъ. Я васъ прошу поработать у меня только три мѣсяца; не для того, чтобъ быть вашимъ хозяиномъ, а чтобы вы въ это время отвыкли отъ вина. Что-жъ согласны вы?“

Нападеніе моржей.

— „Да, если ужъ вы такъ настаиваете“.

— „Если вы выдержите три мѣсяца, мы потомъ опять потолкуемъ о нашихъ дѣтяхъ и порѣшимъ, нельзя-ль ихъ послѣ Пасхи повѣнчать. Тогда, вчерашнее мое предложеніе возобновится. Дѣтки пристроены, вы придете жить со мной и съ женой, не какъ работникъ, но какъ родной“. Пока старикъ говорилъ, Гвоздевъ смотрѣлъ на него и лицо его освѣщалось какимъ-то яснымъ свѣтомъ, глаза блестѣли, какъ будто слова сосѣда вливали въ его сердце цѣлебный бальзамъ. Василій замѣтилъ эту перемѣну. Болѣе мягкимъ голосомъ онъ продолжалъ:

— „Иванъ Алексѣевичъ, до сихъ поръ всѣ въ деревнѣ васъ порицали и неуважали; если же, опираясь на помощь Господню, вы исполните свое доброе намѣреніе, вы увидите, какъ жизнь ваша будетъ полна радости! Люди, видя ваше исправленіе, снова станутъ почитать васъ; мы будемъ вмѣстѣ работать для нашихъ дѣтей и будемъ радоваться ихъ любви и счастію“...

Гвоздевъ былъ глубоко потрясенъ; слезы катились градомъ по его щекамъ.

— „Вы слишкомъ добры, я не стою этого“, и Гвоздевъ сталъ рассыпаться въ безмѣрныхъ изъявленіяхъ благодарности.

Василій прервалъ его и сказалъ строгимъ голосомъ:

— „Иванъ Алексѣевичъ, я вѣрю честности вашихъ намѣреній, но предупреждаю, что если вы еще хоть разъ, только разъ, уступите своей страсти, я буду считать наши отношенія конченными и запрещу сыну видѣться съ Наташей“.

— „Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь“, сказалъ Гвоздевъ, „я послушаю вашего совѣта. Завтра же приду къ вамъ работать“.

— „Завтра? не лучше ли сегодня же, Иванъ. Видите, работа сильное спасеніе отъ грѣха. Не хорошо человѣку оставаться одному со своими мыслями. Когда ничего не дѣлаешь, худыя мысли приходятъ скорѣе хорошихъ“.

— „Ну ладно, отвѣчалъ тотъ, я все сдѣлаю, что вы хотите“.

— „Мы вмѣстѣ будемъ молотить. Вы увидите, какъ работа веселитъ сердце человѣка. Такъ, до свиданія!“

И Василій вышелъ съ полной радостію и надеждой въ сердцѣ. Послѣ обѣда Гвоздевъ вошелъ въ ригу сосѣда. Его крѣпко передернуло, краска стыда покрыла его лицо, злоба сжала ему зубы, когда онъ узналъ въ работникѣ, который помогалъ Василію Кузьмичу прежняго своего батрака, котораго онъ разъ, пьяный, выгналъ изъ дому.

Работникъ кивнулъ ему головой и Гвоздеву показалось, что онъ насмѣшливо улыбнулся; сердце его переполнилось горечи. Еще хуже было, когда Гвоздевъ, отвыкшій отъ работы и разсѣянный, не въ мѣру ударялъ своимъ цѣпомъ. Работникъ сталъ подшучивать надъ неловкостью своего прежняго хозяина. Этотъ же съ трудомъ сдерживалъ свой гнѣвъ и пристально уставился на солому, чтобъ не видѣть своихъ товарищей. Старикъ Кузьмичъ всѣми силами старался ободрить сосѣда, ласково шутя, стараясь заставить его улыбнуться. Но все напрасно! Гвоздевъ работалъ и отвѣчалъ лишь насколько необходимо.

Слѣдующіе дни дѣло шло не лучше. Иванъ работалъ въ полѣ и долженъ былъ проѣзжать съ телѣгой новаго своего хозяина черезъ всю деревню. Это оскорбляло его гордость. Люди, попадавшіеся ему на встрѣчу, глядѣли на него съ удивленіемъ и любопытствомъ, что ужасно сердило его. Въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ онъ видѣлъ обидную насмѣшку.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №.*)

НЕ ХЛѢБОМЪ ОДНИМЪ БУДЕТЪ ЖИТЬ ЧЕЛОВѢКЪ, НО ВСЯКИМЪ СЛОВОМЪ, ИСХОДЯЩИМЪ ИЗЪ УСТЪ БОЖІИХЪ.

Матѳ 4. 4.

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Іюля 1878 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 7. 1878 г. **РУССКІЙ РАБОЧІЙ.** Годъ 4-й.

Куй желѣзо, пока горячо.

Одинъ фермеръ,—зажиточный крестьянинъ, арендовавшій большую землю и державшій батраковъ,—поѣхалъ въ городъ продавать свои произведенія. Распродавъ молоко, масло, сыръ, картофель и проч., онъ, съ деньгами въ карманѣ и на пустомъ возу, возвращался и глядѣлъ по улицамъ на народъ, дома, вывѣски, и вдругъ видитъ надпись: „Адвокатъ—даетъ полезные совѣты".

Фермеръ останавливается, входитъ и говоритъ: „г. адвокатъ, прошу васъ, дайте мнѣ полезный совѣтъ".

— А, у тебя процессъ?

„Никогда ни съ кѣмъ не тягался".

— Такъ вѣрно наслѣдство?

„Нѣтъ".

Тутъ адвокатъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, написалъ что-то на бумажкѣ, запечаталъ въ конвертъ и, подавая крестьянину, сказалъ: „Возьми, другъ мой, и если въ чемъ встрѣтишь затрудненіе, распечатай, прочти и исполни".

Платы адвокатъ не взялъ и крестьянинъ нашъ спокойно отправился домой.

Уже вечерѣло, когда онъ подъѣхалъ къ фермѣ; онъ слышитъ страшный споръ и шумъ: лѣнивые рабочіе отказывались убирать сѣно, ссылаясь на наступающую темноту; а его жена, указывая на нависшія облака, опасалась дождя и настаивала, чтобы сѣно было убрано немедленно. Уже четверть часа продолжался споръ въ присутствіи недоумѣвающаго хозяина, какъ вдругъ онъ вскрикнулъ: „Стойте". Онъ вспомнилъ про письмо, распечаталъ и прочиталъ: „Не откладывай до завтра, что можешь сдѣлать сегодня".

Сѣно было къ полуночи убрано. Въ два часа полилъ проливной дождь, затопилъ луга и унесъ сѣно, раззоривъ всѣхъ нерадивыхъ хозяевъ.

„Настя, зачѣмъ ты не идешь въ школу?" обратился трудолюбивый кузнецъ къ дѣвочкѣ, остановившейся у его двери и смотрѣвшей, какъ онъ ковалъ полосу.

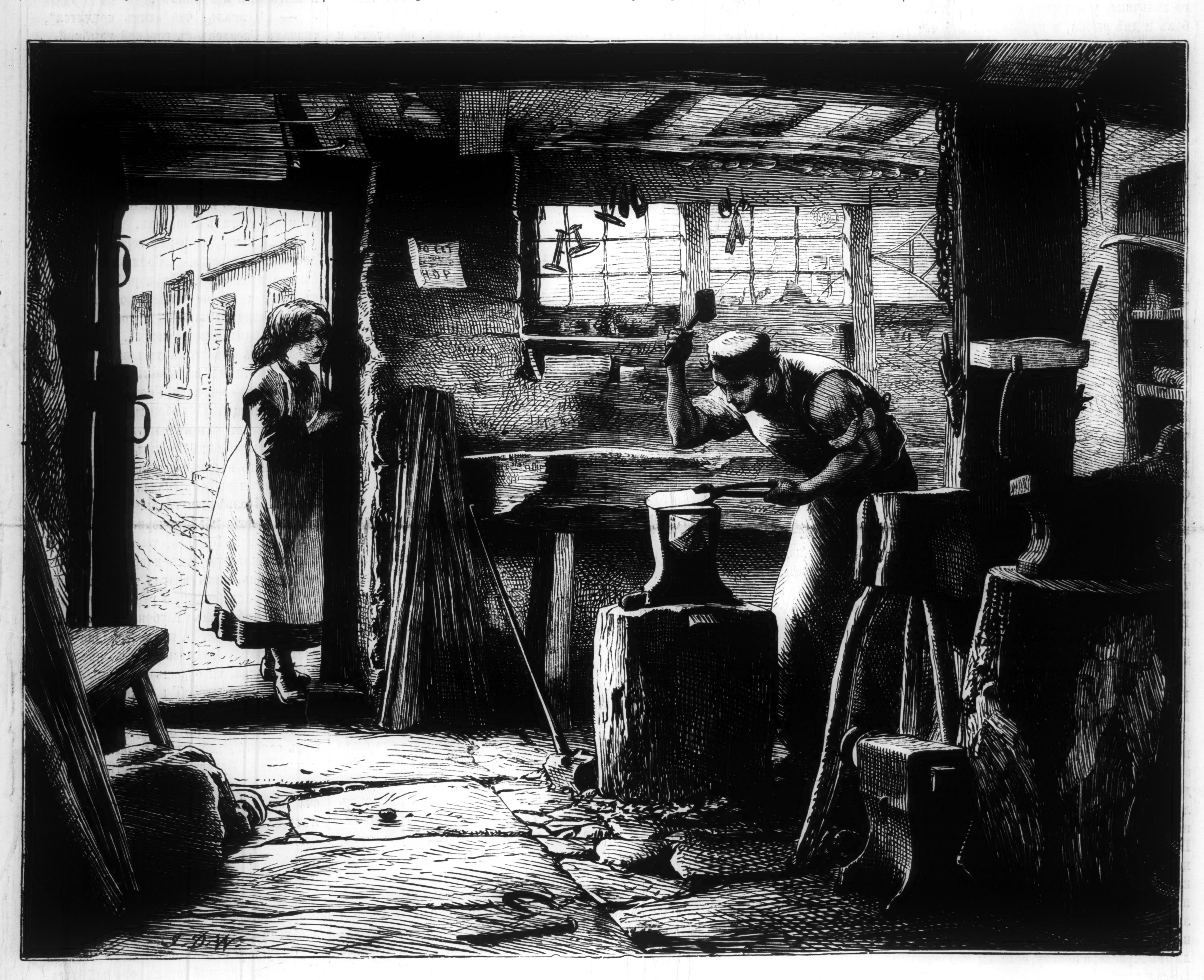
— Еще успѣю, учитель опаздываетъ, да и правду сказать, онъ такой скучный; мнѣ надоѣло учиться.

„Ахъ, Настя!" не упускай времени, *куй желѣзо, пока оно горячо*. Ты умѣешь читать и писать?

— Нѣтъ еще,—запинаясь отвѣчала Настя,—но мнѣ вѣдь только 10-й годъ, еще успѣю.

„Посмотри, Настя, на мою полосу, какъ она горитъ и сверкаетъ, больно глазамъ и жжетъ лицо; но если-бы я потерялъ время и далъ ей остыть, ничего бы я не могъ изъ нея выковать".

— Мы въ школѣ не куемъ желѣза, еслибъ я была кузнецъ, я бы дѣлала, какъ ты.

Куй желѣзо пока горячо.

„А ты знаешь дядю Ивана, что съ товаромъ ходитъ, ужь какъ онъ хочетъ грамоти знать, два года учится, и какія деньги переплатилъ дьячку Алексѣю, да врядъ-ли когда и выучится. Что дѣтямъ достается легко, съ тѣмъ взрослому подчасъ не совладать. „Куй желѣзо пока горячо".

Насыщеніе пяти тысячъ.

Іоан. 6. 5—13.

„Іисусъ, возведя очи и увидя, что

множество народа идетъ къ Нему, говоритъ Филиппу: гдѣ намъ купить хлѣбовъ, чтобы ихъ накормить"? Говорилъ же это испытывая его; ибо Самъ зналъ, что хотѣлъ сдѣлать.

Филиппъ сталъ расчитывать, сколько хлѣба понадобится для такой толпы и по его разсчету двухъ сотъ денаріевъ недостаточно было бы, чтобы удовлетворить всѣхъ. Андрей-же указалъ на одного мальчика, у котораго было пять хлѣбовъ и двѣ рыбки, и прибавилъ: „но что это для такого множества?"

Здѣсь мы видимъ естественную человѣческую потребность для удовлетворенія которой человѣческая изобрѣтательность не находитъ средствъ. Не то ли повторяется и нынѣ въ отношеніи къ потребности душевной. Люди нуждаются въ хлѣбѣ жизни; души ихъ, подъ вліяніемъ Духа Божія, ощущаютъ голодъ, который ни Филиппъ, ни Андрей не въ состояніи удовлетворить. Человѣкъ безсиленъ удовлетворить духовную потребность ближняго своего. Грѣшникъ, виновный, немощный, какъ можетъ онъ помочь другимъ, подобнымъ себѣ грѣшникамъ? Но Іисусъ Христосъ видѣлъ эту нищету, эту нужду человѣка и предвѣчно зналъ, что „Онъ хотѣлъ сдѣлать". Онъ сказалъ: „се, иду, какъ написано о Мнѣ, исполнить волю Твою Боже". „Онъ принесъ Себя непорочнаго Богу". Ничѣмъ другимъ не могли быть удовлетворены, ни великая нужда человѣчества, ни правосудіе Божіе, какъ только крестною смертію Спасителя, взявшаго на Себя грѣхъ міра. Да, Онъ зналъ, Божественный Спаситель нашъ, что „Онъ сдѣлаетъ", не только насыщая пять тысячъ голодныхъ, но и принося Себя въ жертву, Праведный за неправедныхъ, чтобы привести насъ къ Богу. Онъ зналъ, что Его драгоцѣнная кровь должна была пролиться на крестѣ прежде, чѣмъ Онъ могъ сказать: „совершилось!"

Но возвратимся снова къ словамъ Евангелія. Взирая на толпу народа, пришедшаго слушать Слово Его и милосердуя о нихъ Іисусъ сказалъ: „велите имъ возлечь". Зачѣмъ, спросите вы, зачѣмъ это приказаніе? — Затѣмъ, чтобы это чудесное насыщеніе не стоило имъ ни малѣйшаго труда или усилія, чтобы они находились въ покоѣ и уповаціи у ногъ Іисуса. Господь знаетъ человѣческое сердце, Онъ знаетъ и ваши и мое, знаетъ какія мысли возникаютъ въ сердцахъ нашихъ. Мы говоримъ: нужды наши велики, грѣхи наши неисчислимы, жизнь наша проходитъ въ служеніи міру и вдали отъ Христа; а потому, если мы желаемъ спасенія, то какими же трудами, какими усиліями мы должны достигать его. Мы спрашиваемъ какъ Евреи: „что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи?" — Но Господь отвѣчаетъ: „вотъ дѣло Божіе, чтобы вы вѣровали въ Того, кого Онъ послалъ". Когда Закхей, употребляя усилія чтобы видѣть Іисуса, влѣзъ на дерево, Господь сказалъ ему: „сойди скорѣе, ибо сегодня надобно мнѣ быть у тебя въ домѣ". Закхей сошелъ и принялъ Его съ радостію. И намъ тоже, на какую бы мы высоту самодовольствія не взобрались, слѣдуетъ сойти внизъ если хотимъ обрѣсти мѣсто благословенія у ногъ Спасителя. „Велите имъ возлечь; было же на томъ мѣстѣ много травы". Успокоительный, благотворный отдыхъ, въ ожиданіи великаго дѣла милосердія отъ Господа! Имъ не повелено было стоять, какъ стоятъ передъ судьею но „возлечь". Что бы было съ нами, виновными, еслибъ намъ пришлось стоять передъ Судьею всего міра! Но Господь нашъ стоялъ за насъ передъ судомъ человѣческимъ, судомъ Каіафы и Пилата, чтобы мы, вѣрующіе въ Него и призванные къ свободѣ дѣтей Божіихъ, испытали миръ и покой въ Его присутствіи. Господь повелѣлъ имъ возлечь, тамъ гдѣ было „много травы". Онъ, пастырь добрый, „покоитъ своихъ на злачныхъ пажитяхъ, и водитъ ихъ къ водамъ тихимъ".

Но, скажетъ кто-нибудь, я думалъ что мѣсто у ногъ Спасителя пріобрѣтается усиліемъ, борьбой со грѣхомъ, неотступной молитвой? Намъ вѣдь сказано, что мы должны просить, искать, стучать и входить тѣсными вратами? — Да это все истинно, но читая со вниманіемъ эту седьмую главу Ев. Матѳея и взглянувъ на первые два стиха 5-й гл., мы увидимъ, что все это сказано ученикамъ, т. е. тѣмъ, которые уже вѣровали въ Іисуса и приняли Его съ радостью; а „тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, Онъ далъ власть быть чадами Божіими". *Они* должны „не престанно молиться" и облечься во всеоружіе Божіе, чтобы не совращаться съ узкаго пути и приносить добрые плоды, подвигаясь противъ грѣха. Но чтобы стать ученикомъ Христа, надо сперва услышать призывающій голосъ Его: „пріидите ко Мнѣ всѣ", отвѣтить на этотъ зовъ и безъ всякаго усилія сѣсть у ногъ Его и отъ Него получить покой и насыщеніе.

„Іисусъ, взявъ хлѣбы, и воздавъ благодареніе, роздалъ ученикамъ, и ученики возлежавшимъ; также и рыбы, сколько кто хотѣлъ". Всѣ пять тысячь возлежавшихъ приняли хлѣбъ и насытились и еще оставшимися кусками наполнили 12 коробовъ. Вспомнимъ, при этомъ, слова Св. Писанія, сказанныя въ той-же главѣ и дающія намъ самое лучшее поясненіе этаго чуда: „Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда". Приняли ли мы этотъ хлѣбъ жизни, Іисуса самаго? И можемъ ли сказать, что нашли покой и удовлетвореніе, такъ что душа наша уже не ищетъ земныхъ благъ и не алчетъ болѣе? Если еще нѣтъ, то сойдемъ скорѣе съ высоты нашей гордости, сознаемъ свое паденіе, свою погибель, свою нищету, свой голодъ оправданія, свою великую нужду, сойдемъ по зову Господа въ долину смиренія, гдѣ Онъ находится съ учениками Своими, сядемъ у ногъ Его, алчущіе, утомленные, но уповающіе на вѣчную любовь Его. Онъ „вчера, сегодня и во вѣки тотъ-же", Онъ насытитъ насъ хлѣбомъ жизни; Онъ станетъ для насъ „премудростію, праведностію, освященіемъ и искупленіемъ". — Не будемъ болѣе уповать на наше наружное благочестіе, оставляющее сердце наше холоднымъ и ненасыщеннымъ. Вспомнимъ слова Спасителя: „приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ Меня". „Не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго". — „Воля же Отца есть та, чтобы мы вѣровали въ Сына Божія и имѣли жизнь вѣчную. (Іоан. 5. 24 и 6. 40.)

Вѣруя такимъ образомъ, обрѣтемъ и мы покой и миръ у ногъ Спасителя, оправданные Имъ отъ всякаго грѣха, тяготящаго нашу совѣсть, ибо „Имъ оправдывается всякій вѣрующій". (Дѣян. 13. 39.)

Сельская язва.

(*Окончаніе.*)

Но Гвоздевъ помнилъ, что обѣщалъ вытерпѣть до конца, помнилъ, что отъ этого зависѣло счастье дочери и старался, на сколько позволяла ему гордость, исполнять требованія Василія. — Мрачное молчаніе отца очень огорчало Наташу. Она всячески старалась ободрить и обнадежить его. Когда онъ возвращался съ работы, она окружала его самымъ нѣжнымъ вниманіемъ, говорила ему ласковыя утѣшительныя слова, представляла ему заманчивыя картины лучшаго будущаго. Онъ казался благодарнымъ за ея старанія, но отвѣчалъ ей упорнымъ молчаніемъ, такъ что и она перестала говорить, видя его невозмутимую холодность.

Тогда онъ уходилъ въ уголъ и сидѣлъ тамъ, закрывъ лицо руками до того времени, когда Наташа ложилась спать. Счастье, о которомъ мечтали Наташа и Андрей, затуманивались все болѣе и болѣе; хотя они не знали въ точности, чего имъ бояться, но сердце ихъ невольно сжималось отъ страха, когда они думали о будущемъ. Они видѣли, что отецъ никогда не бралъ въ руки Евангелія; никогда, ни однимъ словомъ онъ не выразилъ своего возвращенія къ Богу и они начали думать, что исправленіе его было больше наружное, чѣмъ сердечное. Десять дней прошло, а Гвоздевъ не выказывалъ никакого желанія къ вину и въ деревнѣ поговаривали, что онъ пересилитъ свой порокъ. Но нѣкоторые признаки очень безпокоили старика Василія и онъ часто спрашивалъ себя, дѣйствительно-ли Гвоздевъ твердо намѣренъ вытерпѣть испытаніе до конца. Часто, идя на поле, онъ находилъ его съ скрещенными руками, погруженнаго въ мрачныя думы, и работа не подвигалась. Ничего старикъ не терпѣлъ такъ, какъ лѣни и пьянства. Съ огорченіемъ видѣлъ онъ, что исправляясь отъ одного порока, сосѣдъ не оставлялъ другого. На девятый день Василія Кузьмича вызвалъ въ городъ помѣщикъ. Вернувшись оттуда онъ, не заходя домой, прямо прошелъ въ поле, гдѣ Гвоздевъ разбрасывалъ навозъ.

Подошедши къ нему, онъ весело взялъ его за руку и сказалъ:

— „Ну сосѣдъ, раньше, чѣмъ ты думаешь, будешь ты спать въ твоемъ старомъ домѣ.

— „Я", съ горечью возразилъ тотъ. „Что развѣ новому арендатору потребовался работникъ?"

— „Ты меня не понимаешь; мы съ тобой вмѣстѣ будетъ тамъ жить!"

— „Да вѣдь новой арендаторъ Петръ Семеновъ" сказалъ Иванъ".

— „Онъ хотѣлъ было взять аренду, но хозяинъ сегодня послалъ ко мнѣ предложить ее и я принялъ".

— „Я зналъ, что этимъ кончится", сказалъ Гвоздевъ съ горькой улыбкой.

— „Теперь дѣло наше работать", продолжалъ Василій „и со временемъ нашимъ дѣтямъ сладко будетъ жить на свѣтѣ".

Старикъ радостно говорилъ, а Иванъ упорно глядѣлъ въ землю.

— „Ну, чтожъ ты скажешь объ этой новости?" спросилъ удивленно Василій.

— „Желаю вамъ всякаго счастья", сухо пробормоталъ Гвоздевъ.

— „А пока, не теряй терпѣнія", продолжалъ старикъ. „Время испытанія быстро пролетитъ. Ты перейдешь жить съ нами, и мы не станемъ откладывать больше свадьбу нашихъ дѣтокъ. Приходите къ намъ черезъ часокъ, сосѣдъ; мы поболтаемъ объ этомъ за чашкой чаю".

Съ мрачнымъ взглядомъ, неподвижно упираясь на свою вилу, Гвоздевъ слѣдилъ за удаляющимся добрымъ старикомъ. Долго онъ стоялъ въ томъ же положеніи, потомъ съ гнѣвомъ бросилъ вилу, бормоча какія-то несвязныя слова. Тутъ какъ бы одумавшись, онъ сказалъ самъ себѣ:

— „Презрѣнная тварь! мнѣ предлагаютъ счастіе моей дочери, а я сгораю отъ зависти. Подлецъ, ты погибаешь въ нищетѣ, которую самъ навелъ на себя и ненавидишь, какъ врага, того, который тебѣ подаетъ братскую руку, чтобъ вытащить тебя изъ глубокаго униженія твоего. О пьянство, пьянство! Оно убиваетъ душу... Крѣпись Иванъ, презрѣнный пьяница, ты будешь работникомъ въ домѣ отца своего! Ты покоришься, ты будешь трудиться, какъ рабъ, ты истощишь свои силы въ пользу другаго, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ ты былъ хозяиномъ. Люди будутъ смѣяться твоему униженію, будутъ радоваться твоему несчастью... А ты, — будешь гнуться, терпѣть ихъ брань, выпьешь до конца горькую чашу стыда, пока не погибнешь въ работѣ!" Онъ поднялъ вилу и началъ работать съ такими рѣзкими движеніями, какъ будто хотѣлъ выместить на безчувственномъ веществѣ всю свою злобу.

Вдругъ услыхалъ онъ голосъ Василья Кузьмича, который звалъ его чай пить.

— „Да, да, иди, садись за этотъ столъ", вскричалъ Гвоздевъ, бросая вилу; „пойди, посмотри, какъ всѣ тамъ счастливы. Послушай, какъ дочь твоя радуется твоему стыду? И ты скрывайся, смѣйся, радуйся! Иди, презрѣнный червь!" и, бормоча такимъ образомъ, онъ направился къ избѣ Василія.

На другой день было воскресенье. Наташа собиралась въ церковь. Она ласково подошла къ отцу и сказала мягкимъ голосомъ:

— „Батюшка, пойдемъ со мною?"

— „Зачѣмъ? Чтобы люди на улицѣ

смѣялись надо мною, чтобъ отвѣчать на ихъ насмѣшливые вопросы", сказалъ отецъ грубо. Дѣвушка тяжело вздохнула и съ опущенной головой пошла одна. Нѣсколько времени Гвоздевъ сидѣлъ неподвижно.

— „Да, идти въ церковь", бормоталъ онъ, „чтобъ встрѣчать людей туда и назадъ, какъ прошлое воскресенье, когда я вышелъ на улицу и Акимъ спросилъ меня, сколько Скопи-грошъ мнѣ даетъ за день. Дѣти, и тѣ шепчутся, когда увидятъ меня. А эту недѣлю я пойду работать въ мой прежній домъ, помогать кровельщикамъ прибивать гонтъ на крышу. Я буду на верху, а внизу они будутъ смѣяться надо мною, громко будутъ говорить, что я заслужилъ это. Только двѣ недѣли прошли, а еще десять предстоитъ, десять вѣковъ мученій!"

Онъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами. Вдругъ онъ остановился передъ окномъ и сталъ глядѣть на улицу. Улыбка радостно освѣтила его лице: на искосокъ стоялъ кабакъ, надъ дверью котораго висѣла вывѣска, на ней была представлена кружка, переливающаяся пивомъ и бутылка, окруженная стаканами.

На эту-то бутылку Гвоздевъ обратилъ пристальный взглядъ.

— „Ахъ, быть пьянымъ, не думать больше, не страдать! Чувствовать огонь по жиламъ, воображать себя счастливымъ, богатымъ, сильнымъ! Все забыть, все! Туда, туда!"

Онъ сунулъ руку въ карманъ съ лихорадочною поспѣшностью.

— „Нѣтъ денегъ", пробормоталъ онъ. „Этотъ жидъ платитъ мнѣ только въ понедѣльникъ. Боится, что я стану пить въ воскресенье. Да, здѣсь должны быть деньги! Я видѣлъ ихъ вчера въ шкатулкѣ Наташи!"

Онъ открылъ шкатулку, вынулъ деньги, положилъ ихъ на столъ и съ жадностью сталъ считать.

„Тридцать, шестьдесятъ,—рубль! довольно".—Но словно они его обожгли, онъ ихъ оттолкнулъ отъ себя, глядя на нихъ испуганными глазами.

— „Несчастный, что я хотѣлъ сдѣлать", вскричалъ онъ. Бѣдная Наташа, она работаетъ по ночамъ, чтобъ накопить эти деньги, а я хочу употребить ихъ на... О нѣтъ, нѣтъ!"

И онъ поспѣшно бросилъ деньги обратно въ шкатулку. Въ эту минуту съ улицы раздалась громкая пѣснь. Гвоздевъ прислушался къ ней и узналъ ее, хотя слова были искажены и голосъ, невѣрно колебающійся, казался принадлежащій сумасшедшему.

„Это Филиппъ каменьщикъ", пробормоталъ Гвоздевъ и выраженіе зависти появилось на его лицѣ". Какъ онъ счастливъ! Онъ пьянъ; онъ поетъ, онъ силенъ, онъ не знаетъ ни стыда, ни униженія. У него нѣтъ дочери; онъ можетъ пить, сколько захочетъ". Пѣснь приближалась; дверь Ивановой избенки открылась и его прежній товарищъ вошелъ въ избу.

Филиппъ казался очень веселымъ; глаза его безсмысленно вертѣлись, щеки его ярко горѣли.

„Здравствуй, дружище, живъ-ли ты? Я думалъ, что ты отправился на тотъ свѣтъ. Съ тѣхъ поръ какъ я тебя видѣлъ въ послѣдній разъ мы, почитай, цѣлый боченокъ выпили. А ты что? Загордился, братъ, дома потихоньку тянешь водку? Вотъ и я также; смотри у меня въ карманѣ бутылочка водочки..."

Съ этими словами онъ вытащилъ изъ кармана бутылочку, подалъ ее Гвоздеву и сказалъ;

„Вотъ, голубчикъ. Это изъ кабака. „Отвѣдай глоточекъ, но слышишь, только глотокъ!"

„Убирайся съ своей бутылкой!" вскричалъ Гвоздевъ.

Страшная борьба началась въ немъ. Минуту тому назадъ воспоминаніе о дочери спасло его отъ пагубнаго рѣшенія, а теперь искуситель, стоя передъ нимъ, старался увлечь его въ погибель. Отвратительное лице Филиппа, который щурился и кривлялся за бутылкой. отталкивало его отъ страстнаго желанія, когда тотъ вдругъ насмѣшливо расхохотался и оттягивая бутылку заговорилъ:

— „Ха, ха, я знаю, что это такое; мнѣ сказывали въ кабакѣ. Скопи-грошъ сталъ бы бить тебя батогами; прогналъ бы тебя, еслибъ ты посмѣлъ лизнуть хоть капельку!"

— „Дай сюда!" заревѣлъ Иванъ, бросаясь на бутылку.

— „Стой, стой!" вскричалъ Филиппъ, „только глотокъ; я знаю тебя, у тебя глотка безъ дна!"

Гвоздевъ опрокинулъ бутылку въ ротъ, а другой рукой отталкивалъ каменьщика. Борьба была страшная, отвратительная, пока наконецъ Гвоздевъ глубоко вздохнувъ, отдалъ бутылку Филиппу.

Филиппъ съ удивленіемъ глядѣлъ то на пустую бутылку, то на запыхавшагося товарища.

— „О, убирайся, искуситель; ты укралъ у меня мою душу, счастье моей дочери", говорилъ Гвоздевъ, трясясь отъ ужаса.

— „Заплати мнѣ, что ты у меня укралъ", кричалъ каменьщикъ. „Днемъ, словно въ лѣсу напалъ и обокралъ. Я сейчасъ пойду выпить на твой счетъ полштофикъ, а если ты откажешься платить, я тебя обжалую передъ судомъ". Такъ Филиппъ съ діавольской хитростью съумѣлъ завлечь Ивана. Конецъ не трудно предвидѣть.

Полупьяный Гвоздевъ уже не противился своему желанію и черезъ полчаса оба отправились по уединенной дорожкѣ въ кабакъ ближайшей деревни и у Ивана въ карманѣ были деньги, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенные его дочерью!

Когда Наташа вернулась, она не нашла уже отца; предполагая, что онъ вышелъ въ поле расходить свое горе, она пошла посидѣть часочекъ къ будущей свекрови. По дорогѣ она весело разговаривала сама съ собой.

— „Вотъ", говорила она, „я еще получила работу. Какую я шапку куплю ему на зиму! А тамъ, когда отецъ будетъ одѣтъ получше, можетъ онъ согласится со мной идти въ церковь; теперь ему стыдно показываться въ старой, рваной фуражкѣ".

Веселая, какъ птичка, она вошла къ Марьѣ.

Старушка спокойно сидѣла на лавкѣ; передъ ней лежало Евангеліе и она читала въ немъ, какъ всегда по воскресеньямъ. Когда Андрюша ходилъ еще въ школу, мать выучилась у него читать и хотя не бойко разбирала всякую книгу, но Евангеліе такъ часто перечитывала, что совершенно свободно читала. Она улыбнулась Наташѣ, которая сѣла подлѣ нее, взяла у ней книгу изъ рукъ и начала громко читать своимъ яснымъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ. Потомъ и Андрей съ отцемъ вернулись съ поля, которое они гуляя пошли посмотрѣть и началась общая веселая бесѣда.

„Твой отецъ вѣдь придетъ ужинать съ нами", спросилъ Василій, „я его звалъ вчера".

— „Не знаю", сказала Наташа. „Я вотъ сейчасъ пойду домой и постараюсь уговорить его провести вечеръ съ нами".

Въ эту минуту дверь отворилась и крестьянинъ Петръ Семеновъ вошелъ въ избу.

„Здравствуйте, сказалъ онъ; я пришелъ сказать вамъ вещь, которую вы должны знать".

Всѣ ожидали съ любопытствомъ.

— „Я пошелъ въ нашъ кабакъ поискать моего Петрушку; мальчишка совсѣмъ избаловался, ему девятнадцать лѣтъ только, а водку тянетъ, что просто волосы отъ заботы у меня бѣлѣютъ. Я не нашелъ Петрушки и пошелъ черезъ лѣсъ въ ближній кабакъ, когда я увидалъ на травѣ пьянымъ, такъ что ни рукой, ни ногой не можетъ двинуть— какъ вы думаете кого?

Всѣ слушающіе поблѣднѣли.

„Каменьщика Филиппа", продолжалъ Петръ.

Наташа вздохнула свободно и подняла глаза съ благодарностью къ небу.

„Погодите", продолжалъ Петръ; „я пошелъ дальше, но едва сдѣлалъ шага четыре, какъ вижу другого на землѣ... Я взялъ его за руку, сталъ его трясти; не тутъ-то было. Какъ камень лежалъ онъ; я едва дослышался, что онъ дышетъ. Вы догадываетесь кто это. Иванъ Гвоздевъ.

Наташа упала на скамью съ раздирающимъ крикомъ и закрыла лице руками. Андрей и его мать стояли посреди комнаты, блѣдные и неподвижные. На лицѣ отца выражалось презрѣніе и негодованіе.

— „Я хотѣлъ только сказать вамъ", окончилъ Петръ, „что было бы хорошо, съ телѣгой поѣхать и привести пьяницу домой; а то онъ останется тамъ всю ночь. За руку же не думайте его привести, онъ совсѣмъ безъ чувствъ. На томъ, прощайте". И онъ вышелъ...

Наташа живо встала, протянула обѣ руки къ отцу и къ Андрею, и горько плача вскричала:

— „О, помогите мнѣ привезти его! Не можетъ же онъ тамъ остаться лежать!"

— „Я", вскричалъ съ гнѣвомъ старикъ. „Я на глазахъ у всѣхъ людей потащу неблагодарнаго пьяницу? Никогда! Я его не знаю больше!"

— „Но я не могу нести отца одна", плача умоляла Наташа, „такъ сдѣлайте мнѣ это послѣднее милосердіе; и я вамъ, обѣщаю, Василій Кузьмичъ, что нога моя не будетъ на вашемъ порогѣ... Я понимаю, что все потеряно... О, во имя Бога, помогите мнѣ! Привезите моего бѣднаго отца до дому, а потомъ хоть бросьте насъ обоихъ!"

Наташа бросилась на колѣни передъ нимъ.

Старикъ поднялъ Наташу, и взявъ шапку сказалъ: „Такъ и быть, ради тебя, но это послѣдній разъ. Пойдемъ Андрей". Марья Леонтьевна сѣла и начала плакать, когда мужъ, сынъ и Наташа вышли.

По дорогѣ старикъ далъ волю своимъ чувствамъ негодованія и горя. Вдругъ онъ увидѣлъ людей шедшихъ на встрѣчу. „Поспѣшимъ. вотъ идутъ люди"— сказалъ онъ и они ускорили шагъ, стараясь отвернуться, чтобъ никто не замѣтилъ ихъ; однако, еще изъ далека одинъ изъ проходящихъ окликнулъ ихъ: „Это ты за Гвоздевымъ, дѣдушка Василій; дрянь онъ большая. Говорилъ я тебѣ, дѣдъ, не связывайся съ нимъ, горбатаго могила исправитъ". Старикъ поспѣшно шелъ, не отвѣчая ни слова. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и увидалъ Ивана Гвоздева, лежащаго на дорогѣ. Должно быть судорога схватила его, потому что земля подъ его ногами была раскопана каблуками и въ сжатой рукѣ была горсть травы, вырванной изъ земли, глаза его были закрыты, губы посинѣли.

Наташа отчаянно вскрикнула и упала на колѣни подлѣ него. Василій и Андрей звали его по имени, трясли его за плеча, но напрасно! не было ни малѣйшаго отвѣта.

— „Разстягни ему воротъ", сказалъ старикъ. „Ему легче будетъ дышать".

— „Кто тамъ", залепеталъ невѣрный голосъ изъ-за кустовъ, „убирайтесь, оставьте насъ въ покоѣ".

„Это Филиппъ", съ досадой прошепталъ Андрей. „Негодяй, онъ всему виновникъ".

Каменьщикъ приподнялся, уперся локтемъ и съ насмѣшливой улыбкой поглядѣлъ вокругъ.

— „Да, да", бормоталъ онъ, „зовите его! Онъ прежде завтрашняго дня не придетъ въ себя, вѣрьте моему слову. Дуракъ также, со мной въ перегонку захотѣлъ пить! Я десятокъ этакихъ перепью... А, Скопи-грошъ, т. е. дядюшка Василій, хотѣлъ я сказать, это ты тутъ. Вишь, хитрецъ, ты платилъ по понедѣльникамъ, чтобъ птичка въ праздникъ не улетѣла; а все-жъ не усмотрѣлъ. Деньги-то были въ шкатулкѣ..."

Крикъ ужаса вырвался у Наташи и у Андрея.

„Это отвратительно", вскричалъ юноша. „Наташины деньги! О безсердечный отецъ. Видно Богъ тебя проклялъ!"

Дѣвушка дрожащей рукой закрыла ему ротъ.

— „Скорѣй, сказалъ отецъ, положимъ его въ телѣгу и увеземъ домой". Какой-то невольный страхъ объялъ его.

Наташа молча, въ слезахъ, слѣдила за ними.

Вдругъ, на половинѣ дороги, члены

Гвоздева задергались, глухой звукъ вырвался изъ стянутаго горла. Василій поблѣднѣлъ; онъ понялъ, что это минутное проявленіе жизни была послѣдняя судорога смерти.

Положивъ руку на голову Наташи, онъ сказалъ:

„Бѣдное дитя, помилуй тебя Богъ".

Когда они доѣхали до дому Гвоздева, тѣло его вынули изъ телѣги и положили на кровать. Дѣвушка упала на лавку изнемогая и начала горько плакать. Но старикъ взялъ ее за руку, заставилъ ее встать и сказалъ ей:

— „Не теряй времени, бѣги за фельдшеромъ, скорѣй".

Дѣвушка посмотрѣла на него, сама не понимая его словъ; но вдругъ, опомнясь, она вскрикнула: „Да, фельдшера"; и бросилась изъ избы.

Василій Кузьмичъ обернулся къ сыну и сказалъ ему мрачно:

— „Андрей, можетъ быть мы тутъ передъ мертвымъ стоимъ. Пойди къ матери, скажи ей, что Наташѣ вѣроятно сегодня ночью понадобится ея помощь".

Андрей поспѣшно вышелъ.

Тогда старикъ обернулся къ постели, сложилъ руки на груди и молча, долго глядѣлъ въ лице Гвоздева; наконецъ онъ пробормоталъ:

— „Да, люди начинающіе съ рюмочки не ожидаютъ *себѣ* такого конца; и сколькіе изъ нихъ говорятъ: я не кончу такъ; а сами начавши не могутъ больше остановиться. Бѣдная душа! можетъ быть ты уже стоишь, дрожа, передъ судомъ Божіимъ!"

Фельдшеръ прибѣжалъ, но было уже поздно. Несчастный Гвоздевъ окончилъ безвозвратно свою грѣшную жизнь и перешелъ въ другую, чтобъ отдать страшный отчетъ передъ Праведнымъ Судьей.

Горе Наташи было раздирающее.

Смерть въ такихъ обстоятельствахъ ужасна; и что же можно было сказать ей въ утѣшеніе?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, старикъ Василій согласился на бракъ своего сына съ Наташей и вся семья переселилась на полумызокъ.

Теперь когда Наташа проходитъ мимо кабака, лице ея отуманивается грустью. Когда же ея маленькій Вася съ нею, она крѣпко держитъ его за ручку, какъ будто боясь чего-то и говоритъ ему:

— „Видишь, здѣсь діаволъ ожидаетъ свою добычу! Когда онъ сдѣлаетъ изъ человѣка пьяницу, онъ сразу разрушаетъ земное счастье всей его семьи и вѣчное блаженство его души; потому что Богъ сказалъ, что:

„Пьяницы Царствія Божія не наслѣдуютъ".

Фонтанъ въ саду.

Есть двоякія врата:

широкія,	тѣсныя.

Два рода путниковъ:

многіе, любящіе міръ и его наслажденія. Забывая о Богѣ и угождая себѣ, они живутъ во грѣхахъ: лжецы, воры, прелюбодѣйцы, пьяницы, убійцы.	немногіе покаявшіеся во грѣхахъ своихъ и вѣрою принявшіе драгоцѣнный даръ Божій,— жизнь вѣчную во Христѣ Іисусѣ; живущіе праведно, цѣломудренно и благочестиво въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Два путеводителя:

Діаволъ — лжецъ.	Іисусъ Христосъ — истина.

Два пути:

Пространный, мрачный, скользкій.	Узкій, свѣтлый, тернистый.

Два рода смерти:

Во грѣхахъ.	Въ Господѣ.

Два пробужденія:

Для суда.	Для жизни вѣчной.

Двѣ вѣчности:

Вѣчность мученій въ аду, гдѣ плачь, вопль, скрежетъ зубовъ.	Вѣчная радость на небѣ, вѣчное поклоненіе и славословіе въ святости и любви.

Читатель, что ожидаетъ тебя? Если ты спишь на краю погибели, то да пробудитъ тебя милосердый Господь. Вспомни слово Его: „Входите тѣсными вратами; потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими. Тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ". (Матѳ. 7. 13, 14).

БЛАГОДАТЬ ВАМЪ И МИРЪ ОТЪ БОГА ОТЦА И ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА, КОТОРЫЙ ОТДАЛЪ СЕБЯ САМАГО ЗА ГРѢХИ НАШИ, ЧТОБЫ ИЗБАВИТЬ НАСЪ ОТЪ НАСТОЯЩАГО ЛУКАВАГО ВѢКА, ПО ВОЛѢ БОГА И ОТЦА НАШЕГО.

(Гал. 1. 3, 4)

Не теряй минуты.

Песчинки составляютъ горы; минуты составляютъ годы. Пользуйся золотыми минутами и онѣ выростутъ въ золотыя горы. Прозѣвай ихъ и діаволъ ими воспользуется, чтобы соблазнить тебя.

Условія подписки: „Русскій Рабочій" выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Августа 1878 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 8. 1878 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 4-й.

Смерть Іоанна Крестителя.

Послушай, читатель, эту по истинѣ плачевную исторію.

На западномъ склонѣ горы Небо̀, коей скалистые обрывы упираются въ волны содержалъ Іоанна Крестителя въ подземныхъ тюрьмахъ крѣпости, и тамъ же дошелъ до него слухъ о необыкновенныхъ чудесахъ, совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ. Быть можетъ, онъ узналъ объ нихъ изъ устъ тѣхъ самыхъ апостоловъ, съ которыми онъ въ то время воевалъ, разбили его войска. И вотъ причина его тревоги. Онъ велѣлъ казнить Іоанна и теперь спрашивалъ себя: кто же этотъ новый пророкъ? не воскресилъ ли Богъ обезглавленнаго имъ святого мужа? Нѣвидовъ, Мессія, Царь Помазанный, обѣтованный въ писаніяхъ. Но при этомъ всетаки обитатели Махеронта, какъ многіе свѣтскіе люди, говорили о религіи, ничего почти о ней непонимая.

Святой Лука, упоминающій о заклю-

Іоаннъ Креститель, взывающій: „Се агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра!“

Мертваго моря, Иродъ четверовластникъ велѣлъ выстроить дворецъ, окруженный укрѣпленіями; онъ отличался чрезвычайнымъ великолѣпіемъ и назывался Махеронтъ. Тамъ проводилъ иногда время этотъ развращенный государь, который кои посланы были на первое благовѣстіе, но, какъ бы то ни было, услышавъ о происходящемъ, сынъ Великаго Ирода впалъ въ крайнее смятеніе. Онъ вѣроятно былъ-бы не настолько озадаченъ, если бы пришли ему сказать, что арабы, которые изъ окружавшихъ его убѣждены были, что дѣйствительно пришелъ Илія; другіе считали его однимъ изъ древнихъ пророковъ. Понятно, что Ироду, сыну похитителя престола, никто не смѣлъ въ глаза сказать: это Сынъ Даченіи Іоанна Крестителя предварительно, не разсказываетъ его кончины; но мы находимъ о ней подробное повѣствованіе у двухъ другихъ евангелистовъ. Отъ нихъ мы узнаемъ также честную и чистую благородную причину, вызвавшую

преслѣдованіе, коего жертвою сдѣлался этотъ великій служитель Божій. Іоаннъ, распространяя повсюду свое благовѣстіе, предуспѣлъ проповѣдывать даже въ Иродовомъ дворцѣ. Сынъ Ирода Великаго, Иродъ, прозванный Антипою, не былъ въ существѣ, что свѣтъ называетъ злымъ человѣкомъ; но онъ жилъ для удовольствія и не отказывалъ своему плотскому сердцу ни въ какомъ утѣшеніи. Онъ былъ женатъ на дочери царя Ареты, когда полюбилъ вдвойнѣ преступною страстью женщину, получившую печальную славу. Братъ его, Ирода-Антипы, Иродъ-Филиппъ женатъ былъ на своей племянницѣ Иродіадѣ, дочери Аристовула, третьяго сына Ирода Великаго. Иродъ-Антипа, чтобы сдѣлаться мужемъ своей племянницы и въ то же время невѣстки, развелся съ дочерью Ареты (отъ того война съ арабами) и похитилъ у Филиппа жену, имѣвшую уже отъ послѣдняго дочь Саломею.

Семейство Иродовъ, по правдѣ сказать, было жалкое семейство! Строгое слово Іоанна Крестителя не могло быть обращено болѣе кстати, ни встрѣтить сердецъ менѣе расположенныхъ его слушать. Антипа однако, болѣе легкомысленный нежели развращенный, (и какъ много такихъ людей!) не оттолкнулъ сразу великаго Божьяго служителя, почитаемаго всѣмъ народомъ. Совѣсть его была не вовсе неприступна; онъ слушалъ Іоанна съ удовольствіемъ; многое дѣлалъ по его совѣту, и, когда нибудь, быть можетъ, увлеченный этимъ могущественнымъ гласомъ, онъ тоже невольно спросилъ Іоанна: „Что же мнѣ дѣлать?" Сынъ Захаріи всегда съ твердостью требовавшій, въ свидѣтельство искренности покаянія, немедленнаго исполненія ближайшихъ обязанностей, не колеблясь отвѣчалъ Ироду, что онъ долженъ разорвать преступную связь съ женою своего брата.

Иродіада вскорѣ узнала, и вѣроятно изъ устъ самого царя, о томъ, что Іоаннъ осмѣлился ему предложить. Эта несчастная женщина, будучи свирѣпѣе и страстнѣе Ирода, почувствовала съ той же минуты непримиримую ненависть къ пророку. Она желала бы его казнить и быть можетъ просила объ этомъ; но сдерживаемый внутреннимъ голосомъ, который въ глубинѣ повторялъ ему слова Іоанна, полный уваженія къ человѣку столь праведному и святому, удерживаемый особенно страхомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, Иродъ ограничился тѣмъ, что посадилъ посланника Божьяго въ темницу. И этого было достаточно, чтобъ показать, что онъ способенъ и на худшее, если его къ тому вынудятъ; о, какъ далеко можемъ мы зайти, увлекаемые преступною страстью, если подчинимся ея господству!

Въ преступленіи намъ дорого стоятъ лишь первые шаги, и чѣмъ несправедливѣе къ кому нибудь дѣлаетъ насъ ненависть, тѣмъ больше она растетъ и жаждетъ удовлетворенія. Съ тѣхъ поръ какъ Иродіадѣ удалось заключить въ темницу пророка, осмѣлившагося угрожать преступной страсти Ирода, она не переставала подстерегать минуты, чтобъ избавиться отъ человѣка, котораго жизнь угрожала ея существованію. Наконецъ наступилъ день, когда ненависть ея могла превратиться въ убійство.

Иродъ праздновалъ день своего рожденія; это было 29 августа; онъ праздновалъ не такъ какъ благочестивые люди, а какъ дѣлаютъ свѣтскіе люди, которые шумными пирами и всевозможными развлеченіями какъ бы нарочно усиливаются заглушить память о томъ, какъ быстро утекаютъ годы. По этому царь, какъ нѣкогда Фараонъ, давалъ великолѣпный пиръ своимъ царедворцамъ, воеводамъ и всѣмъ богатымъ и знатнымъ людямъ своей земли. Махеронтъ быть можетъ никогда не видалъ такого блеска и великолѣпія. Кушали и пили въ изобиліи, музыка услаждала слухъ гармоніями, и накопецъ призвали молодыхъ дѣвицъ, которыя пляскою дополнили чувственныя наслажденія праздника. Съ ними вѣроятно вошла и Саломея, дочь Филлипа и Иродіады, прелестная какъ мать и какъ она рано обученная опасному искуству правиться.

Царь былъ очарованъ прелестью и граціей молодой дѣвушки; гости его покрыли ее рукоплесканіями, и, упоенный счастіемъ, какъ въ мірѣ говорятъ, онъ нашелъ, что никакая награда не можетъ быть достойною тѣхъ наслажденій, коими въ ту минуту Саломея утѣшила его и весь дворъ. Поэтому онъ съ клятвою обѣщался дать ей все, чего бы она ни попросила, даже то, что и не было въ его власти; ибо получивъ царство отъ римлянъ, едва ли онъ, безъ ихъ позволенія, имѣлъ право имъ подѣлиться. Но чего не надѣлаетъ, а въ особенности чего не наговоритъ чувственный человѣкъ, который, не слушая разсудка и совѣсти, подчиняется господству однихъ чувственныхъ впечатлѣній!

Не зная какой дать отвѣтъ, молодая дѣвица бѣжитъ къ Иродіадѣ и эта не колеблясь рѣшаетъ, что она попроситъ голову Іоанна Крестителя. Въ свою очередь Саломея (до такой степени она сжилась съ страстями своей матери), нѣкоторымъ образомъ какъ будто упрекаетъ себя, что сама объ этомъ не догадалась. Съ ужасающею поспѣшностью, она возвращается къ Царю, и съ сухимъ и холоднымъ выраженіемъ говоритъ: „хочу, дай мнѣ здѣсь же на блюдѣ голову Іоанна Крестителя". Мат. XIV, 8. Марк. VI, 25. О, какъ они несчастны, эти сильные земли, что имѣютъ въ рукахъ такъ много средствъ удовлетворять своимъ страстямъ! Но сколько нищихъ и малыхъ не менѣе преступны передъ Богомъ, хотя злоба и ненависть ихъ безсильны!

„И при смѣхѣ иногда болитъ сердце, и концемъ радости бываетъ печаль" (Притч. XIV, 13) говоритъ Писаніе, разумѣя такъ называемыя свѣтскія утѣшенія. Болѣзненный опытъ этой истины сдѣлалъ Иродъ въ настоящую минуту. Этотъ государь не извергъ изъ сердца всякое доброе чувство, подобно Иродіадѣ и ея дочери; а потому опечалился отъ высказаннаго ему требованія. Но уваженіе къ человѣческому мнѣнію, страхъ людей имѣютъ ужасающее вліяніе даже на сердца царей. „По причинѣ клятвы и пировавшихъ съ нимъ" (Мат. XIV, 9.) Иродъ не осмѣлился отступиться. Онъ боялся вѣроятно, чтобъ его не упрекнули въ ханжествѣ и не насмѣялись надъ нимъ. Не говоря уже, что онъ не могъ защититься невинностью Іоанна,—тогда бы возникъ вопросъ: за что же онъ содержится въ тюрьмѣ? тутъ онъ увидалъ къ какимъ ужаснымъ преступленіямъ ведетъ первое преступленіе. По его приказанію, одинъ изъ стражей тяжелыми шагами сошелъ въ темницу, и—вскорѣ возвратился въ среду пирующихъ съ головою Іоанна на одномъ изъ тѣхъ же блюдъ, на которыхъ подавались явства.

Какой ужасъ! неправда-ли? Исторія мало разсказываетъ подобныхъ, въ этомъ нужно сознаться. Но чего бы ни одинъ историкъ не сдѣлалъ при подобномъ разсказѣ, это спокойствіе, которымъ дышетъ это повѣствованіе у нашихъ евангелистовъ. Нѣтъ ни одного слова, которое изобличало бы хотя малѣйшую страсть. Дѣло произошло такъ, какъ они говорятъ, и судъ надъ нимъ они предоставляютъ Богу; это спокойствіе еще поразительнѣе замѣчается въ ихъ дальнѣйшихъ повѣствованіяхъ. Одинъ еврейскій историкъ, *Іосифъ*, воевода, жившій въ томъ же вѣкѣ, разсказываетъ, что вскорѣ послѣ этого событія, Иродъ проигралъ большое сраженіе съ арабами и народъ, исполненный благоговѣнія къ памяти Іоанна, приписалъ это несчастіе суду Божію.

Вотъ какимъ образомъ умеръ Предтеча Мессіи, котораго можно было бы назвать Авелемъ Новаго Завѣта, если бы самъ Іисусъ Христосъ не былъ имъ еще въ большей степени; овца посреди волковъ; свидѣтель и мученикъ за Искупителя до послѣдняго вздоха, какъ онъ былъ имъ еще и до рожденія. Подобная смерть должна была служить серьезнымъ предупрежденіемъ ученикамъ Христовымъ; многіе изъ нихъ могли подвергнуться той же участи. Но послѣ подобныхъ событій, можно ли сомнѣваться въ будущей жизни? Можетъ-ли не быть суда, на которомъ воздастся каждому по дѣламъ его? Можно-ли думать, что Господь, праведный судья, поступитъ одинаково съ Иродомъ и съ Іоанномъ? Какъ не признать блаженнымъ этого слугу Божьяго, который въ назначенный часъ вошелъ въ свой покой; и не ужаснуться въ то же время отъ мукъ, ожидающихъ притѣснителей, преслѣдователей и живущихъ по міру?

Іоаннъ всѣми, безъ всякаго колебанія или сомнѣнія, признается святымъ; и не менѣе того, онъ не имѣлъ времени приготовиться къ смерти. Приговоръ царя какъ только произнесенъ—тотчасъ былъ исполненъ. Но сынъ Захаріи былъ готовъ къ смерти. Онъ былъ готовъ къ ней еще съ нѣжной юности, и вѣра его, совершаясь въ немъ, созрѣла и приготовила его къ небесному царству, котораго онъ былъ глашатаемъ. Если бы даже, въ темницѣ, какія либо сомнѣнія смутили его душу—она обратилась ко Христу—и съ этой минуты всякое недоумѣніе кончилось. Вотъ почему блаженъ тотъ, кто сердцемъ обращенъ къ Іисусу, и, живя въ вѣрѣ на его милосердіе, всегда готовъ преселиться, въ какую бы минуту ни призвана была его душа.

Но если сама совѣсть наша вынуждена признавать блаженнымъ скромнаго, вѣрнаго слугу, котораго голова была такъ внезапно отсѣчена въ темницѣ Махеронтскаго дворца; то можно-ли сказать тоже про этого чувственнаго царя, столь низкаго въ роковую минуту; объ этой Иродіадѣ, жестокосердой, сколько и соблазнительной, объ этой несчастной дѣвицѣ, изъ млада уже преступной? обо всѣхъ этихъ великихъ міра, за минуту оглашавшихъ радостными кликами залы царскаго мѣстопребыванія и которыхъ, въ преступномъ увеселеніи, быть можетъ лишь на мгновеніе отвлекъ столь прискорбный эпизодъ? По истинѣ, значитъ, справедливо, что счастіе не тамъ гдѣ столь многіе грѣшники и такъ упорно его ищутъ! Правда, смерть Іоанна и учениковъ его исполнила горемъ и слезами; положивъ тѣло его въ гробъ и похоронивъ его, они должны были идти въ Галилею искать утѣшенія у Спасителя; самъ Іисусъ, по человѣческому сердцу, былъ опечаленъ этимъ событіемъ (Мат. XIV, 13); но кто осмѣлится сравнить происходившее въ душахъ ихъ съ бурею въ Иродовой душѣ. Мучимый угрызеніями, онъ думалъ и боялся, когда ему говорили про Іисуса, чтобы это не былъ воскресшій Іоаннъ. Чтобы увѣриться онъ желалъ видѣть Господа, но это не было ему дано такъ скоро...

Въ основу великолѣпныхъ зданій, въ землю, глубоко кладутъ гранитныя массы; онѣ не видны, но составляютъ всю прочность зданія. Богу угодно было, въ фундаментъ своей величественной всемірной церкви, однимъ изъ гранитовъ положить Іоанна,—и незыблемо стоитъ и будетъ стоять Святое зданіе.

Исполнившій свое званіе, великій въ царствѣ Божіемъ Предтеча, помолись и о насъ грѣшныхъ, немогшихъ исполнить нашего призванія!

Копейка рубль бережетъ,
Рубль голову стережетъ.

Пословица.

— Скажи-ка, братъ, говорилъ одинъ рабочій другому, возвращаясь домой съ фабрики: — какъ это ты справляешься? Ѣдите вы сытно, семья твоя и ты хорошо одѣты, да кромѣ того, у васъ еще есть и сбереженія въ сберегательной кассѣ. У меня и жалованье одинаковое съ тобой, и дѣтей немного, а я едва свожу концы съ концами.

— „Сказать тебѣ, въ чемъ секретъ?" отвѣчалъ товарищъ: — „я дорожу каждой копейкой"!

— Можетъ-ли это быть? Да неужели въ этомъ только вся сила?

— „Извѣстное дѣло, въ этомъ! Изъ пятидесяти человѣкъ ни одинъ не знаетъ этого секрета, начиная съ тебя, Петруха".

— Какъ такъ? Разсказывай, братъ, я послушаю твоихъ премудростей?

— „Ну, ужь коли ты объ этомъ просишь", заговорилъ Павелъ:—„такъ я тебѣ всю правду выгрохаю; смотри не обижайся, если я, что лишнее скажу. Начать съ того, что я ничего не трачу ни на вино, ни на пиво".

— Ничего? Значитъ, свой карманъ бережешь, а пьешь на счетъ сосѣда?

„Никогда! Я пью чистую воду, которая мнѣ ничего не стоитъ. Старинная пословица гласитъ: пьяницамъ завтрашній день всегда тяжело отзывается. А у меня ни голова съ похмѣлья не болитъ, ни руки не трясутся, да и копейки остаются цѣлы. Тотъ, кто пьетъ чистую воду, рѣдко бываетъ боленъ, долговъ не наживаетъ и жену вдовой не оставляетъ. Кромѣ того, не тратя ничего на пиво, много сбережешь денегъ, почти 1 рубль въ недѣлю или 50 руб. въ годъ. На эти-то 50 руб. я и одѣваю себя и дѣтей, тогда какъ у тебя локти прорваны, а ребятишки босые“.

— Ну, полно, полно! Ишь куда метнулъ! вѣдь не пьяница же я, въ самомъ дѣлѣ. Правда, я выпиваю, отъ времени до времени, свои полштофа водки, но все-таки не трачу на это 1 руб. въ недѣлю. Вотъ выдумалъ!

— „Хорошо; кайся же мнѣ, сколько ты пропилъ въ послѣднюю субботу вечеромъ? Говори, не скрывай“.

— Постой, дай вспомнить. Выпилъ я полштофа съ Ѳедюхой, да полштофа съ Ванькой, что ѣдетъ на родину, и послѣ того сейчасъ-же ушелъ домой.

„Ладно, теперь сосчитай, сколько чарокъ водки вы кромѣ того выпили?“

— Ну, какъ я это сосчитаю? Я забылъ, да это, братъ, все вздоръ и пустяки!

„Нѣтъ, не вздоръ. Ты говоришь, что самъ не знаешь, сколько у тебя вышло на питье, и я тебѣ вѣрю; но отъ того-то именно твои копейки и улетаютъ“.

— А-а! такъ вотъ въ чемъ твой секретъ!

„Конечно. Дорожи каждой копейкой, и больше ничего. Я ихъ берегу, поэтому и не нуждаюсь никогда, какъ ты. Штука-то вѣдь самая простая, не правда-ли?“

— Проста-то она проста, да это не отвѣтъ на мой вопросъ.

„Какъ не отвѣтъ? Ты меня спросилъ, какъ я оборачиваюсь съ своимъ жалованьемъ. Я содержу себя и семью, да еще откладываю деньги въ сберегательную кассу, тогда какъ ты, получая тоже, что и я, едва сводишь концы съ концами. Деньги даютъ человѣку независимость, но, чтобы нажить ихъ, надо сберегать копейки. Эти копѣйки такъ трудно достаются мнѣ, — равно какъ и тебѣ, — что у меня духу не хватитъ истратить хоть одну изъ нихъ на питье, когда я знаю, что могу присоединить ее къ прочимъ, также трудно заработаннымъ копѣйкамъ, лежащимъ на храненіи въ сберегательной кассѣ, про черный день. Вотъ тебѣ и отвѣтъ, Петруха. Я споконъ при мысли, что, чтобы со мной ни случилось, мнѣ не придется идти просить милостыню и поступать въ заработки; сберегая свои копѣйки, я чувствую себя свободнымъ человѣкомъ. Человѣкъ въ долгу, безъ отложенныхъ про запасъ денегъ, хуже, чѣмъ рабъ“.

— Однако-же, если бы мы, рабочіе, пользовались какими-нибудь привиллегіями, намъ бы не такъ тяжело жилось на свѣтѣ, какъ теперь.

„Что ты толкуешь, Петруха! получи ты какія хочешь преимущества хоть завтра, развѣ они вернули бы тебѣ въ карманъ истраченныя уже деньги? Купили ли бы они башмаки и чулки твоимъ дѣтямъ, если бы ты продолжалъ изводить на пиво всѣ свои деньги? Сдѣлали-ли бы они твою жену бережливѣе, а домашній очагъ чище? Вымыли-ли бы они твоихъ ребятишекъ и зашили-ли бы дыры на ихъ одеждѣ? Нѣтъ, нѣтъ, пріятель! Преимущества — преимуществами, а привычки — привычками; мы должны сами измѣниться, сами отвыкнуть отъ дурныхъ наклонностей. Намъ надо употреблять все стараніе, чтобы сдѣлаться независимыми, самостоятельными людьми, а для этого одно средство — перемѣнить свое поведеніе. Однако, покойной ночи, Петруха! Помни мой секретъ, береги копѣйки, а рубли уже сами собою соберутся“.

— Прощай, отвѣтилъ Петръ, и повернулъ за уголъ переулка, въ какое-то грязное, низенькое зданіе. —

Трудно себѣ представить, чтобы за одну копѣйку въ сутки, можно было бы получить, что нибудь цѣнное. А между тѣмъ, мы можемъ очень легко доказать, какое громадное значеніе имѣетъ въ жизни человѣка эта мелкая, повидимому ничтожная мѣдная монета.

Смайльсъ въ своей замѣчательной книгѣ „Бережливость“, изъ которой мы заимствуемъ нѣкоторыя выписки, и которую мы очень рекомендуемъ нашимъ читателямъ прочесть, — между прочимъ говоритъ: въ Англіи существуютъ банки и страховыя общества, которыя даютъ поразительные результаты. Отецъ семейства 31-го года, внося въ общество 1 пенни. ($2\frac{1}{2}$ коп.) въ сутки, обезпечиваетъ для жены и дѣтей сумму въ 60 ф. (около 450 р.), которую имъ выдадутъ послѣ его смерти, если бы даже онъ умеръ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, или въ концѣ перваго года. Но пенни получаетъ громадное значеніе въ томъ случаѣ, когда цѣлая семья, соединяя свои скромныя сбереженія, дѣлаетъ взносы въ общество на правахъ взаимнаго страхованія; тогда смертью каждаго лица обезпечивается благосостояніе оставшихся въ живыхъ.

За одну копѣйку въ сутки, мужчина или женщина, могутъ обезпечить себѣ ежегодный доходъ до 200 р. до самой смерти послѣ того, какъ имъ минетъ шестьдесятъ пять лѣтъ.

За одну копѣйку въ сутки (взносы должны начаться со дня рожденія ребенка) родители могутъ обезпечить своему ребенку сумму въ 100 р., которую онъ получитъ, когда ребенку минетъ 14 лѣтъ.

За одну копѣйку въ сутки, вносимую родителями до тѣхъ поръ пока, ихъ сыну или дочери не минетъ двадцати одного года, обезпечивается сумма около 300 руб., съ которой легко начать какое-нибудь небольшое предпріятіе или основать хозяйство.

Таково могущество одной копѣйки въ сутки! Можно-ли было этого ожидать? А между тѣмъ, это истинная правда; стоитъ только положить одну копѣйку въ сберегательную кассу, и хотя она медленно будетъ увеличиваться, но все-таки принесетъ вамъ барышъ.

У насъ существуютъ *Сберегательныя кассы*; желательно, чтобы такіе полезные банки, а также страховыя общества учреждаемы были въ волостяхъ и прибольшихъ фабрикахъ. Совѣтуемъ читателямъ обратить вниманіе на слѣдующее извлеченіе изъ Устава Городскихъ Сберегательныхъ Кассъ.

Извлеченіе изъ Устава

О ГОРОДСКИХЪ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХЪ КАССАХЪ.

(Высочайше утвержденнаго 16 октября 1862 года, съ измѣненіями, послѣдовавшими 19 октября 1864 года).

I. Городскія Сберегательныя Кассы имѣютъ цѣлью пріемъ небольшихъ суммъ на сохраненіе, съ приращеніемъ процентовъ, для доставленія чрезъ то недостаточнымъ всякаго званія людямъ средствъ къ сбереженію, вѣрнымъ и выгоднымъ образомъ, малыхъ остатковъ отъ ихъ расходовъ, въ запасъ на будущія надобности. Кассы сіи разрѣшается учреждать во всѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, состоящихъ на городовомъ положеніи (ст. 1 Уст.).

II. Городскія Сберегательныя Кассы открываются или при Уѣздныхъ Казначействахъ, или при Городскихъ Думахъ и Ратушахъ, или при Городскихъ общественныхъ Банкахъ, смотря потому, гдѣ признается удобнѣе, и состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи особаго Совѣта (ст. 4), подъ главнымъ вѣдѣніемъ Государственнаго Банка (ст. 2. Уст.).

III. Сберегательная Касса открывается не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, по крайней мѣрѣ въ продолженіи трехъ часовъ, въ томъ числѣ одинъ разъ въ Воскресенье послѣ обѣдни, а въ другіе дни предпочтительно въ вечерніе часы, т. е. въ такое время, когда рабочій классъ наиболѣе свободенъ (ст. 7 Уст.).

IV. Въ дни пріема и возврата вклада, сверхъ Кассира и Бухгалтера, присутствуетъ въ Кассѣ по крайней мѣрѣ одинъ изъ членовъ Совѣта, по очереди или по общему ихъ соглашенію (ст. 8 Уст.).

V. Въ Городской Сберегательной Кассѣ принимаются вклады не менѣе *двадцати пяти копѣекъ* и не болѣе *пятидесяти рублей* въ одинъ разъ; общая же сумма вкладовъ отъ одного лица не должна превышать *тысячи рублей*. На первый принятый вкладъ выдается книжка, въ которой записываются потомъ всѣ поступающіе вклады и отмѣчаются выдачи денегъ вкладчикамъ. Болѣе одной книжки на одно лицо выдаваемо быть не можетъ (ст. 9 Уст.).

VI. Отъ вкладчика, вносящаго въ первый разъ деньги, отбирается показаніе объ имени, отчествѣ, фамиліи или прозваніи, званіи и мѣстѣ постояннаго жительства или припискѣ того лица, на имя котораго вносятся деньги (ст. 10 Уст.).

VII. Пріемъ денегъ и выдача книжки непремѣнно оканчиваются въ одинъ день (ст. 11 Уст.).

VIII. Вкладчики неграмотные могутъ чрезъ постороннихъ, читать умѣющихъ, удостовѣряться въ самой Сберегательной Кассѣ, та ли сумма дѣйствительно записана въ книжку, которая внесена или обратно получена (ст. 12 Уст.).

IX. Деньги по книжкѣ возвращаются изъ Сберегательной Кассы никому иному, какъ только самому владѣльцу оной, или, по смерти его, наслѣдникамъ (ст. 15), и не иначе, какъ по предъявленіи книжки лично, или съ письменнымъ на то довѣріемъ, удостовѣреннымъ мѣстною полиціею, или мировымъ посредникомъ, или волостнымъ начальствомъ, если вкладчики или наслѣдники ихъ принадлежатъ къ крестьянскому сословію (ст. 13 Уст.).

X. На семъ же основаніи разрѣшается родителямъ и опекунамъ вносить капиталы на имя малолѣтныхъ до совершеннолѣтія сихъ послѣднихъ. Внесенные капиталы съ процентами выдаются обратно никому иному, какъ только родителямъ, или опекунамъ малолѣтныхъ, или самимъ малолѣтнымъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, по предъявленіи книжки и письменнаго удостовѣренія въ личности ихъ, выданнаго полиціею или мировымъ посредникомъ, или волостнымъ начальствомъ (ст. 14 Уст.).

XI. Въ случаѣ смерти вкладчика, капиталы и проценты уплачиваются законнымъ наслѣдникамъ, по предъявленіи книжки на вкладъ и по представленіи, сверхъ удостовѣренія въ личности, свидѣтельства судебнаго мѣста о правѣ на наслѣдство, или удостовѣренія Волостнаго Правленія о наслѣдствѣ по обычаю, если вкладчикъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію. Если вкладъ внесенъ съ условіемъ выдачи на погребеніе, то такой вкладъ, при жизни вкладчика, возвращается ему, по его желанію, во всякое время, а по смерти вкладчика, сумма, назначенная имъ на его похороны, выдается немедленно по предъявленіи книжки, тому лицу, которое представитъ свидѣтельство отъ священника о смерти вкладчика и удостовѣреніе отъ полиціи въ томъ, что именно это лицо хоронитъ или похоронило вкладчика, и въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ самимъ вкладчикомъ будетъ опредѣлена сумма на погребеніе. Если же, при внесеніи вкладовъ, размѣръ суммы на погребеніе не былъ вкладчикомъ предназначенъ, то выдается на сей предметъ не свыше *ста рублей*. За тѣмъ уже остальныя по книжкѣ деньги выдаются законнымъ наслѣдникамъ вкладчика (ст. 15 Уст.).

XII. Въ случаѣ потери книжки, выданной на вкладъ, внесенный въ Сберегательную Кассу, выдается вкладчику новая книжка чрезъ семь дней по объявленіи имъ о томъ въ Кассѣ, или ранѣе, съ разрѣшенія члена совѣта; при чемъ вкладчикъ, лично неизвѣстный совѣту, обязанъ представить удостовѣреніе о своей личности (ст. 16 Уст.).

XIII. Вносимыя въ Сберегательныя Кассы суммы приносятъ по три процента въ годъ, начиная съ перваго числа послѣдующаго за взносомъ мѣсяца, считая всякій мѣсяцъ въ 30 дней (ст. 17 Уст.).

XIV. Проценты исчисляются на всякую внесенную сумму за полные мѣсяцы, прошедшіе до срока возврата капитала, но при удовлетвореніи вкладчиковъ, дробь менѣе копѣйки отсѣкается (ст. 18 Уст.).

XV. Неистребованные проценты причисляются къ капиталу съ процентами на оные со дня взноса вклада по 31 декабря за полные прошедшіе мѣсяцы, а за тѣмъ по прошествіи года, считая съ одного срока по всѣмъ вкладамъ, а именно съ 1 января (ст. 19 Уст.).

XVI. Вкладчикъ имѣетъ право изъ принадлежащаго ему вклада требовать возврата или всего внесеннаго капитала, или части онаго, но только при востребованіи всего внесеннаго капитала производится окончательный расчетъ и выдаются проценты за всѣ прошедшіе годы пролежанія вклада и проценты на проценты, за полные истекшіе мѣсяцы того года, въ который вкладъ вынимается (ст. 20 Уст.).

XVII. Какъ скоро по счету вкладчика капитала и процентовъ наросло 1,000 руб., то теченіе процентовъ на всю сумму прекращается, и вкладъ считается оставленнымъ въ Кассѣ на храненіе безъ дальнѣйшаго приращенія (ст. 21 Уст.).

XVIII. Владчики, коихъ капиталъ превышаетъ 100 р., въ правѣ просить Кассу о пріобрѣтеніи на оный Государственныхъ пяти - процентныхъ банковыхъ билетовъ по существующему на нихъ курсу. По требованію Кассы, билеты сіи высылаются Государственнымъ Банкомъ и хранятся въ Сберегательной Кассѣ до востребованія вкладчика (ст. 22 Уст.).

XIX. Капиталы, въ Сберегательныя Кассы внесенные, возвращаются вкладчикамъ немедленно по ихъ требованію съ тѣмъ, чтобы о суммахъ, составляющихъ съ накопившимися процентами не менѣе 100 р., Сберегательная Касса была предувѣдомлена за семь дней (ст. 23 Уст.).

XX. Если вкладчикъ желаетъ перевести вкладъ свой изъ одной Сберегательной Кассы въ другую, то подаетъ письменное о томъ объявленіе начальству Кассы, съ представленіемъ книжки, по которой выводится балансъ. Касса, въ которую вкладъ былъ внесенъ, отчисливъ изъ онаго $\frac{1}{4}$% коммисіи за переводъ денегъ, выдаетъ вкладчику, оставляя книжку у себя, ассигновку на указанную имъ Сберегательную Кассу и сносится съ сею послѣднею объ открытіи ею счета вкладчику и выдачѣ ему новой книжки взамѣнъ ассигновки. О таковомъ переводѣ вклада обѣ Кассы, какъ переведшая, такъ и принявшая вкладъ, доводятъ до свѣдѣнія Государственнаго Банка (ст. 24 Уст.).

Въ С.-Петербургѣ: Сберегательная Касса находится, по Большой Садовой улицѣ, въ зданіи Государственнаго Банка, въ павильонѣ. Принимаетъ и возвращаетъ вклады по *Воскресеньямъ, Вторникамъ, Середамъ* и *Четвергамъ* отъ 10 час. утра до 2 час. пополудни; а по *Субботамъ* вечеромъ отъ 5 до 8 часовъ открыта только для пріема вкладовъ.

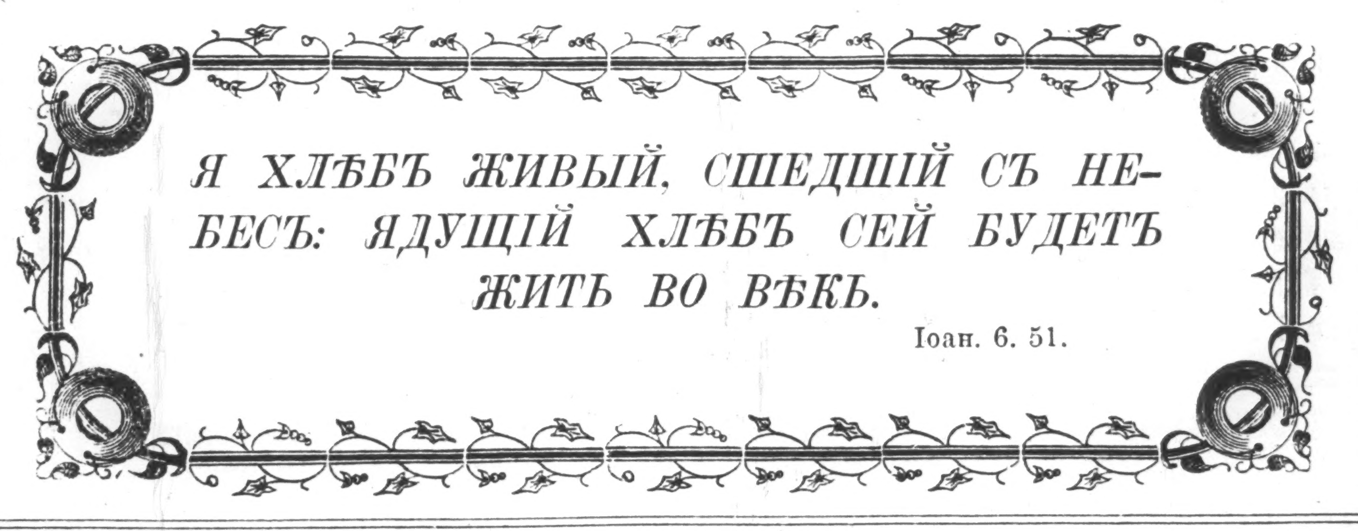
Пальмы..

Отдѣленія Сберегательной Кассы: на Васильевскомъ Островѣ, по Кадетской линіи, въ д. Шувалова, № 17. Принимаетъ и возвращаетъ вклады по *Воскресеньямъ, Средамъ* и *Четвергамъ* отъ 10 до 1 ч. дня, и по *Вторникамъ* и *Субботамъ* отъ 5 до 8 час. вечера. Въ Коломнѣ, на углу Большой Садовой и Покровской площади, въ д. Кудрявцева, № 89. Принимаетъ и возвращаетъ вклады по *Воскресеньямъ* и *Середамъ* отъ 10 до 1 час. дня и по *Пятницамъ* отъ 5 до 8 ч. вечера. На Пескахъ, на углу 6-й и Дегтярной ул., въ д. Ѳедорова, №№ 18/23, противъ церкви Рождества. Принимаетъ и возвращаетъ вклады по *Воскресеньямъ* и *Средамъ* отъ 10 до 1 ч. дня и по *Пятницамъ* отъ 5 до 8 час. вечера. Въ Ямской, на углу Николаевской и Разъѣзжей ул., въ д. Праслова, №№ 54/37. Принимаетъ и возвращаетъ вклады по *Воскресеньямъ* и *Четвергамъ* отъ 10 до 1 ч. дня и по *Вторникамъ* отъ 5 до 8 ч. вечера. На Выборгской сторонѣ, по Сампсоньевскому просп., въ д. Ѳедорова, № 8. Принимаетъ и возвращаетъ вклады по *Воскресеньямъ, Средамъ* и *Пятницамъ* отъ 10 до 1 ч. дня. По Шлиссельбургскому тракту, на 9-й вер. стѣ, въ д. Корнилова № 65. Принимаетъ и возвращаетъ вклады по *Воскресеньямъ* отъ 10 ч. до 1 ч. дня и по *Субботамъ* отъ 5 ч. до 8 ч. вечера.

Управленіе Кассы отвѣчаетъ за вклады, которые внесены въ помѣщеніяхъ самой Кассы и Отдѣленій, во время присутствія, т. е. въ дни и часы для того назначенные, и при томъ сданы на руки кассиру или его помощнику за указаннымъ столомъ.

Служащіе въ Кассѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ брать на себя порученія отъ вкладчиковъ для взноса новыхъ суммъ или вообще для какихъ бы то ни было операцій.

Вкладчики, по желанію, могутъ оставлять свои книжки на храненіи въ Кассѣ, удерживая у себя квитанцію въ пріемѣ взноса или въ выдачѣ. Книжки, оставшіяся на храненіи, возвращаются вкладчику во всякое время по предъявленіи квитанціи.

Я ХЛѢБЪ ЖИВЫЙ, СШЕДШІЙ СЪ НЕБЕСЪ: ЯДУЩІЙ ХЛѢБЪ СЕЙ БУДЕТЪ ЖИТЬ ВО ВѢКЪ.

Іоан. 6. 51.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Августа 1878 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 9. 1878 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 4-й.

Вѣсть, принесенная волнами.

Красивый англійскій корабль „Слава“ благополучно выступилъ изъ гавани и отправился въ море, при самой благопріятной погодѣ. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ поднялась страшная буря. Волны съ бѣшенствомъ разбивались о корабль, такъ что бока его за трещали отъ напора. Матросы кинулись къ насосамъ, но не успѣвали выкачивать воду. Корабль боролся съ трудомъ и надежда на спасеніе слабѣла. Вдали отъ родины, вдали отъ пристани „Слава“ должна погибнуть. Капитанъ и всѣ матросы утомились, руки ихъ ослабѣли; они знаютъ, что часы ихъ сочтены. Но вотъ, посреди шума, вѣтра и ревущихъ волнъ съ корабля несется стройное пѣніе, слово молитвы и благодаренія Богу, который спасаетъ отъ вѣчной смерти всѣхъ, съ вѣрою прибѣгающихъ къ Спасителю міра,—Христу. Ни капитанъ, ни его матросы не боятся смерти, они познали любовь Божію, познали Христа за нихъ и за всѣхъ распятаго, и ждутъ мужественно перехода изъ жизни въ вѣчность. Окончивъ молитву, капитанъ сошелъ въ каюту и написалъ на клочкѣ бумаги слѣдующее:

Октября 9-го въ морѣ.

„Милая жена моя, когда ты получишь эти строки, я буду у Бога. Насъ съ минуты на минуту ожидаетъ крушеніе; насосы засорены, вся „Слава“ превратилась въ обломокъ. Но благодаря милосердію Божію, мы всѣ покорны Его волѣ и ожидаемъ смерти спокойно, уповая на драгоцѣнную кровь нашего Искупителя. Оставляю тебя и дѣтей въ рукахъ Отца Небеснаго, который печется о васъ. Увидимся на небѣ, у престола любви и милосердія“. Подписавъ эти строки своимъ именемъ, капитанъ положилъ бумажку въ бутылку и бросилъ въ море. Черезъ минуту корабль утонулъ. Но вѣсть посланная по волнамъ достигла своего назначенія. Бутылку выбросило на островъ Ютландію, откуда письмо было переслано въ Англію.

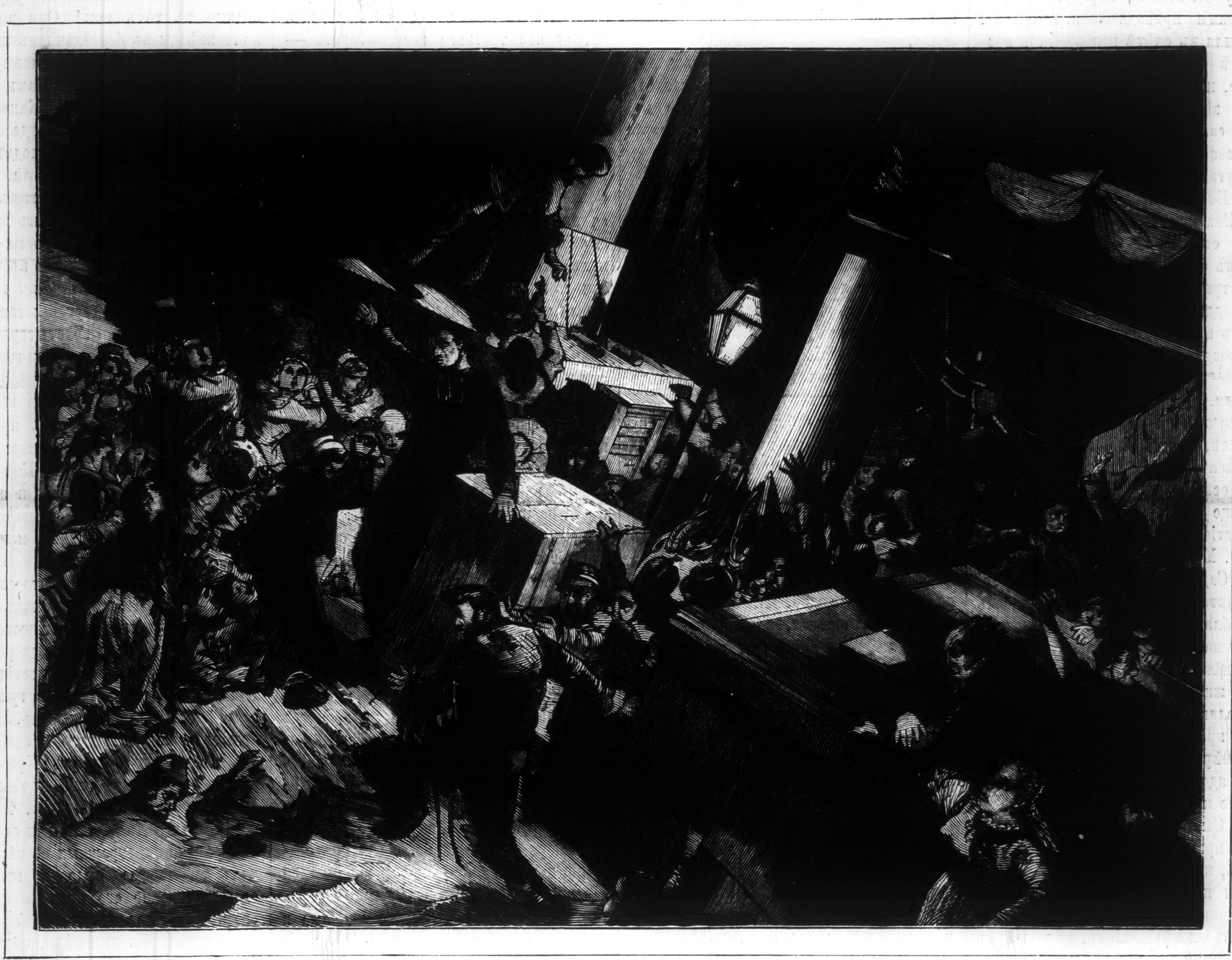
Читатель, громче бури и волнъ звучитъ въ ушахъ твоихъ голосъ Божій, голосъ Христа: „Будьте готовы!“ Готовъ ли ты встрѣтить Бога и предстать предъ Нимъ, какъ были готовы эти погибшіе въ волнахъ люди?

Невѣрующій человѣкъ, не завидны ли тебѣ это спокойствіе въ смерти, эта твердая вѣра? Эти люди уповали на Христа, Котораго ты отрицаешь и отвергаешь.—Обратись къ Нему и Онъ приметъ тебя.

Легкомысленный человѣкъ пробудись, бѣги отъ грядущаго гнѣва. Вспомни слова Христа: „если не покаетесь, всѣ также погибнете“ (Луки 13. 3.) Одумайся и ищи спасенія.

Вы, называющіе себя христіанами, но утратившіе силу вѣры, наружное благочестіе не поможетъ вамъ въ минуту смерти. Живете ли вы вѣрою во Христа? Капитанъ корабля „Слава“ умеръ, какъ и жилъ, живымъ христіаниномъ. Онъ и въ жизни служилъ Христу, говорилъ про Него другимъ, но не одно слово его не было такъ сильно, какъ вѣсть, посланная по волнамъ бурнаго моря.

Въ тотъ день, когда море отдастъ мертвыхъ своихъ, капитанъ и его матросы будутъ стоять предъ Престоломъ Божіимъ свидѣтелями силы Іисуса, спасающей отъ смерти вѣчной. Дай Богъ, чтобы вѣсть, принесенная волнами пробудила и васъ искать Царства Небеснаго и правды Его, тогда и въ вашей душѣ будетъ миръ и побѣда надъ страхомъ смерти.

БЛАГОДАРЕНІЕ БОГУ, СПАСАЮЩЕМУ ОТЪ ВѢЧНОЙ СМЕРТИ.

Пшеница или солома?

«Лопата Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно Свое, и соберетъ пшеницу Свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасаемымъ». Мѳ. 3. 12.

Слова эти были сказаны Іоанномъ Крестителемъ. Они заключаютъ пророчество, которое до сихъ поръ еще не исполнилось; но оно исполнится въ свое время и быть можетъ, очень скоро.

Великимъ истинамъ научаетъ насъ это пророчество Іоанново; разсмотримъ же ихъ со вниманіемъ, и быть можетъ, краткій и простой вопросъ предложенный въ заглавіи всѣмъ и каждому, хотя для нѣкоторыхъ будетъ „словомъ вовремя, умудряющимъ во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса“.—2 Тим. 4, 2 и 3, 15.

1. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что слово это во всемъ мірѣ дѣлитъ всѣхъ людей только на двое: однихъ называетъ пшеницей, другихъ соломой.

По людскому сужденію раздѣленій на свѣтѣ несравненно больше, потому что люди судятъ по наружности, которая часто бываетъ обманчива. Но глазъ Божій смотритъ на сердце и видя всѣ тайны его, Богъ и дѣлитъ всѣхъ людей только на два рода: тѣхъ, которыхъ Слово Бо-

жіе называетъ пшеницей и тѣхъ, которыхъ оно называетъ соломой.

Кто же составляетъ пшеницу?—Это всѣ вѣрующіе въ Господа Іисуса Христа,—всѣ водящіеся Духомъ Божіимъ, всѣ, признающіе себя грѣшниками недостойными и укрывающіеся въ скалѣ спасенія Евангельскаго,—всѣ сердцемъ любящіе Іисуса Христа, живущіе въ Немъ и для него, служащіе Ему, на Его Единаго уповающіе, всѣ руководящіеся Св. Писаніемъ, ненавидящіе грѣхъ и дѣлающіе добро, взирающіе на Горнюю Обитель, какъ на родное свое Отечество и родной свой домъ. Всѣ подобные люди, къ какому бы званію, народу, языку и племени они не принадлежали, какого бы они ни были въ свѣтѣ положенія и возраста, всѣ они составляютъ то великое отдѣленіе, которое названо пшеницей.— Всѣ они, хотя грѣшные, слабые и ничтожные сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе они составляютъ драгоцѣнную часть человѣчества. Они сыны и дщери Всевышняго Бога, сокровище Сына Божія, обитель Святаго Духа. Отецъ Небесный смотритъ съ высоты Святыя Своея съ отеческимъ благоволеніемъ, Іисусъ Христосъ смотритъ на нихъ съ довольствомъ, какъ на подвигъ души своей; Духъ Святый видитъ въ нихъ духовный Храмъ, Имъ Самимъ воздвигнутый, и радуется о нихъ. Словомъ,—они въ очахъ Божіихъ пшеница земли.

Кто же солома? Подъ соломою разумѣются всѣ, не имѣющіе живой, сердечной и спасительной вѣры въ Іисуса Христа и не освященные Духомъ Святымъ, всѣ вообще невѣрующіе; равно какъ и всѣ Христіане, по имени только, а не по жизни. Между ними найдутся и глумящіеся Саддукеи и надменные Фарисеи,—исполнители внѣшнихъ обрядовъ, безъ вѣры и благочестія и легкомысленные любители наслажденій и благъ міра сего. Всѣ неимѣющіе въ душѣ этихъ двухъ отличій: живой вѣры и освященія, всѣ тѣ составляютъ солому, начиная съ открытыхъ проповѣдниковъ невѣрія и кончая лицемѣрными исполнителями наружныхъ обрядовъ. Въ ихъ жизни не святится и не прославляется имя Божіе; они не чтутъ Сына Божія, за нихъ пострадавшаго, примирившаго ихъ съ Богомъ Творцемъ, искупившаго ихъ отъ грѣха, проклятія и смерти и даровавшаго имъ новую жизнь. Они нейдутъ по пути, указанному въ Словѣ Божіемъ, не слушаютъ Голоса Пастыря великаго, призывающаго ихъ къ Себѣ. Они не приносятъ въ дань Богу своего сердца и не служатъ ему, а потому Правосудный Богъ и не благоволитъ о нихъ. Онъ, какъ Творецъ ихъ, по Своей неизреченной любви, жалѣетъ ихъ, видя въ нихъ одну пустую солому.

У многихъ изъ нихъ есть рѣдкія способности и глубокія познанія, нѣкоторые своимъ краснорѣчіемъ вліяютъ на судьбу цѣлыхъ народовъ, но доколѣ они не покорятъ своихъ способностей волѣ Божіей послушаніемъ Евангельскому ученію, они ничто въ очахъ Божіихъ. Даже ничтожныя насѣкомыя, лучше ихъ исполняютъ свое дѣло въ мірозданіи и болѣе прославляютъ Творца Своего нежели созданія, надѣленныя высшими Богоподобными способностями, но идущія въ разладъ съ указанною въ Св. Евангеліи волею Божіею. Они по своему мудрствованію извращаютъ устроенный Богомъ порядокъ мірозданія, предпочитая временную жизнь вѣчной и бренное свое тѣло безсмертной душѣ; они или не вѣрятъ слову Евангелія, или не знаютъ его, незнаютъ, что если „весь міръ будетъ въ ихъ власти, и тогда для нихъ не будетъ никакой пользы, если они погубятъ душу свою и останутся безчувственными къ великому Дару Божію, пополняющему славословіемъ небо и землю. И доколѣ они не измѣнятъ своего воззрѣнія на жизнь, они ненужная часть человѣчества,—они солома земли.

Да, какъ бы кто не мудрствовалъ, какъ бы въ чемъ кто не заблуждался, но должны всѣ ясно видѣть, что въ очахъ Божіихъ на всемъ земномъ шарѣ только два разряда людей: пшеница и солома.

Много народовъ на земномъ шарѣ, каждый отличается отъ другихъ обычаями, нравами, языкомъ, но въ каждомъ народѣ, Богъ видитъ два рода людей: пшеницу и солому.

Много различныхъ сословій и положеній въ нашемъ отечествѣ, много различій въ состояніи и въ образованіи, но между всѣми ими Богъ видитъ только два разряда: пшеницу и солому.

Много людей собирается на молитву въ одинъ и тотъ же храмъ, посвященный Богу, кто по привычкѣ, кто по усердію, кто съ разсѣянными мыслями о земномъ, кто съ сердечной молитвой о небесномъ, но и здѣсь Господь различаетъ Свою пшеницу отъ соломы.

Многимъ не нравится это раздѣленіе на два класса людей. Имъ болѣе нравится, такъ называемая, золотая середина, они не любятъ крайностей, и потому пытаются отыскать третій классъ. Мы не хотимъ быть святыми,—избранными, говорятъ они, да и не можемъ; но мы и не невѣрующіе, мы не забываемъ нашихъ обязанностей къ Богу, но мы вѣдь живемъ съ людьми и въ свѣтѣ и не можемъ отказывать современнымъ потребностямъ свѣта. Все хорошо въ свое время и на своемъ мѣстѣ. И вотъ въ этой-то разумной, какъ полагаютъ они, серединѣ, они видятъ тотъ безопасный и умѣренный третій разрядъ людей, къ которому они и желаютъ принадлежать, но котораго не могутъ устроить и не могутъ найти его въ Словѣ Божіемъ.

По истинѣ вымышленнаго этого третьяго разряда людей никогда не было, нѣтъ и не будетъ. Онъ живетъ только въ нашемъ воображеніи, строится на время, какъ ледяной домъ, который только можетъ существовать въ суровую зиму, но придетъ благодатная весна и неоставитъ слѣда существованія его.

И въ ветхозавѣтныя, и въ нынѣшнія времена мы видимъ только два разряда людей. Во дни Ноя были только два разряда: тѣ, которые были въ Ковчегѣ и тѣ, которые были внѣ Ковчега. Два разряда упоминаются и въ Притчѣ о закинутомъ неводѣ: хорошая и худая рыба, два разряда въ притчѣ о десяти дѣвахъ, мудрыя и не разумныя: два разряда будутъ и въ день суда: овцы и козлы; двѣ стороны престола: правая и лѣвая; два мѣста, куда пойдетъ весь міръ послѣ суда: небо и адъ.

Точно также и въ видимой Церкви на землѣ только два разряда: тѣ, которые на узкомъ пути и тѣ, которые на широкомъ; тѣ, которые вѣруютъ и тѣ, которые не вѣруютъ, тѣ, которые обратились отъ суетной жизни и живутъ со Христомъ, и тѣ необращенные, которые противъ Него; тѣ, которые собираютъ со Христомъ, и тѣ, которые расточаютъ: пшеница и солома. На эти два разряда и дѣлятся всѣ люди.—Каждый изъ насъ находится въ томъ или другомъ разрядѣ, потому что третьяго несуществуетъ.— Испытаемъ же самихъ себя, сбросимъ самолюбіе, раскроемъ свое сердце предъ Богомъ, внимательно выслушаемъ Своего судію—совѣсть, и спросимъ пшеница мы, или солома? Такъ; спроси себя каждый: родился ли я свыше? Новая ли я тварь? Совлекъ ли я ветхаго человѣка и облекся ли въ новаго? Сознаю ли я грѣхи свои и раскаялся ли въ нихъ? Прибѣгнулъ ли я ко Христу, чтобы отъ Него получить прощеніе и жизнь вѣчную? Люблю ли я Христа Спасителя моего и служу ли я Ему? Ненавижу ли я грѣхъ и борюсь ли съ нимъ? Желаю ли я святости и стремлюсь ли къ ней? Люблю ли я Слово Божіе и изучаю ли его? Молюсь ли я съ вѣрою и постоянствомъ? Стараюсь ли я дѣлать добро въ мірѣ, въ моемъ призваніи, въ моей семьѣ? Выслушаемъ внимательно отвѣтъ нашей совѣсти на предложенные вопросы, отвѣтъ можетъ быть тяжелый, но лучше открыть зло и вовремя прибѣгнуть къ Великому Цѣлителю, чѣмъ жить въ невѣденіи и въ страхѣ вѣчной погибели.

Теперь разсмотримъ, въ какое время совершится это раздѣленіе человѣчества на пшеницу и солому. Стихъ Евангелія, стоящій во главѣ нашей статьи, предсказываетъ, что наступитъ день, когда Христосъ поступитъ со своей видимою Церковію, какъ земледѣлецъ съ своимъ урожаемъ. Онъ будетъ просѣивать и вѣять его. „Онъ очиститъ гумно свое", и тогда раздѣлится пшеница и солома.

Теперь еще не видно раздѣленія. Хорошіе и дурные перемѣшаны въ видимой Церкви; вѣрующіе и невѣрующіе, обращенные и необращенные, освященные и не освященные, всѣ называютъ себя Христіанами. Вмѣстѣ преклоняютъ они свои колѣна предъ Богомъ, вмѣстѣ слушаютъ Слово Его: вмѣстѣ участвуютъ и въ Трапезѣ Господней. Но, когда Христосъ придетъ, Онъ очиститъ Свою Церковь, какъ Онъ очистилъ Іерусалимскій Храмъ отъ торжниковъ. Кромѣ Христа Сердцевѣдца, никто не можетъ сказать, въ комъ есть благодать и въ комъ ея нѣтъ, чей свѣтильникъ полонъ елея и чей пустъ; Онъ Единъ Сердцевѣдецъ видитъ это и знаетъ, Кромѣ Его никто не можетъ испытать сердце людей и произвести это раздѣленіе.—Лопата не въ нашей рукѣ.—Кто бы изъ насъ не сказалъ, что Іуда такой же Апостолъ какъ и прочіе, а между тѣмъ Онъ оказался предателемъ! Кто бы не сказалъ, что Петръ послѣ своего отреченія сталъ отступникомъ, и между тѣмъ онъ раскаялся и былъ возстановленъ Господомъ. Да, мы слабые люди. Знаемъ только отчасти, едва понимаемъ свои собственныя сердца; гдѣ же намъ читать въ сердцахъ другихъ.

Но, не всегда будетъ такъ. Грядетъ Тотъ, Чье знаніе совершенно и судъ безошибоченъ. До тѣхъ поръ, пусть будетъ лучше вмѣстѣ пшеница и солома въ Церкви, нежели вмѣстѣ съ соломою, по невѣдѣнію, выбросить хотя одно зерно пшеницы. Когда же совершится это раздѣленіе, великая пропасть окажется между тѣми, которые названы пшеницей и соломой. О, какъ блаженны будутъ праведные въ тотъ день! Они возсіяютъ, какъ звѣзды въ безоблачномъ небѣ; они будутъ прекрасны, какъ полевыя лиліи, незаглушенныя терніемъ. Какъ несчастны будутъ погибающіе! Какъ велико тлѣніе и порча земли, когда возмется отъ нея соль. Какъ непроходима тьма, оставленная безъ искры свѣта. Да, недостаточно любить и уважать народъ Божій; надо принадлежать къ нему, если мы не хотимъ быть разлучены съ нимъ на вѣки. Сколько окажется въ то время несчастныхъ семействъ, изъ которыхъ: „одинъ возмется, а другой оставится".

Тотъ, кто близко знаетъ сердце вѣрующаго человѣка, тотъ понимаетъ какъ тяжело ему быть въ обществѣ дѣтей міра сего, а потому съ какимъ нетерпѣніемъ онъ долженъ ожидать пришествія Господа и молиться ежедневно: „Гряди, Господи Іисусе!" и Тотъ, Кто долженъ придти, придетъ; презрѣніе и насмѣшки прекратятся, клевета, и обиды кончатся. Господь покажетъ, кто Его, и вступится за Своихъ.

Тотъ, кто чувствуетъ, что сердце его не искренно предъ Богомъ, какъ долженъ трепетать при мысли о пришествіи Христа! Какъ ужасно жить и умереть подъ покровомъ ложнаго благочестія! Когда Христосъ будетъ очищать гумно свое, всякій явится разоблаченнымъ. Лицемѣръ можетъ обмануть друзей, сосѣдей, но онъ не можетъ обмануть Христа. Онъ найдетъ, что глазъ Божій, видѣвшій (Іис. Нав. 7., 18. 4 Царствъ 5., 27) Ахани и Гіезія, испыталъ тайны и его сердца; онъ услышитъ страшныя слова: „другъ, какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ"? Дѣло его проиграно, радость его изчезла, надежда его сонъ.—Содрогнись и раскайся лицемѣръ, пока еще не поздно.

Посмотримъ теперь, что ожидаетъ тѣхъ, которые принадлежатъ Христу. Св. Писаніе говоритъ намъ, что Христосъ соберетъ пшеницу въ житницу свою, въ мѣсто безопасности и покоя. Онъ пошлетъ Ангеловъ своихъ и соберетъ ихъ совсѣхъ концовъ земли. Онъ отдастъ мертвецовъ своихъ, а оставшіеся въ живыхъ измѣнятся. Въ этомъ собраніи найдутся всѣ безъ исключенія бѣдные грѣшники, возложившіе упованіе свое на Христа. Ни одно зерно пшеницы не пропадетъ; всѣ будутъ убраны въ житницу, прежде чѣмъ судъ Божій падетъ на нихъ.

Утѣшительно размышлять какъ Господь печется о Своихъ, хотя и половина заботъ Его сокрыта отъ глазъ нашихъ.

Безъ сомнѣнія вѣрующіе имѣютъ свои испытанія, большія и малыя: слабая плоть, соблазны міра; крестъ ихъ тяжелъ, путь узокъ, спутниковъ не много. Тѣмъ не менѣе велики ихъ утѣшенія, если только глаза ихъ не ослѣплены сомнѣніемъ. Источникъ воды подлѣ нихъ, въ пустынѣ; хотя, какъ Агарь, они часто его не видятъ. Самъ Господь подлѣ нихъ; хотя часто слезы мѣшаютъ имъ, какъ Маріи, Его видѣть.

Разсмотримъ же теперь еще какъ Господь печется о Своихъ. Онъ благоволитъ о вѣрующихъ въ Него; хотя въ собственныхъ глазахъ они черны, въ глазахъ Его, они бѣлы, какъ снѣгъ. Онъ ихъ избралъ, зная сердца ихъ. Онъ совершенно понимаетъ всѣ ихъ склонности, всю немощь ихъ, и никогда не нарушитъ своего завѣта съ ними. Если они упадутъ, Онъ воздвигнетъ ихъ, если удалятся, Онъ вернетъ ихъ. Молитвы ихъ угодны Ему; какъ отецъ любитъ первый лепетъ своего ребенка, такъ и Господь любитъ слабыя мольбы Своего народа. Онъ подкрѣпляетъ ихъ Своимъ сильнымъ ходатайствомъ и даетъ имъ силу въ небесахъ. Служеніе избранныхъ пріятно Господу. Какъ Отецъ принимаетъ съ радостію цвѣтокъ, сорванный ребенкомъ его, такъ и Господь принимаетъ даже самыя слабыя усилія служить Ему. Ни одна чаша холодной воды не потеряетъ своей награды. Ни одно слово, сказанное съ любовію, не будетъ забыто Имъ.

Господь печется о Своихъ въ этой жизни. Онъ знаетъ, гдѣ ихъ найти: „прямую улицу", гдѣ жилъ Павелъ и домъ на берегу моря, гдѣ молился Петръ. За ними со вниманіемъ слѣдятъ Ангелы, они радуются ихъ обращенію, служатъ имъ и охраняютъ ихъ. Пища ихъ особенная: потокъ Божій полонъ воды для нихъ, и хлѣбъ ихъ приготовленъ. У нихъ есть пища, которая неизвѣстна міру. У кого такое сообщество, какъ у нихъ! Духъ Святый обитаетъ съ ними; Отецъ и Сынъ приходятъ и обитель у нихъ сотворяютъ; стези ихъ направлены отъ благодати къ славѣ, гонящіе ихъ, гонятъ самаго Христа; и касающіеся ихъ касаются зѣницы Ока Его. Всѣ испытанія для нихъ измѣрены мудростію Божіею; ни одна доля горечи не примѣшана къ ихъ чашѣ, иначе, какъ для блага душъ ихъ, „Какъ Отецъ милуетъ сыновъ, такъ милуетъ Господь боящихся Его". Онъ не охотно огорчаетъ ихъ: когда они бываютъ въ горнилѣ испытанія, то для того, чтобы выйти оттуда очищенными. Если они наказываются, то для того, чтобы они усовершенствовались въ святости и приносили болѣе плода. Если они пересаживаются съ одного мѣста на другое, то это для того, чтобы цвѣтъ ихъ былъ ярче. „Все содѣйствуетъ ко благу ихъ".

Господь печется о Своихъ и въ смерти. Всѣ волосы головы ихъ сочтены; и ни одинъ не упадетъ на землю безъ воли Отца ихъ. Они оставлены на землѣ, пока дозрѣютъ и будутъ готовы къ Славѣ. Когда испытаютъ они достаточно дождя и солнца, вѣтровъ, бури, холода и зноя: когда зерно готово, тогда прилагается серпъ. Пока дѣло ихъ на землѣ не окончено смерть не коснется ихъ; никакая болѣзнь не можетъ разорить ихъ земную храмину, пока Господь не повелитъ. Тысячи падутъ одесную ихъ, но никакая язва не приблизится къ нимъ. На смертномъ одрѣ вѣчныя объятія окружаютъ ихъ, и съ послѣднимъ вздохомъ они засыпаютъ во Христѣ. И когда у другихъ людей со смертію Солнце заходитъ, для вѣрующихъ же начинается вѣчное утро. Когда другіе люди слагаютъ свои земныя почести, вѣрующій облекается въ небесныя. Смерть замыкающая врата неба для невѣрующихъ, лишенныхъ упованія, открываетъ ихъ для вѣрующаго и вводитъ его въ радость вѣчную.

И наконецъ Господь будетъ пещись о Своихъ и въ день Своего пришествія. Пожирающій огонь не коснется ихъ, труба Архангела не испугаетъ ихъ: они поднимутъ головы свои съ радостію, потому что избавленіе ихъ наступило. Во мгновеніе ока они измѣнятся и облекутся въ прекрасныя одежды: они будутъ восхищены на воздухъ въ срѣтеніе Господа. Какъ во время Потопа былъ Ковчегъ для Ноя, Зоаръ для Лота во время разрушенія Содома, и Пелло для христіанъ во время разрушенія Іерусалима, такъ и въ послѣдній день будетъ житница для пшеницы всей земли.

И такъ, ни въ какомъ случаѣ Господь не покинетъ своихъ, не оставитъ ихъ бороться въ немощи ихъ противъ грѣха, міра и Дьявола. Подумай, читатель, еслибы кому либо изъ насъ случилось присутствовать при кораблекрушеніи и ему удалось бы съ опасностію своей жизни спасти слабое тонущее въ волнахъ дитя, неужели бы онъ могъ удовольствоваться тѣмъ только, что положилъ бы его спасеннаго на берегъ? Неужели, видя его слабаго, безчувственнаго, охладѣвшаго, онъ не сдѣлалъ бы для него ничего болѣе? О, нѣтъ. Онъ бы взялъ его на руки; отнесъ бы его въ ближайшій домъ, постарался бы возбудить въ немъ теплоту и жизнь; не покинулъ бы его, пока не удостовѣрился бы въ его полномъ выздоровленіи. И можно ли думать, что Господь нашъ Христосъ сдѣлаетъ менѣе для каждаго изъ Своихъ. Можно ли думать, что Тотъ который умеръ за насъ на Крестѣ, за насъ боролся съ силами ада, сошелъ въ могилу и совершилъ наше спасеніе, допуститъ, чтобы вѣчное блаженство наше зависѣло отъ нашихъ собственно немощныхъ усилій! О, нѣтъ. Онъ совершенный Спаситель, „возлюбивъ Своихъ, Онъ до конца возлюбилъ ихъ"; тѣхъ, которыхъ Онъ омылъ Своею кровію, Онъ не покинетъ и не оставитъ. Начатое дѣло, Онъ окончитъ, всѣхъ положенныхъ въ виноградникѣ Его на землѣ, Онъ пересадитъ въ садъ райскій. Всѣхъ рожденныхъ Отъ Духа, Онъ переведетъ въ Свое Царство, всѣ явятся предъ Богомъ на Сіонѣ; всякое зерно будетъ въ житницѣ.

Разсмотримъ наконецъ, какая участь ожидаетъ тѣхъ, Кто не принадлежитъ Христу. „И сожжетъ солому огнемъ неугасимымъ". Въ пришествіе Господа страшно будетъ наказаніе тѣхъ, которые не принадлежали къ числу Его послѣдователей, не хотѣли покинуть грѣхъ и сердцемъ прилѣпились ко всему земному. Наказаніе ихъ будетъ вѣчное; вѣка пройдутъ и огонь неугаснетъ. Тяжело и грустно говорить объ этомъ, но слова эти написаны для нашего поученія; и мы не можемъ пропустить ихъ. Кто бы осмѣлился говорить объ огнѣ вѣчномъ, если бы Богъ не говорилъ о немъ? Если же Богъ говоритъ, кто дерзнетъ умолчать? Въ наше время многіе стараются не вѣрить вѣчнымъ мученіямъ. Невѣріе это проявляется въ ихъ равнодушіи: они ѣдятъ, пьютъ, спятъ, какъ будто и нѣтъ грядущаго гнѣва. Они холодно относятся къ душѣ ближняго, и не стараются вырвать головню изъ огня. Но все это обманъ діавола; все это мнѣнія людскія, а не Слово Божіе. Кто вѣритъ Слову Божію, тотъ знаетъ, что адъ существуетъ, какъ существуетъ небо, какъ существуетъ оправданіе грѣшника Крестомъ Іисуса Христа. Кто не вѣритъ одному, тотъ можетъ легко не вѣрить и всему остальному. Кто вѣритъ Слову Божію, тотъ знаетъ, что адъ не останется пустъ, что онъ наполнится всѣми забывающими Бога, предназначенными къ вѣчному наказанію. Господь Іисусъ Христосъ, возсѣдающій нынѣ на престолѣ милосердія и взывающій къ грѣшникамъ: „Пріидите ко Мнѣ", явится тогда на Престолѣ суда и скажетъ: „отъидите отъ Меня Проклятые въ огнь вѣчный". Кто вѣритъ Слову Божію, тотъ знаетъ, что будетъ въ аду страданіе вѣчное; иначе слова: „вѣчный, неугасимый, неумирающій", не имѣютъ смысла. Если адъ не вѣченъ, то и небо невѣчно, если можно избавиться отъ ада безъ вѣры во Христа и освященія духомъ, то грѣхъ уже небезконечное зло и не требовалъ бы вѣчнаго искупленія. Кто вѣритъ Слову Божію, тотъ знаетъ что объ адѣ не слѣдуетъ умалчивать. Замѣчательно, что въ Св. Писаніи всего болѣе сказано объ адѣ Самимъ Іисусомъ Христомъ, нашемъ Милосердымъ Спасителемъ и Ап. Іоанномъ, котораго сердце было переполнено любовію къ ближнимъ.

Будемъ же опасаться ложныхъ воззрѣній на этотъ важный предметъ: будемъ опасаться познавать милосердіе Божіе, не видя Его Правосудія,—взирать на любовь Его и не видѣть святости. Богъ, Который бы позволилъ злу и добру находиться рядомъ въ Царствѣ Его, не есть Богъ Св. Писанія; и небо, въ которомъ находиться будутъ безъ разбора всякіе люди, такое небо немногимъ будетъ отличаться отъ ада; вѣчная жизнь въ немъ будетъ бременемъ.

Не будемъ же мудрствовать далѣе написаннаго; не будемъ выбирать изъ книги Божіей то, что намъ нравится; какъ дѣти, принимая сладкое и отвергая горькое. Будемъ читать все и вѣрить всему, въ духѣ словъ Самуила: „Говори, Господи, ибо рабъ Твой слушаетъ".

И такъ въ заключеніе, позволь мнѣ читатель, высказать четыре мысли.

1, Все, о чемъ говорено было на этихъ страницахъ,—истинно. Пшеница, солома, раздѣленіе, житница, огонь, все это также дѣйствительно, какъ солнце, сіяющее на небѣ.

2, Все это коснется тебя. Это твое дѣло; твоя забота, твоя будущность. Объ тебѣ идетъ дѣло; и ты самъ въ эту минуту составляешь либо пшеницу, либо солому; и твоя участь будетъ или въ житницѣ, или въ огнѣ.

О, если бы ты былъ мудръ и принялъ все это къ сердцу! О, если бы ты пробудился во время, а не тогда, когда будетъ уже поздно.

3, Убѣдись твердо, что если только ты желаешь быть пшеницей, Господь Іисусъ Христосъ готовъ принять тебя. Онъ желаетъ наполнить Свою житницу и привести „многихъ сыновъ къ славѣ". Онъ плакалъ о невѣрномъ Іерусалимѣ; Онъ сокрушается о всѣхъ невѣрныхъ и легкомысленныхъ нашего времени. Онъ зоветъ Тебя сегодня и завѣряетъ тебя, что не хочетъ смерти беззаконника; а того, чтобы онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ. „Обратись же ты къ Нему сегодня, съ молитвою покаянія, безъ отлагательства, прежде, чѣмъ зайдетъ солнце, въ эту ночь. Если же ты рѣшился держаться за міръ и его преходящія радости; если ты не хочешь отдаться Христу и взять иго Его, то рано или поздно, ты будешь въ огнѣ неугасимомъ.

4, Если ты поручилъ душу свою Христу, Онъ недопуститъ ее погибнуть. Таже Рука, Которая пригвождена была ко Кресту, поддерживаетъ тебя. Мудрость, создавшая Небо и землю печется о тебѣ. Силы Божія на твоей сторонѣ. Любовь, Которая изъ Египта привела Израильтянъ въ обѣтованную землю, ведетъ и тебя. Хранимый всемогущимъ Богомъ, ты можешь быть покоенъ. А ты, трепещущій Христіанинъ, не унывай. Любовь Христа не изсыхаетъ какъ лѣтняя вода; никто еще не видѣлъ руки ея. Милосердіе Христа не охладѣваетъ. Ободрись; и, если нѣтъ радости въ тебѣ, ищи ее въ Господѣ. Ты говоришь, что вѣра Твоя слаба, но Тотъ, Кто далъ тебѣ и эту слабую вѣру можетъ и увеличить ее. Ты говоришь, что грѣхи твои многочислены. Но гдѣ то множество грѣховъ, которое не покроетъ кровь Христа! Да и кто сказалъ тебѣ о грѣхахъ твоихъ? Не тотъ ли, кто готовъ простить ихъ? Ободрись же, возложи всѣ заботы на Іисуса,—грѣхи, невѣріе, сомнѣніе, страхъ, все „твое бремя". Онъ возьметъ ихъ и понесетъ за тебя. Вѣрь, что если ты станешь Его пшеницей здѣсь на землѣ, то будешь въ житницѣ Его на вѣки.

Честное объявление кабачника.

Принося благодарность моимъ постояннымъ посѣтителямъ за ихъ ревностное содѣйствіе, я въ тоже время извѣщаю, что получилъ новый привозъ отборныхъ водокъ и разныхъ спиртныхъ напитковъ, посредствомъ которыхъ буду продолжать увеличивать число нищихъ, пьяницъ и бродягъ. Мои напитки будутъ возбуждать ко всякому буйству, воровству, дракамъ и даже убійствамъ; и также будутъ разрушать благосостояніе, увеличивать расходы и сокращать жизнь. Я рекомендую ихъ съ увѣренностью, что они будутъ способствовать къ умноженію несчастныхъ случаевъ и смертельныхъ болѣзней; они пріятнымъ образомъ лишатъ, — кого жизни, кого—разсудка, всѣхъ же добраго имени и душевнаго спокойствія; обра-

тятъ отцевъ—въ безсердечныхъ извергов, матерей—сдѣлаютъ жестокими, женъ—вдовами, дѣтей — сиротами, всѣхъ — нищими. Они научатъ молодыхъ всякому пороку, лжи, лѣности, гульбѣ, старыхъ вгонятъ въ могилу и вообще будутъ увеличивать смертность.

Этимъ путемъ я буду служить обществу; цѣною, быть можетъ, моей собственной безсмертной души. Но что-же дѣлать! мнѣ надо содержать семью; мое занятіе выгодно; люди имъ не брезгаютъ, а напротивъ поддерживаютъ. И если не я, то кто-либо другой примется за это дѣло. Я знаю, что Слово Божіе говоритъ: „не убей“, и возвѣщаетъ „горе тому, который подаетъ ближнему своему питье и дѣлаетъ его пьянымъ, чтобы видѣть срамоту его“ (Аввак. 2, 15); знаю что оно повелѣваетъ мнѣ не подавать брату случая къ соблазну (Римл. 14, 13) и завѣряетъ: что „пьяницы не наслѣдуютъ царства Божія“; (Корин. 6, 10) но, несмотря на все это, мнѣ нравится этотъ легкій способъ наживать деньги и я рѣшился собирать мзду неправедную и богатѣть раззореніемъ ближнихъ моихъ. Поэтому, я стану продолжать ревностно мою торговлю; и, зная что она будетъ процвѣтать по мѣрѣ вашего невѣжества и невоздержности, я употреблю всѣ усилія, чтобы препятствовать нравственному развитію, чистотѣ нравовъ и благочестію.

Если вы сомнѣваетесь въ моей способности, я обращу васъ за доказательствами въ богадѣльни, къ закладчикамъ, въ больницы, полицейскіе дома и тюрьмы, гдѣ много моихъ потребителей. Взглянувъ на нихъ, вы убѣдитесь, что я умѣю держать слово: что обѣщаю, то и исполняю. Вашъ покорный слуга. ***

Орелъ и мальчикъ.

Новое ученіе.

Однажды въ кругу молодежи, одинъ юноша самоувѣренно возгласилъ: „какую я новость скажу?“ „Ну, говори скорѣе“, отвѣчали другіе.—„Появилось новое ученіе, по которому вѣчное мученіе не существуетъ. Слово „вѣчное“ не означаетъ безконечное въ Библіи, когда относится къ мученію“. „Дѣйствительно, отличная новость, особенно для тебя“, отвѣчалъ одинъ изъ товарищей.—„Отчего именно для меня?“ „А вотъ отчего. Ты отлично знаешь, что по твоей жизни и грѣхамъ, ты заслужилъ наказаніе, но грѣхи эти тебѣ нравятся, и ты отъ нихъ не откажешься, оттого тебѣ такъ и нравится это новое ученіе“. Разсказщикъ, обличаемый совѣстію замолчалъ.

Не вѣрь и ты, читатель, этому современному лжеученію. Это временный успокоительный пластырь, придуманный діаволомъ, который былъ человѣкоубійцею отъ начала.

Безумецъ сказалъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога.

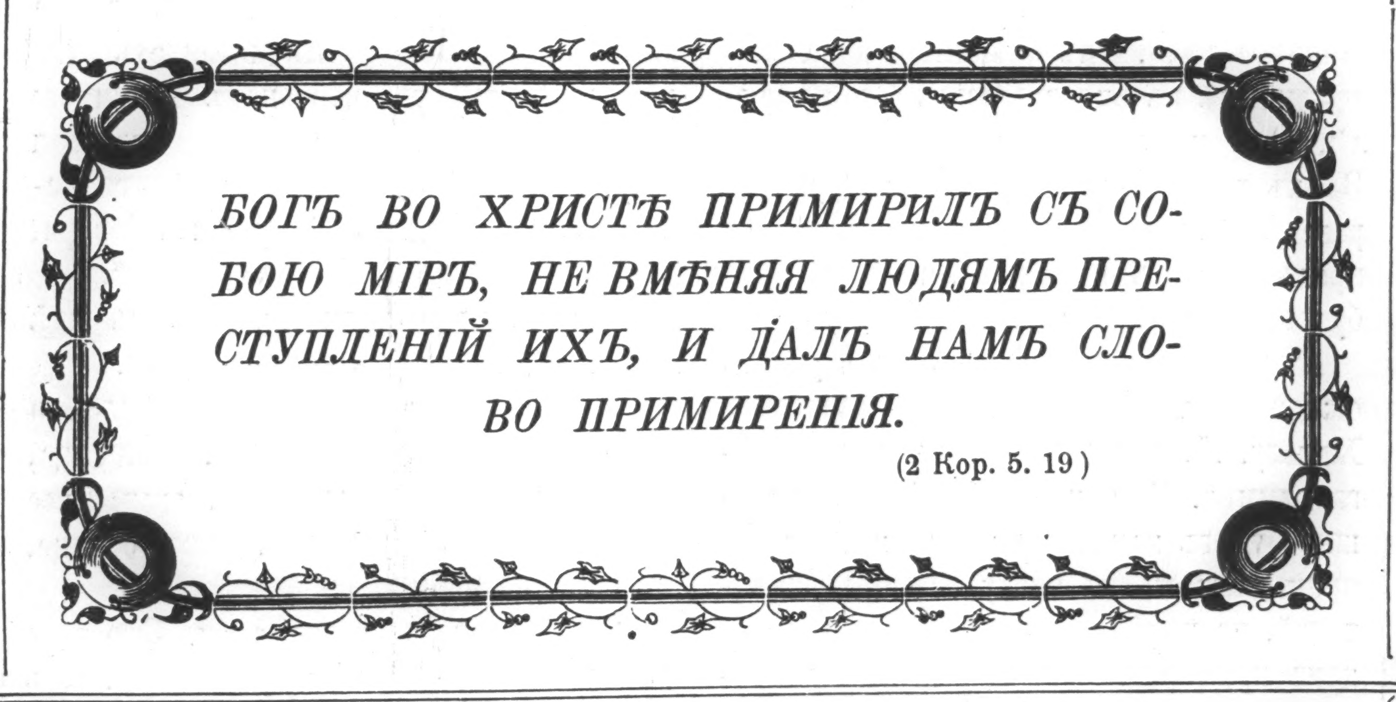
Пс. XIII, I; LII, 2.

Если же и закрыто благовѣствованіе наше, то закрыто для погибающихъ, для невѣрующихъ; у коихъ богъ вѣка сего ослѣпилъ умы.

Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіять свѣту, озарилъ и наши сердца, дабы просвѣтить насъ познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа. 2 Кор. IV, 3—6.

Слово о Крестѣ для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ сила Божія. Ибо написано: уничтожу мудрость мудрецовъ, и разумъ разумныхъ ниспровергну. Гдѣ мудрецъ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ искусный въ состязаніяхъ вѣка сего? Необратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? Ибо когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей; то благоугодно было Богу спасти вѣрующихъ невѣжествомъ проповѣди. Іудеи требуютъ чудесъ, а Еллины ищутъ мудрости; но мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе; для самихъ же призванныхъ, Іудеевъ ли, или Еллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость. Потому что безумное Божіе мудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ. 1. Кор. I, 18—25.

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, Что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволеніе. Лук. X, 21.

БОГЪ ВО ХРИСТѢ ПРИМИРИЛЪ СЪ СОБОЮ МІРЪ, НЕ ВМѢНЯЯ ЛЮДЯМЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ИХЪ, И ДАЛЪ НАМЪ СЛОВО ПРИМИРЕНІЯ.

(2 Кор. 5. 19)

Доволенъ ли ты?

Одинъ богатый человѣкъ поставилъ на большомъ полѣ, принадлежавшемъ къ его помѣстью, вѣху съ надписью: я даю эту землю тому, кто доволенъ тѣмъ, что имѣетъ.— Вскорѣ явился желающій. „Ты развѣ доволенъ тѣмъ, что имѣешь“? Спросилъ владѣтель поля. „Совершенно доволенъ“, отвѣчалъ посѣтитель. „Такъ на что-же тебѣ мое поле?“—Этотъ вопросъ озадачилъ искателя поля и заставилъ его удалиться въ молчаніи.

Чтобы быть всегда готовымъ во время, старайся быть готовымъ немного прежде времени.

Кто всѣмъ доволенъ, у того всегда праздникъ; но кто себѣ угождаетъ, тотъ доволенъ не бываетъ.

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ....... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Сентября 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 11. 1878 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 4-й.

Марта Вашингтонъ.

Лучшій способъ одѣться къ лицу.

(Статья для щеголихъ.)

Моды женскихъ уборовъ обыкновенно изобрѣтаютъ въ Парижѣ, а оттуда онѣ распространяются повсюду и приходятъ въ наше отечество. Мы узнаемъ о нихъ по такъ называемымъ моднымъ картинкамъ. Кто не видалъ этихъ картинокъ? Онѣ проникаютъ всюду, не только въ отдаленные города, но даже въ села, гдѣ наши сельскія щеголихи нынче уже охотно смѣняютъ свой простой, удобный народный уборъ на чужеземную, часто совсѣмъ неприкладную къ русскому сельскому быту „моду". Въ модныхъ картинкахъ первое дѣло — нарядъ, а самое послѣднее — лицо. Лица всѣхъ дамъ, на которыхъ развѣшаны модные уборы, замѣчательны только тѣмъ, что они не выражаютъ *ничего*. Въ нихъ нѣтъ ни скромности, ни доброты, ни ума, ни, словомъ, никакого чувства, которое выражаетъ собою сокровеннаго человѣка, живущаго въ глубинѣ нашего сердца. Полное и совершенное отсутствіе всякаго выраженія есть особенность этихъ лицъ и этому не должно удивляться: имъ неоткуда взять *выраженія*. Эти люди плоть. Духъ не живетъ въ нихъ и не можетъ жить, потому что въ нихъ все заняла одна суета.

И точно такія лица, какія изображены на модныхъ картинкахъ, случается встрѣчать въ жизни. Ихъ даже не мало, и, къ сожалѣнію, ихъ часто находятъ красивыми. Это для нихъ горе, потому что похвалы ихъ красотѣ причиняютъ имъ безконечныя хлопоты. Онѣ вѣчно заботятся одѣться къ лицу, и въ уборѣ ихъ всегда еще чего-то недостаетъ для ихъ полнаго удовлетворенія. Иныхъ эта суета не покидаетъ до гробовой доски.

Ужасное состояніе! Если такая забота овладѣваетъ душою женщины, — она въ опасномъ положеніи, отъ котораго нужно спѣшить ее спасать. Лучшій способъ для такого спасенія — показать ей другое изящество, болѣе полное, болѣе совершенное и, притомъ, неизмѣняющееся до гроба.

Есть другія, удивительныя искусницы, которыя знаютъ тайну этого изящества. Ихъ стоитъ увидать разъ, чтобы почувствовать ихъ превосходство и потомъ уже никогда не позабыть ихъ чуднаго убранства.

Онѣ тоже слѣдуютъ предписанію, но оно дано имъ не изъ Парижа. По крайный мѣрѣ, самая новѣйшая картинка, представившая прекрасныя лица въ этомъ родѣ, была прислана въ Европу изъ Америки. Она была очень проста, но остановила на себѣ вниманіе всѣхъ настоящихъ знатоковъ и цѣнителей *истинной* красоты.

Мы говоримъ о картинкѣ, которая два — три года тому назадъ была воспроизведена во всѣхъ иллюстрированныхъ газетахъ Европы. Картинка представляла двѣнадцать *не красивыхъ* женскихъ головъ, расположенныхъ просто въ двѣ шеренги, по шести въ рядъ. Это женщины „новаго свѣта", женщины *присяжныя*, призванныя обсудить чужую вину. Онѣ сидятъ и слушаютъ. Только всего! Но вы поражаетесь непередаваемою духовною красотою этихъ не красивыхъ лицъ. Сквозь ихъ глаза глядитъ „внутренній сердца человѣкъ" и испытуетъ все, даже до глубины помысла смятенной души того, о комъ идетъ рѣчь. Это одухотворенныя лица, или олицетворенные духи, которымъ вѣдомо: какъ правда и милость должны встрѣтиться.

Мы много разъ смотрѣли на эту картину, много часовъ провели въ невыразимомъ наслажденіи, любуясь тонкою и въ то же время глубокою работою священнодѣйственнаго духа, которую отражали эти *некрасивыя* лица, и теперь, когда намъ пришлось о нихъ вспомнить, мы вдругъ чувствуемъ, какое мы сдѣлали ужасное упущеніе: — мы не замѣтили, въ чемъ были одѣты эти американскія дамы. Это произошло оттого, что ихъ лица были гораздо интереснѣе ихъ убора.

И мы помнимъ, что тогда очень многіе, вертя въ рукахъ милую картинку, удивлялись: откуда у нихъ *такое поразительно — глубокое выраженіе*? Чаще всего вопросъ рѣшали тѣмъ. что это „такая раса", то есть будто эта глубина мысли и чувства есть врожденное свойство американки.

Однако это не такъ: — и въ Америкѣ, какъ во всемъ остальномъ свѣтѣ, есть люди разные. Посмотрите на нашу сегодняшнюю картинку, которую мы нарочно приберегли къ приближающемуся праздничному и нарядному времени.

На нашей картинкѣ вы видите четыре женскія лица: три молодыя щеголихи и одна пожилая дама. Онѣ всѣ американки, но всмотритесь въ нихъ и вы безъ большаго труда почувствуете, что раса или порода не дала имъ одинаковой степени духовнаго содержанія. Глазъ вашъ, конечно, легко и даже пріятно скользнетъ по молодымъ лицамъ трехъ младшихъ дамъ, но онъ долженъ остановиться и зорко всмотрѣться въ степенное, сильное и внушительное лицо старшей дамы, которая стоитъ съ чулкомъ и вязальными спицами въ рукахъ. Ея молодость уже ушла и увела съ собою ея красоту, но время не смѣло коснуться невыразимой прелести ея благороднаго выраженія. Преобразующая сила ея заключается въ томъ, что никогда не старѣетъ: у этой женщины *красивая душа*. Вы, конечно, ей, а не этимъ тремъ милымъ дамамъ, охотнѣе ввѣрите гнетущую васъ тайну; ей, а не имъ, вы скорѣе согласитесь открыть свое горе, и ее, а не ихъ, вы предпочтете увидѣть у своего смертнаго изголовья, чтобы передать ей послѣдній вздохъ и предсмертную просьбу о милыхъ вашему сердцу. Вотъ на сколько ея духовная красота превышаетъ ту миловидность, которою блещутъ молодыя личики ея собесѣдницъ.

Къ немалому для насъ удовольствію, жизнь этой женщины на столько намъ извѣстна, что мы можемъ разсказать: что содѣйствовало развитію высокаго характера, которымъ дышетъ ея одухотворенное лицо. Ее зовутъ Марта Вашингтонъ, она жена Георга Вашингтона, освободителя Сѣв. Ам. Штатовъ и, впослѣдствіи, ихъ президента.

Марта Вашингтонъ была женщина простаго, но очень яснаго ума, благороднаго и великодушнаго сердца. Привычки ея были до того просты, что когда она заняла по мужу первое мѣсто въ обществѣ, то продолжала жить такъ же скромно, какъ жила прежде, у себя на фермѣ. Это возбудило неудовольствіе всѣхъ дамъ, желавшихъ веселиться.

Имъ такъ не нравилась строгая простота жизни Марты Вашингтонъ, что онѣ вышли изъ терпѣнія и рѣшились съ нею объясниться. Съ этою цѣлью онѣ выбрали изъ своей среды трехъ представительницъ и послали ихъ сказать президентшѣ, что ея тихій образъ жизни имъ досаждаетъ, и что онѣ просятъ измѣнить его. Онѣ хотѣли больше шуму, больше блеска, и вообще всего того, что разнообразитъ жизнь городскихъ обществъ.

Наша нынѣшняя картинка представляетъ именно это интересное свиданіе, изъ котораго молодыя модницы вынесли себѣ не мало пользы, хотя совсѣмъ не той, какую онѣ ожидали.

Жена президента приняла дамъ въ простой, скромной комнатѣ, гдѣ она обыкновенно занималась. Вы видите здѣсь всю ея обстановку: простой стулъ, простыя полки для книгъ, потертые переплеты которыхъ показываютъ, что имъ не даютъ застаиваться безъ дѣла; на столѣ рабочая корзинка, а въ рукахъ хозяйки вязанье; — словомъ: весь человѣкъ въ дѣлѣ.

Молодыя особы не безъ застѣнчивости высказали Мартѣ Вашингтонъ свои претензіи: онѣ, разумѣется, знали ея заслуги и помнили, что говорятъ съ женщиной, которая много лѣтъ кряду лишала себя самаго необходимаго, дабы сберечь что можно на нужды родины, сражавшейся съ своими врагами.

Марта Вашингтонъ выслушала ихъ суетныя претензіи съ полнымъ спокойствіемъ души, которая „много постигнувъ, много прощаетъ", и дала имъ такой отвѣтъ:

— Я благодарю васъ, сказала она, что вы довѣрили мнѣ ваши желанія. За вашу откровенность я и сама заплачу вамъ откровенностію. Мнѣ это будетъ не трудно, во первыхъ потому, что я привыкла всегда быть искренней, а во вторыхъ потому, что вы сами дали мнѣ тонъ, въ которомъ я должна отвѣчать вамъ.

Дамы поклонились.

— Да, продолжала президентша: вы въ вашемъ разговорѣ со мною упомянули объ общественномъ уваженіи къ моему мужу. Мнѣ, какъ его женѣ, конечно, очень дороги такія чувства народа, за который мой мужъ отдавалъ свою жизнь. Но вы мнѣ, вѣроятно, позволите разсказать вамъ: откуда взялись у моего мужа тѣ благородныя свойства, за которыя вы, по вашимъ словамъ, его такъ уважаете?

Дамы, разумѣется, отвѣчали согласіемъ.

— Потрудитесь — же выслушать. Добрыми свойствами своего духа и характера мужъ мой обязанъ его матушкѣ, которая была умна, трудолюбива, умѣренна и чрезвычайно проста. Въ этомъ духѣ воспитанъ мой мужъ. Его мать пряла и ткала, его жена вяжетъ ему чулки и вообще любитъ полезную работу. Эти простыя привычки сослужили намъ большую службу: въ то время, когда васъ еще совсѣмъ не было на свѣтѣ, или вы были дѣтьми и безпечно рѣзвились, наши мужья и братья, не щадя жизни, бились за свободу отчизны. Это было тяжелое и роковое время когда родинѣ дорога была каждая лепта и каждое движеніе мышцъ ея сыновъ и дочерей. Да; и мы, женщины, были нужны, и мы не гуляли. Намъ некогда было скучать: — мы работали полезныя вещи и берегли все въ своемъ хозяйствѣ. Я шла за моимъ мужемъ въ его зимнихъ походахъ, а его мать съ другими женщинами пряли да ткали сукна, и только благодаря этой простотѣ жизни да трудолюбію, мы, женщины, дали великимъ гражданамъ нашей родины силу и возможность отстоять для васъ и вашихъ дѣтей независимость и свободу... Какъ же вы хотите, чтобы теперь я, старуха, измѣнила тотъ образъ жизни, который всегда считала за наилучшій и вѣрю, что онъ устроилъ освобожденіе моей родины? Неужто вы хотите отнять у меня эту увѣренность?

— О, никогда! отвѣчали сконфуженныя молодыя дамы.

— Благодарю васъ, что вы позволяете мнѣ сберечь это на мою старость. Теперь, стало быть, мнѣ остается вамъ отвѣтить только за то, что я не бросаю безъ нужды моего платья, пока нахожу его еще годнымъ служить мнѣ свою службу. Вы, можетъ быть, находите, что оно немножко отстало отъ послѣдней моды. Это, признаться сказать, кажется правда, только знаете-ли: у меня есть оправданіе, которое и эту мою вину можетъ облегчить.

Дамы не знали, къ чему клонитъ свою рѣчь Марта Вашингтонъ, и молчали. А та снисходительно улыбнулась и добавила:

— Да, вы, пожалуста, не думайте, что я въ отношеніи моихъ нарядовъ ничего не понимаю и не справлялась ни съ какою книжкою. Будьте увѣрены, что я не такъ проста! У меня на этихъ полкахъ тоже есть книга, въ которой изложены превосходныя правила для женскаго туалета. Если вы хотите мнѣ позволить, то я охотно вамъ прочту ихъ, — онѣ же къ тому и очень недлинны.

— Мы васъ слушаемъ, тихо проронили дамы.

Марта Вашингтонъ взяла съ полки книгу, быстро накинула рукою знакомое мѣсто и прочитала:

— „Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ, въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ."

— Отгадываете-ли вы, какъ называется эта книга, изъ которой я прочла эти правила самаго изящнаго женскаго убранства, спросила Марта Вашингтонъ.

— Да, тихо прошептали въ отвѣтъ ея гостьи.

— Ну, такъ уже мнѣ вамъ къ этому добавить нечего. Читайте чаще эту кни-

гу—и вашъ нарядъ не будетъ требовать отъ васъ большихъ хлопотъ, которыя мѣшаютъ вашей веселости и счастію вашихъ семействъ.

Нашъ пересказъ конченъ, и его нехитрая мораль не требуетъ толкованія: и о внѣшнемъ убранствѣ лучшій совѣтъ мы находимъ въ той святой книгѣ, которою Марта Вашингтонъ остепенила суетность своихъ молоденькихъ гражданокъ. Эта-же книга даетъ и лучшее выраженіе лицу человѣка, по ней настроивающаго свою жизнь и свою душу. Все это въ вашей возможности и въ вашей власти. Картинку эту мы помѣстили въ виду приближающихся праздниковъ, а съ ними и обычныхъ заботъ не столько о нужномъ, сколько о ненужномъ и дажео совершенно излишнемъ... Въ предстоящихъ вамъ заботахъ о праздничныхъ уборахъ и забавахъ, безъ которыхъ скучаетъ наша праздность, вспоминайте урокъ Марты Вашингтонъ и чаще обращайтесь къ избранному ею источнику свѣта, который далъ свой отблескъ на лицо ея, и можетъ просвѣтить лицо ваше.

„Наше собраніе къ Нему".

(2 Ѳес. 2. 1).

Въ каждомъ сердцѣ есть струна, которая отзовется на эти слова: „наше собраніе". Люди рѣдко любятъ одиночество; имъ нужны другія лица, другія сердца; въ кругу родныхъ и друзей они довольны и веселы.

Когда приближается большой праздникъ, у всѣхъ мысли заняты свиданіемъ съ близкими, а у одинокихъ и бездомныхъ, какъ-то особенно тяжело на сердцѣ. Вездѣ начинаются хлопоты о подаркахъ, о ёлкѣ, у дѣтей ученіе идетъ хуже, но веселѣе, у взрослыхъ заканчиваются работы; усталыя головы и руки ждутъ отдыха на праздникѣ.

Есть люди, которые смѣются надъ этимъ и увѣряютъ, что ихъ не тянетъ въ далекую деревню, или родимый городъ, обнять отца и мать, и подышать домашней любовью. Но мы имъ не вѣримъ. Они обманываютъ себя и насъ, потому что у нихъ умъ заходитъ не за разумъ, какъ говорится, а за сердце. Пусть они намъ не портятъ, угрюмо, нашей радости; пусть лучше присоединятся къ ней и разгладятъ сдвинутыя брови, слушая дѣтскій смѣхъ и глядя на наше простое веселье.

Наше веселье не въ нарядахъ и богатыхъ подаркахъ, взятыхъ, быть можетъ, въ долгъ, чтобы потѣшить свое тщеславіе, или загладить незагладимую вину. Наше веселье не въ безчинствѣ и пьянствѣ, которыя неприличны такому святому празднику, да и никакому дню года. А въ томъ наше веселье, что мы вмѣстѣ, что мы другъ друга любимъ, и что это наше семейное, радостное собраніе. Весело и дѣдушкѣ старичку и бабушкѣ, и матери семейства, несмотря на хлопоты, и отцу, добывшему трудомъ чѣмъ потѣшить семью, и дѣтямъ и племянникамъ, и сироткѣ, попавшей въ нашу семью, и прислугѣ, и нянѣ, гдѣ есть, и сосѣдкѣ одинокой и больной, которая приплелась взглянуть на наше веселье.

Но все-ли весело, и только-ли весело на нашемъ семейномъ сборѣ? — Нѣтъ, рядомъ съ весельемъ есть и слёзы. Воспоминаніе живо рисуетъ лица, которыхъ ужъ нѣтъ на землѣ, называетъ имена дорогія, на которыя никто не откликнется. Сердце чувствуетъ непрочность всего земнаго и спрашиваетъ себя, что будетъ черезъ годъ? Не порвется-ли цѣпь и не выпадетъ-ли еще какое нибудь дорогое звено? Да, и въ этомъ году проницательный глазъ увидитъ много горькой примѣси, въ нашемъ весельѣ. На землѣ все неполно, все не надолго, все отравлено грѣхомъ.

Нѣтъ-ли другаго собранія, хотя бы и въ далекомъ будущемъ, къ которому мы могли бы обратить взоръ упованія; лучшаго собранія, гдѣ бы слезы не примѣшивались къ радости, и горечь къ любви?

Слово Божіе говоритъ намъ утвердительно, что будетъ такое собраніе, когда Христосъ, Спаситель нашъ, снова прідетъ на землю: „Онъ пошлетъ ангеловъ Своихъ съ трубою громогласною; и соберутъ избранныхъ Его отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края небесъ до края ихъ". (Матѳ. 24. 31). Тогда „море отдастъ мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдадутъ мертвыхъ, которые были въ нихъ". (Откр. 20. 13). „Мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде. Потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ, на воздухъ, въ срѣтеніе Господу". (1 Ѳес. 4. 16, 17). „Не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся, вдругъ, во мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными; а мы измѣнимся". (1 Кор. 15. 51, 52).

Это будетъ великое и дивное собраніе, изо всѣхъ странъ и народовъ, временъ и поколѣній. Какъ написано: „не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ, любящимъ Его". (1 Кор. 2. 9).

Это собраніе должно было бы чаще занимать наши мысли и привлекать сердца. Ап. Павелъ, говоря о немъ, прибавляетъ: „Утѣшайте другъ друга сими словами". Между тѣмъ, мы видимъ, что для многихъ, всякія земныя собранія, дѣловыя, ученыя, денежныя, кажутся привлекательнѣе, а мысль о собраніи ко Христу возбуждаетъ страхъ. Страхъ этотъ, очевидно, происходитъ отъ неувѣренности, что для насъ оно будетъ радостно, а не печально. Мы знаемъ, что найдутся тамъ такіе, которымъ Христосъ скажетъ: „отъидите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе". (Матѳ. 7. 23). Не къ нимъ ли мы будемъ принадлежать? важный вопросъ! Одинъ Богъ можетъ рѣшить его для каждаго, и Духъ Его свидѣтельствуетъ духу нашему о Его рѣшеніи.

Но есть признаки, которые бросаютъ свѣтъ на наше внутреннее состояніе душевное. Наши отношенія, вкусы, влеченія, вѣрно опредѣляютъ насъ самихъ. Прослѣдимъ-же ихъ, и спросимъ себя: какого рода собранія мы предпочитаемъ на землѣ? Если намъ пріятнѣе въ шумныхъ и веселыхъ кружкахъ, нежели въ обществѣ людей благочестивыхъ, если разгульныя пѣсни намъ нравятся болѣе духовныхъ, и пустыя книги интереснѣе св. Писанія, если часы молитвы для насъ тянутся безконечно, а часы увеселенія всегда слишкомъ коротки,—то не ясно-ли, что собраніе вѣрующихъ ко Христу не можетъ прицести намъ радости"? Если упадетъ дерево на югъ или на сѣверъ, то оно тамъ и останется, куда упадетъ", говоритъ мудрый Соломонъ. (Еккл. 11. 3).

„Собраніе наше къ Нему" принесетъ съ собою порядокъ вещей, столько-же непохожій на настоящій, какъ день непохожъ на ночь. Теперь мы видимъ часто, „что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ — побѣда, не мудрымъ — хлѣбъ, и не у разумныхъ — богатство, и не искуснымъ — благорасположеніе". (Еккл. 9. 11). Видимъ также „нечестивца грознаго, расширяющагося, подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву". (Пс. 36. 35). Но тогда, зло будетъ побѣждено добромъ, всѣ тайныя помышленія сердецъ обнаружатся и всякое дѣло будетъ испытано огнемъ. Потому и сказано въ св. Писаніи: „не судите никакъ прежде времени, пока не прідетъ Господь, который и освѣтитъ скрытое во мракѣ, и обнаружитъ сердечныя намѣренія, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога". (1 Кор. 4. 5). Если-же насъ не радуетъ эта надежда, и не тяготятъ насъ наши грѣхи и грѣхи другихъ; если удовлетворяетъ насъ земная жизнь, со всѣми ея мірскими сокровищами и наслажденіями, — то, конечно, нерадостно будетъ для насъ великое „собраніе къ Нему".

Эта радость для тебя, „малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство"; (Луки 12. 32). для васъ, которые „омыли одежды свои и убѣлили одежды свои кровію агнца"; (Откр. 7. 14), для васъ силою Божіею, чрезъ вѣру, соблюдаемыхъ ко спасенію, готовому открыться въ послѣднее время"; (1 Петр. 1. 5). для васъ, послѣдовавшихъ за Христомъ, и „возлюбившихъ явленіе Его". (2 Тим. 4. 8). Теперь, вы малое стадо, тогда вы окажетесь: „великимъ множествомъ людей, котораго никто не возможетъ перечесть, изъ всѣхъ племенъ, и колѣнъ, и народовъ, и языковъ". (Откр. 7. 9). Теперь, вы страдаете, на малое время отъ различныхъ скорбей и искушеній, тогда вы не будете „ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить васъ солнце и никакой зной: ибо Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти васъ и водить васъ на живые источники водъ; и отретъ Богъ всякую слезу съ очей вашихъ" (Откр. 7. 16, 17).

Но главная радость въ томъ, что это будетъ „наше собраніе къ Нему" ко Христу, котораго, говоритъ Ап. Петръ: „не видѣвъ любите, и котораго доселѣ не видя, но вѣруя въ Него, радуетесь радостію неизреченною и преславною". Ко Христу, Котораго мы наконецъ увидимъ, не „какъ бы сквозь тусклое стекло, а лицемъ къ лицу" и увидѣвъ, воспоемъ Ему новую пѣснь: „Ему, возлюбившему насъ и омывшему насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію своею, и содѣлавшему насъ царями и священниками Богу и Отцу своему, слава и держава во вѣки вѣковъ". (Откр. 1. 5, 6).

И такъ, не оставляйте упованія вашего, которому предстоитъ великое воздаяніе. Терпѣніе нужно вамъ, чтобы, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное. Ибо еще немного, очень немного, и Грядущій прідетъ и не умедлитъ". (Евр. 10. 35—37).

Будемъ часто обращать взоръ нашъ къ великому дню сему. Отремъ слезы наши о тѣхъ, которыхъ нѣтъ съ нами, вѣруя, что „умершихъ въ Іисусѣ, Богъ приведетъ съ Нимъ". (1 Ѳес. 4. 14). Теперь, мы живемъ вѣрою, тогда видѣніемъ: „се, грядетъ съ облаками, и узритъ Его всякое око". (Откр. 1. 7). Въ тотъ день мы воскликнемъ: „Вотъ Онъ, Богъ нашъ! на Него мы уповали; и Онъ спасъ насъ! Сей есть Господь; на Него уповали мы; возрадуемся и возвеселимся во спасеніи Его!" (Исаіи 25. 9).

Индѣйская притча.

Въ языческихъ книгахъ Индѣйцевъ найденъ слѣдующій разсказъ, котораго нравственное примѣненіе можетъ быть не безъ пользы и для насъ:

У одного царя былъ сынъ, котораго своеволіе и проступки истощили всякое терпѣніе и снисхожденіе. Увѣщанія и угрозы не помогали, и наконецъ, молодой человѣкъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Ему дано было три мѣсяца срока, чтобы онъ могъ приготовиться къ смерти. Послѣ того, отецъ пожелалъ еще разъ увидѣть сына и повелѣлъ его привести къ себѣ. Взглянувъ на него, онъ удивился той перемѣнѣ, которая въ это короткое время произошла съ молодымъ человѣкомъ: лице его осунулось, глаза впали, онъ весь исхудалъ и опустился.

„Отчего ты такъ измѣнился, сынъ мой?" спрашиваетъ его царь.

„Какъ же мнѣ не измѣниться, отецъ мой, „отвѣчаетъ сынъ"; я три мѣсяца постоянно видѣлъ передъ собою смерть".

„Если такъ", сказалъ отецъ, „если мысль о смерти произвела въ тебѣ такую ужасную перемѣну и такія серьозныя размышленія, то я отмѣняю смертную казнь; но требую, чтобы ты твое теперешнее настроеніе и расположеніе сохранилъ навсегда".

„Отецъ мой! Это будетъ выше силъ моихъ. Какъ могу я противустоять всѣмъ соблазнамъ и искушеніямъ вновь дарованной мнѣ жизни!"

Вмѣсто отвѣта, царь повелѣлъ принести чашу и наполнить ее до верху прозрачнымъ древеснымъ масломъ. Вручивъ ее сыну, онъ сказалъ: „пронеси эту чашу по всѣмъ улицамъ моей столицы. За тобою, по пятамъ твоимъ, будутъ слѣдовать два палача, съ обнаженными мечами; если ты прольешь хоть каплю масла, голова твоя скатится въ ту же минуту".

Юноша повиновался. Медленно, но твердою поступью, шелъ онъ по улицамъ города, бережно неся въ рукахъ полную чашу. За нимъ слѣдовали палачи, готовые каждую минуту отрубить ему голову. Окончивъ свое опасное странствованіе, сынъ царя вернулся благополучно въ от-

цовскій домъ, не проливъ ни одной капли масла.

„Что-же ты видѣлъ интереснаго въ столицѣ? разскажи сынъ мой“; спросилъ царь.

„Ничего не видѣлъ я, рѣшительно ничего“, отвѣчалъ сынъ.

„Отчего-же такъ? вѣдь сегодня праздникъ и ярмарка, все разукрашено, на улицахъ много людей, звѣрей, увеселеній, въ лавкахъ развѣшены и выставлены разные товары. Разскажи же, что ты видѣлъ?“

„Ничего я не видалъ“, повторялъ сынъ, „глаза мои были прикованы къ этой чашѣ; я старался держать ее ровно, чтобы она не пошатнулась и не пролилось масло. Какъ возможно было мнѣ смотрѣть по сторонамъ, отклонить хотя на минуту мое вниманіе отъ чаши, когда ты повелѣлъ палачамъ слѣдовать за мною, и жизнь моя висѣла на волоскѣ“!

„Сохрани же въ памяти навсегда, сынъ мой, то, чему ты научился въ эти часы. Какъ осторожно ты держалъ чашу, такъ съ полнымъ вниманіемъ храни душу твою; и чтобы мысли твои не разсѣявались обольщеніями міра, обрати ихъ на то что вѣчно, потому что только вѣчное достойно всего нашего вниманія и должно наполнять нашу душу. Если не слѣдують за тобой палачи съ обнаженными мечами, то помни что смерть всегда близка и каждую минуту можетъ прекратить жизнь твою. Такимъ образомъ, ты незабудешь духовныхъ потребностей безсмертной души твоей и станешь остерегаться безпорядочныхъ движеній и порывовъ страстей, ведущихъ къ погибели“.

Сынъ исполнилъ это мудрое наставленіе отца и жилъ счастливо.

Неси и ты бережно твою чашу, читатель, т. е. храни свою безсмертную душу отъ зла. Помни, что „видимое временно, а невидимое вѣчно“ (2 Кор. 4. 18.) и что Христосъ сказалъ. „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ“. (Матв. 16. 25.)

БИБЛІЯ,

ТО ЕСТЬ СОБРАНІЕ КНИГЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ, ЕСТЬ ПЕРВАЯ, ВАЖНѢЙШАЯ КНИГА ДЛЯ ХРИСТІАНИНА, ДАННАЯ ЕМУ БОГОМЪ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРОСВѢТИТЬ ЕГО РАЗУМЪ, ОЧИСТИТЬ ЕГО СЕРДЦЕ И СПАСТИ ЕГО БЕЗСМЕРТНУЮ ДУШУ.

Здѣсь приводятся свидѣтельства о такомъ значеніи св. Писанія самого Господа нашего Іисуса Христа, потомъ Его учениковъ и апостоловъ и, наконецъ, отцевъ церкви и церковныхъ писателей разныхъ вѣковъ *).

Совѣтуемъ нашимъ читателямъ внимательно прочесть нижеслѣдующія свидѣтельства и крѣпко запомнить ихъ на случай всякихъ возраженій отъ людей, ставящихъ иную мудрость выше святаго Слова Божія.

I.

Прежде всего, выше всего и драгоцѣннѣе всего надлежитъ ставить святыя слова самого нашего Господа Іисуса Христа о великомъ значеніи св. Писанія.

Спаситель нашъ укорялъ Саддукеевъ за то, что они мало знаютъ св. Писаніе. Онъ сказалъ имъ:

„Заблуждаетесь, не зная Писаній, ни силы Божіей“ [1]).

Онъ положительно заставляетъ насъ заниматься св. Писаніемъ, говоря:

„Изслѣдуйте Писанія: ибо вы думаете черезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ“ [2]).

II.

Апостолы Христа тотчасъ послѣ Его вознесенія свидѣтельствуютъ о благомысленности людей, занятыхъ священнымъ Писаніемъ и имѣющихъ любовь къ изслѣдованію его.

„Они приняли слово со всѣмъ усердіемъ, ежедневно разбирая Писанія, точно-ли это такъ“ [3]).

III.

Апостолъ Павелъ пишетъ:

„Не въ отношеніи къ нему одному (Аврааму) написано, что вмѣнилось ему, но и въ отношеніи къ намъ; вмѣнится и намъ, вѣрующимъ въ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса (Христа), Господа нашего“ [4]).

„Все, что писано было прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы, терпѣніемъ и утѣшеніемъ изъ Писаній, сохранили надежду“ [5]).

Кориноянамъ Апостолъ Павелъ пишетъ:

„Не ропщите, какъ нѣкоторые роптали и погибли отъ истребителя. Все сіе происходило съ ними какъ образы, а описано въ наставленіе намъ, достигшимъ послѣднихъ вѣковъ“ [6]).

Колоссаевъ Апостолъ благословляетъ такъ:

„Слово Христово да вселяется въ васъ обильно, со всякою премудростію; научайте и вразумляйте другъ друга“ [1]).

Тимоѳею Апостолъ пишетъ:

„Ты изъ дѣтства знаешь св. писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности; да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ [2]).

IV.

(Въ концѣ перваго христіанскаго столѣтія.)

Климентъ. еп. римскій, стараясь поощрить христіанъ къ чтенію св. Библіи, писалъ:

„Читайте прилежно свящ. Писаніе, какъ изреченіе св. Духа“ [3]).

„Вы хорошо знаете св. Писаніе, вы хорошо понимаете изреченія Божіи; сохраняйте оныя всегда въ памяти“ [4]).

„Возьмите себѣ предъ ваши очи посланія св. Апостола Павла„ [5]).

V.

(Около 100-го года.)

Игнатій, ученикъ апостоловъ и мученикъ, пишетъ:

„Да не празднуемъ день недѣльный по примѣру іудейскому, въ тунеядствѣ, но каждый изъ насъ пусть празднуетъ его къ благу своей души, — не въ прохладѣ и тѣлесномъ покоѣ, а въ душевномъ услажденіи чтеніемъ св. Писанія“ [6]).

„Родители, читайте дѣтямъ вашимъ св. Писаніе“ [7]).

VI.

(Около 110-го года.)

Поликарпъ мученикъ пишетъ:

„Павелъ въ своемъ отсутствіи писалъ посланія, которыя, если вы со вниманіемъ читать ихъ будете, могутъ васъ назидать“ [8]).

VII.

(Около 140-го года.)

Іустинъ философъ и мученикъ писалъ:

„Придите и сдѣлайтесь причастниками ни съ чѣмъ несравнимой премудрости: поучитесь изъ слова Божія и узнайте вѣчнаго Царя, а не тѣхъ героевъ, которые ратуютъ противъ множества силъ. Вождь нашъ — слово Божіе, которое повсюду насъ сопровождаетъ. Оно не дѣйствуетъ ни на силу тѣлесную, ни на гордѣливость знати, но только на чистую душу, сила и благородство которой состоитъ въ благочестіи и кротости. Наши царскія охранительныя грамоты для насъ суть дѣйствующія въ насъ свидѣтельства Божественнаго слова, которое проницаетъ своею силою наши души. Эта сила не дѣлаетъ изъ насъ ни стихотворцевъ, ни философовъ, ни ораторовъ, но она руководитъ насъ къ высшимъ понятіямъ, которыя утверждаютъ насъ въ надеждѣ безсмертія и сопровождаютъ изъ этого міра въ другой“ [1]).

„Когда вы захотите читать св. Писаніе, то будете знать, что Богъ даруетъ все тѣмъ, кто Его любитъ“ [2]).

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

*) Читатели «Русскаго Рабочаго» всегда найдутъ продолженіе этихъ свидѣтельствъ на этомъ самомъ столбцѣ нашего изданія. Они будутъ продолжаться у насъ, пока мы приведемъ ихъ столько, сколько ихъ обрѣтетъ рука, дающая этотъ трудъ свой на пользу русскаго народа, любящаго утверждаться на свидѣтельствахъ церковныхъ писателей. Указанія источниковъ будутъ сдѣланы въ краткихъ выноскахъ подъ строкою, такъ-какъ это можетъ имѣть значеніе только для людей ученыхъ, которые пожелали бы насъ провѣрить. Весь трудъ этотъ, по дружбѣ къ нашему изданію, даритъ русскому человѣку Н. С. Лѣсковъ, имя котораго въ литературѣ достаточно извѣстно. *Ред.*

[1]) Ев. отъ Матѳ. гл. 22, ст. 29.
[2]) Ев. отъ Іоанна гл. 5, ст. 39.
[3]) Дѣян. гл. 17, ст. 11.
[4]) Къ Римлян. гл. 4, ст. 23 и 24.
[5]) Къ Римлян. гл. 15, ст. 4.
[6]) 1-е къ Коринѳ. гл. 10, ст. 10 и 11.

[1]) Къ Колоссаямъ гл. 3, ст. 16.
[2]) 2-е къ Тимоѳею гл. 3, ст. 15—17.
[3]) Epist. 1, c. 45.
[4]) Epist. 1, cap. 53.
[5]) Ibidem.
[6]) Epist. ad Magnes.
[7]) Epist. ad Philadelfph.
[8]) Epist. ad Philip. cap. 3.

[1]) Apolog. 1, cap. 38.
[2]) Epist. ad Diognet.

Еще человѣкъ.

Во время сильной бури, у береговъ Испаніи съ одного фрегата замѣченъ былъ разбитый купеческій корабль. На него, тотчасъ же, направлены были подзорныя трубы и по нѣкоторымъ признакамъ заключили, что на погибшемъ кораблѣ могли быть люди. Съ фрегата спустили лодку и нѣсколько смѣльчаковъ отправились на помощь, ныряя по волнамъ. Приблизившись, они увидали парусъ, привязанный къ сломанной мачтѣ, какъ бы для защиты отъ воды и вѣтра. Двое изъ нихъ быстро взобрались на обломокъ корабля и за парусомъ увидали скорченный оставъ человѣка изсохшаго отъ голода и не дававшаго признака жизни. Но сердце еще билось и жизнь не совсѣмъ угасла. Они подняли его на руки какъ ребенка, такъ онъ сталъ худъ и легокъ; въ ту минуту, какъ они собирались спустить его въ лодку, на руки товарищамъ, онъ съ невыразимымъ усиліемъ сталъ что-то бормотать гробовымъ голосомъ и они съ трудомъ разобрали слова:

„Тамъ еще человѣкъ“.

Едва вернулось къ нему сознаніе, какъ явилось желаніе спасти другого.

Примемъ этотъ урокъ къ сердцу. Много гибнущихъ вокругъ насъ, и если сами мы на скалѣ спасенія, то незабудемъ что повсюду найдется „еще человѣкъ“ нуждающійся въ братской помощи.

«Русскій Рабочій» будетъ издаваться и въ будущемъ, 1879 году, на прежнихъ условіяхъ. Подписка принимается въ редакціи, на Сергіевской № 20.

ДА ПРОСЛАВИТСЯ ИМЯ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА ВЪ ВАСЪ, И ВЫ ВЪ НЕМЪ, ПО БЛАГОДАТИ БОГА НАШЕГО И ГОСПОДА ІИСУСА ХРИСТА.

2. Ѳес. 1. 12.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Декабря 1878 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)